

ISSN 2588-0012 (Print)
ISSN 3034-5448 (Online)

ПРАВО:

история и современность

научно-практический информационный журнал

Защита трудовых
прав

С. 50

Преступность против
несовершеннолетних

С. 81

Ответственность
за жестокое обращение
с животными

С. 103

Воля физического
лица

С. 128

ISSN 2588-0012 (Print)
ISSN 3034-5448 (Online)
DOI: 10.17277/issn.2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

Т. 9, № 1. 2025

Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный технический университет»;

общество с ограниченной ответственностью
«Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Главный редактор

кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора

кандидат юридических наук **Е. В. Судоргина**

Ответственный секретарь

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Средство массовой информации журнал «Право: история и современность»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Регистрационный номер СМИ
ПИ № ФС77-76901 от 11.10.2019

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

392000, Тамбовская область, г.о. город Тамбов, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещ. 2
тел. (4752) 63 10 19; e-mail: tstu@admin.tstu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

392000, Тамбовская область, г.о. город Тамбов, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещ. 2
тел.: (4752) 63 03 84; e-mail: pravo_red@list.ru

Подписку на печатную версию журнала можно оформить
по объединенному каталогу «Пресса России». Подписной индекс – 85741

Подписано в печать 04.03.2025. Дата выхода в свет 01.04.2025.
Формат журнала 70*100/16. Усл. п. л. 11,90. Уч.-изд. л. 10,25.
Цена свободная. Тираж 100 экз. Заказ 006.

Макет подготовлен в редакции научных журналов Издательского центра ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 03 91,
e-mail: vestnik.tgtu@tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»
Адрес типографии: 392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А,
тел. (4752) 63 07 46

ISSN 2588-0012 (Print)

ISSN 3034-5448 (Online)

Знак информационной продукции 16+

© ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2025

© ООО «ЮЦ «ФОРУМ», 2025

СОВЕТ РЕДАКТОРОВ

Андрияшко Марина Васильевна	канд. юрид. наук, доцент	Барановичский государственный университет (Республика Беларусь), заведующий кафедрой общеправовых дисциплин и государственного управления <i>e-mail: andryiashkomv@mail.ru</i>
Аубакирова Индира Ураловна	д-р юрид. наук, профессор	Высшая Школа Права Казахского гуманитарно-юридического университета имени М. С. Нарикбаева <i>e-mail: indastana@gmail.com</i>
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права» <i>e-mail: gberg@yandex.ru</i>
Глушков Александр Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования <i>e-mail: profglushkov@mail.ru</i>
Гришина Яна Сергеевна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры гражданского права <i>e-mail: grishinel@inbox.ru</i>
Грудцына Людмила Юрьевна	д-р юрид. наук, профессор	Московская городская Коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов», заместитель председателя Президиума <i>e-mail: ludmilagr@mail.ru</i>
Гутников Олег Валентинович	д-р юрид. наук	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», главный научный сотрудник, и.о. заведующего отделом гражданского законодательства и процесса <i>e-mail: oleg_gutnikov@mail.ru</i>
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека» <i>e-mail: temp17@rambler.ru</i>
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» <i>e-mail: kandydat1@yandex.ru</i>
Зиядова Дурея Зиядиновна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», профессор кафедры «Уголовное право и криминология», заведующий лабораторией уголовно-правовых и криминологических исследований <i>e-mail: Zijadowa@yandex.ru</i>
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующая кафедрой «Международное право» <i>e-mail: irina_77707@list.ru</i>
Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Криминология» <i>e-mail: stanislav.kirillov.1955@mail.ru</i>
Крылов Константин Давыдович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», главный научный сотрудник сектора процессуального права <i>e-mail: kodakr@list.ru</i>

Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс» <i>e-mail: lavriktan@mail.ru</i>
Липчанская Мария Александровна	д-р юрид. наук, профессор	Высшая школа правоведения Института государственной службы и управления «РАНХиГС при Президенте РФ», профессор <i>e-mail: Lipchan_maria@mail.ru</i>
Манова Нина Сергеевна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой уголовного процесса <i>e-mail: n.manova@mail.ru</i>
Мельников Николай Николаевич	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», заведующий кафедрой гражданского права и процесса <i>e-mail: rurcredit@yandex.ru</i>
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: pravo@admin.tstu.ru</i>
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», директор Юридического института <i>e-mail: elenaorlova@yandex.ru</i>
Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кафедра криминалистики факультета подготовки криминалистов <i>e-mail: pamtambov@yandex.ru</i>
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: sclj@sclj.ru, rlinfo@mail.ru</i>
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», ведущий научный сотрудник <i>e-mail: svrybakova@mail.ru</i>
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», доцент кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: tikhnvaele@rambler.ru</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Беляев В. П. Координационный юридический процесс в механизме процессуально-правового регулирования.....	7
Богатырев М. Р. Концептуальные основания теории правового регулирования в современных условиях.....	15
Савин П. Т. Поощрение как способ предупреждения преступлений несовершеннолетних: положительный опыт Российской империи.....	22
Фомин А. А. Координационная роль суда при осуществлении примирительных процедур: теоретический аспект.....	32

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Обухович В. Э., Маюров Н. П. К вопросу о бюджетном регулировании закупок отдельными видами юридических лиц.....	41
Петров А. Я. Судебная защита трудовых прав: конституционно-правовые основания и международное регулирование.....	50
Упоров А. Г. Правовое обеспечение деятельности кинологических служб ФСИН России.....	62

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Аккева Х. А. Правовые проблемы и направления совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с экстремизмом.....	68
Джахиева Э. Г. Развитие информационно-коммуникационных технологий и рост преступности против несовершеннолетних: поиск путей его преодоления в России и за рубежом.....	81
Кочесокова З. Х. Семейное насилие и преступления против несовершеннолетних: вызовы и перспективы реформирования уголовного законодательства.....	91
Лыков Э. Н., Бельский А. И. Ответственность за жестокое обращение с животными в уголовном праве.....	103
Попов В. А., Теткин Д. В., Рудавин А. А. Тактика осмотра мест падения беспилотных летательных аппаратов.....	111

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гавриленко В. А., Шеншин В. М., Попков Д. В. Генезис и тенденции развития института добровольного медицинского страхования.....	120
Калинина И. А. «Воля» физического лица в гражданском праве и ее уровни в контексте междисциплинарного подхода (часть 1).....	128

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW

Belyaev V. P. Legal Coordination Process in the Mechanism of Procedural-Legal Regulation	7
Boghatyriov M. R. Conceptual Foundations of the Theory of Legal Regulation in Modern Conditions.....	15
Savin P. T. Incentive as a Way to Prevent Juvenile Crime: Positive Experience of the Russian Empire	22
Fomin A. A. The Coordinating Role of the Court in the Implementation of Conciliation Procedures: a Theoretical Aspect.....	32

PUBLIC LAW

Obukhovich V. E., Mayurov N. P. On the Issue of Budget Regulation of Procurement by Certain Types of Legal Entities	41
Petrov A. Ya. Judicial Protection of Labor Rights: Constitutional and Legal Basis and International Regulation	50
Uporov A. G. Legal Support for the Activities of the Canine Services of the Federal Penitentiary Service of Russia	62

CRIMINAL LAW

Akkaeva H. A. Legal Problems and Directions Improvement of Criminal-Legal Means to Combat Extremism	68
Djahieva E. G. Development of Information and Communication Technologies and the Growth of Crime Against Minors: Search for Ways to Overcome it in Russia and Abroad	81
Kochesokova Z. Kh. Domestic Violence and Crimes Against Minors: Challenges and Prospects for Reforming Criminal Legislation	91
Lykov E. N., Belsky A. I. Liability for Animal Cruelty in Criminal Law	103
Popov V. A., Tetkin D. V., Rudavin A. A. Tactics for Inspecting Unmanned Aerial Vehicle Collision Sites	111

PRIVATE LAW

Gavrilenko V. A., Shenshin V. M., Popkov D. V. Genesis and Trends of Voluntary Health Insurance	120
Kalinina I. A. The "Will" of an Individual in Civil Law and its Levels in the Context of an Interdisciplinary Approach (Part 1).....	128

КООРДИНАЦИОННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В МЕХАНИЗМЕ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Валерий Петрович Беляев, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
Курск, Россия;
belvp46@mail.ru

В общеправовой и отраслевой юридических науках проблематика юридического процесса получила широкое распространение в связи с продолжающейся актуализацией практически всех сфер правовой жизни нашего государства. В то же время теория юридического процесса окончательно не сформирована; остаются недостаточно исследованными вопросы сущности, содержания, видов, формы юридического процесса, одним из видов которого выступает координационный юридический процесс, пока недостаточно изученный, в том числе и в механизме процессуально-правового регулирования. На основе доктринальных подходов к исследованию юридического процесса в целом определены сущность и содержание одного из его видов – координационного процесса; выявлены его признаки, свидетельствующие о том, что сущность координационного процесса заключается в нормативно-установленной юридической деятельности его субъектов и участников, направленной на разрешение юридических дел. В свою очередь, в содержание координационного процесса включены собственно деятельность, особый субъектный состав, стадийность, итоговые документы и др. Предложен вариант определения понятия координационного юридического процесса как процедурно-процессуальной нормативно определенной деятельности ее субъектов и участников, направленной на разрешение юридических дел путем согласованного взаимодействия, а также вынесения (принятия) обязательных к исполнению процессуально-правовых актов (документов) охранительного либо регулятивного свойства.

Ключевые слова: координация; юридическая координация; координационный процесс; сущность; содержание; признаки; функции; принципы; согласованное взаимодействие.

Введение

Логика исследования по заявленной теме диктует необходимость следования следующему алгоритму: координация – правовая координация – координационный процесс – процессуально-правовое регулирование и его механизм – место и роль координационного процесса в правовом регулировании общественных отношений.

Следуя данному замыслу, вначале определим понятие координации как специфической деятельности определенного разряда лиц, направленной на согласование и взаимодействие тех или иных проблем, вопросов в целях получения максимально эффективного результата. Координационная деятельность фактически свойственна всем государственным органам; без координации невозможно планировать, управлять, руководить. С помощью данной деятельности устраняется параллелизм, дублирование, определяется целесообразное и оптимальное соотношение между органами в целом, их структурными подразделениями, налаживается учет и обмен информацией, сокращаются материальные и трудовые издержки и т.д. В зависимости от сферы (объекта) координация направлена на согласование (взаимодействие) в экономической, политической, социальной, научной сферах общественных отношений [12].

Обсуждение

Координационная деятельность также играет важную роль и в правовой жизни государства и общества, выступая одним из видов юридической деятельности в целом. Так, известный исследователь координационной деятельности А. А. Максуров координационную деятельность позиционирует как «разновидность юридической деятельности, осуществляемой именно компетентным органом, обладающим государственно-властными полномочиями» [6, с. 57]. По его мнению, координационная деятельность является высшим видом юридической деятельности, своего рода «последней деятельностью» [6, с. 58]. С нашей точки зрения, она играет связующую роль в юридической деятельности, обеспечивая должное соотношение как непосредственно внутри ее типов, так и между ними [1, с. 31]. Ее специфическая сущность определяется целеполаганием, направленностью на осуществление скоординированного, согласованного взаимодействия участников координационного совещания, совета, комиссии и т.п. Конечная цель юридической координации состоит во всемерном повышении качества деятельности всех уже названных участников и не только, ибо результаты координации могут быть восприняты и другими органами и должностными лицами, не являющимися ее участниками (субъектами).

Отсюда вытекает и специфика объекта юридической координации – координационные правоотношения других видов юридической деятельности; в этом смысле юридическая координация, образно говоря, возвышается над другими разновидностями юридической деятельности, побуждает, способствует повышению их эффективности.

В общей теории права устоявшимся является подход, согласно которому юридическая деятельность опосредована юридическим процессом и его процессуальной формой. В советский период еще у истоков изучения юридического процесса В. М. Горшенев применительно к исследованию видов юридического процесса отмечал: «Такой оптимальный вариант выделения соответствующих разновидностей процесса и определение их последовательности позволит, в свою очередь, полнее раскрыть логическую структуру механизма правового регулирования, его органическую целостность как способа юридического воздействия на общественные от-

ношения» [4, с. 4]. Тем самым была отмечена связь юридического процесса и механизма правового регулирования, а также роль процесса в упорядочении общественных отношений, их правовом регулировании.

В дальнейшем, в коллективном труде «Теория юридического процесса» было указано, что «...всестороннее исследование проблем юридического процесса, возможность его широкого понимания в совокупности представляет собой скрытый резерв поиска путей и методов дальнейшего повышения эффективности правового регулирования» [11, с. 14].

В современном прочтении в юридический процесс во всех его разновидностях, включая и юрисдикционные судопроизводственные процессы, а также координационный процесс, входят в качестве комплексного процессуально-правового средства [2] процессуально-правовой механизм и, следовательно, механизм правового регулирования (*далее* – МПР), видом которого является процессуальный механизм. Так, В. Н. Протасов рассматривает юридический процесс в рамках общей теории процессуального права, раскрывает его роль и значение в процессуально-правовом регулировании и его механизме, считая юридический процесс элементом процессуально-правового механизма, выполняющим охранительные и регулятивные функции [10, с. 119]. Солидаризируясь с указанным ученым, со своей позиции подчеркнем, что процессуальный механизм включает две составляющие – статическую и динамическую, при этом важным элементом его содержания выступает юридический процесс [3, с. 145].

Возвращаясь к непосредственному исследованию координационного процесса, заметим, что координационная юридическая деятельность (юридическая координация) в определенной мере рассматривалась рядом ученых, в частности А. А. Максуровым, защитившим кандидатскую диссертацию о координационной деятельности в правовой системе общества и подготовившим несколько монографий о ней [5 – 8]. Отдавая дань уважения этому ученому в научном освоении координационной деятельности (практики), вместе с тем обратим внимание на то, что координационный юридический процесс им не рассмотрен, он только упоминается [6, с. 65; 7, с. 202, 252]. Причем, и с этим следует согласиться, А. А. Максуров обоснованно сетует на недостаточную законодательную регламентацию координационного процесса [7, с. 202]. Со своей стороны уточним: наблюдается фактическое отсутствие процедурно-процессуальной регламентации (формы) координационного процесса.

В рамках настоящей статьи изложим свое видение сущности и содержания координационного процесса, покажем его место и роль в механизме процессуально-правового регулирования, причем с общетеоретических позиций. Общеизвестно, что сущность правового явления, образования, категории выражается в тех или иных (либо в совокупности) существенных признаках; отметим некоторые из них, имеющие атрибутивный характер.

Прежде всего, обращает на себя внимание вторичный, производный и обслуживающий характер координационного процесса, и это притом что координационный процесс – это вполне самостоятельный вид юридического процесса, нормативно установленный со своими процессуальными производствами, стадиями и т.д. То есть, признавая производный (по от-

ношению к юридической координации) и обслуживающий характер координационного процесса, мы ни в коей мере не умаляем его значимость в достижении целей юридической координации – обеспечить оптимальные условия для согласованного и результативного взаимодействия участников (субъектов) координационного процесса.

Упомянутые участники (субъекты) координационного процесса также специфичны (характерны только для данного вида процесса), поскольку они самостоятельны и независимы, представляют тот или иной вид юридической деятельности, и только в ходе координационного процесса (для его функционала) один из них либо кто-то другой в силу закона (иного нормативного правового акта) выступает как лидирующий субъект процесса. В качестве примера сошлемся на Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (ред. от 14.06.2024) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», которым утверждено Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью¹, где в ст. 1 говорится о том, что координация правоохранительных органов осуществляется в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации этими органами *согласованных (выделено авт. – В.Б.)* мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению. В статье 2 данного Положения указанную деятельность координирует Генеральный и другого уровня прокуроры, которых можно считать лидирующими субъектами в данном координационном процессе. Важно при этом, что анализируемое Положение содержит принципы (основу) координационной деятельности (процесса), такие как законность, равенство и самостоятельность участников, гласность и т.д. Прописаны также направления координационной деятельности, основные формы и полномочия ее участников (поименно). В общем плане можно говорить о том, что Положение как нормативный акт содержит определенные отправные моменты, характеризующие координационный процесс соответствующего вида юридической деятельности. Всякий процесс, с нашей точки зрения, это всегда есть соответствующая деятельность, то есть деятельностный аспект в координационном процессе превалирует, ибо без деятельности процесс функционировать не может, он мертв, обездвижен во всяком случае. На деятельность как непрменный атрибут процесса неоднократно указывает и В. Н. Протасов, подчеркивая, что не случайно еще в начале своего теоретического освоения процесс понимался, прежде всего, как особого рода деятельность [10, с. 73].

Стадийность – это тот признак, который отражает динамическую сторону рассматриваемого (как и других) вида юридического процесса. Не вдаваясь в подробности прохождения стадий в координационном процессе, заметим только, что в каждой из них определяются промежуточные

¹ О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью»): Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 (ред. от 14.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1958.

задачи, которые позволяют решать задачи конечного свойства и достигать итоговые цели (получать искомые результаты).

Следующим сущностным признаком координационного процесса является характер разрешаемых юридических дел, отличающихся, как правило, широкоформатностью и различным функционалом, так как каждому виду иной юридической деятельности присущи «свои» юридические дела. А цементирующая и целенаправленная составляющие координационного процесса позволяют разнохарактерные, разноплановые, да и просто различные, юридические дела облечь в единую конструкцию, образование и даже систему, чтобы согласованным взаимодействием разрешать общую для участников проблему, вопрос (фактически – юридическое дело) в целях повышения эффективности действий и операций участников координационного процесса в дальнейшем. Конечно же, можно вычленировать и другие сущностные признаки координационного юридического процесса, однако уже названных, полагаем, достаточно для того, чтобы определить его сущность как специфической нормативно-установленной юридической деятельности субъектов и участников, направленной на разрешение юридических дел на основе согласованного взаимодействия.

Сущность координационного процесса во многом отражает и его содержание, в которое следует включить деятельность (действия и операции) субъектов и участников процесса, стадийность, разрешение юридических дел, процедурно-процессуальную форму, а также итоги (результаты), представляющие собой процессуально-правовые документы, оформленные в виде протоколов, решений, постановлений и т.д. Так, в статье 13 Положения о Совете Безопасности Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 07.03.2020 № 175 (ред. от 07.02.2024) «О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации»², прописано, что решения Совета Безопасности РФ принимаются на его заседании постоянными членами Совета Безопасности простым большинством голосов от общего числа присутствующих постоянных членов Совета Безопасности.

Безусловно, важное значение для функционала координационного процесса имеют и принципы, которые в его содержание мы намеренно не включаем, так как они находятся вовне, а не внутри того или иного правового явления, категории, составляя их основу, первоначало, руководящую идею. Видный теоретик права профессор Н. И. Матузов так высказался по этому поводу: «принципы государственно-правовых явлений <...> вопрос не проходной и не второстепенный, а сущностный, ключевой, теоретически значимый, позволяющий раскрывать подлинное “кредо” изучаемых объектов» [9, с. 11].

Вместе с тем для полноты настоящего исследования назовем те основные принципы, которые значимы для успешного осуществления координационного процесса. К ним относятся такие, как законность, согласование, равноправие (равенство), плановость, властность, процессуальность

² О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 07.03.2020 № 175 (ред. от 07.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 10. Ст. 1323.

экономика и др. [8, с. 51] Существенно то, что обозначенные и другие принципы координационного процесса обеспечивают в полной мере его высокую эффективность по согласованному взаимодействию субъектов и участников данного процесса.

При характеристике координационного процесса относительно его роли и значения в процессуально-правовом регулировании (и его механизме), в частности, и в МПР вообще, следует отметить и его функции, в которых проявляется активная, динамичная (как и в стадиях) роль в указанном регулировании. Схематично по вопросам функций координационного процесса отметим следующее. Во-первых, ему присущи как регулятивная, так и охранительная функции. В более конкретном (правовом) выражении к функциям координационного процесса отнесем регистрационно-удостоверительную, правоконкретизирующую и правоохранительную. Кроме этого, возможно указать на правообразующую, правоизменяющую (в отношении правового статуса субъектов и участников процесса) и прерывающую. Даже схематичный анализ функций координационного процесса свидетельствует о месте, роли и его значимости в процессуально-правовом регулировании общественных отношений, безусловно, с учетом сущности и содержания исследуемого правового образования – координационного юридического процесса, являющегося комплексным процессуально-правовым средством в механизме процессуально-правового регулирования.

Заключение

Таким образом, предлагается следующий авторский вариант определения понятия координационного юридического процесса, как процедурно-процессуальной нормативно определенной деятельности ее субъектов и участников, направленной на разрешение юридических дел путем согласованного взаимодействия, а также вынесения (принятия) обязательных к исполнению процессуально-правовых актов (документов) охранительного либо регулятивного свойства, который по своим сущности, содержанию и функционалу является комплексным процессуально-правовым средством в механизме правового регулирования общественных отношений.

Список литературы

1. **Беляев В. П.** Контроль и надзор в Российском государстве: монография. М.: Проспект, 2005. 272 с.
2. **Беляев В. П., Беляева Г. С.** К вопросу о понятии и сущности процессуального правового режима // Вопросы правоведения. 2013. № 2(18). С. 101 – 113.
3. **Беляев В. П., Нинчиева Т. М., Беляева Г. С.** Общая теория процессуально-правового регулирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 296 с.
4. **Горшенев В. М.** О разновидностях юридического процесса // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: межвузовский тематический сборник / ред. В. М. Горшенев. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. ун-та, 1979. С. 3 – 4.
5. **Максуров А. А.** Координационная деятельность в правовой системе общества: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2001. 193 с.

6. **Максуров А. А.** Координационные полномочия Президента России и его взаимодействие с другими органами власти: монография. М.: Русайнс, 2023. 108 с.
7. **Максуров А. А.** Координация деятельности субъектов права в условиях кризиса: монография. М.: Инфра-М, 2022. 260 с.
8. **Максуров А. А., Макаров И. И.** Координация в праве: монография. Ярославль: Изд-во ЯФ МФЮА, 2012. 142 с.
9. **Матузов Н. И.** Принципы права как объект научного исследования (вместо введения) // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н. И. Матузова. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 11 – 28.
10. **Протасов В. Н.** Общая теория процессуального права. М.: Юрайт, 2020. 136 с.
11. **Теория юридического процесса** / под общ. ред. проф. В. М. Горшенева. Харьков: Вища школа, 1985. 192 с.
12. **Юридическая процессуальная форма:** теория и практика / под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М.: Юрид. лит., 1976. 280 с.

References

1. **Belyayev V.P.** *Kontrol' i nadzor v Rossiyskom gosudarstve: monografiya* [Control and supervision in the Russian state: monograph], Moscow: Prospekt, 2005, 272 p. (In Russ.)
2. **Belyayev V.P., Belyayeva G.S.** [On the issue of the concept and essence of the procedural legal regime], *Voprosy pravovedeniya* [Questions of jurisprudence], 2013, no. 2(18), pp. 101-113. (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Belyayev V.P., Nintsiyeva T.M., Belyayeva G.S.** *Obshchaya teoriya protsessual'no-pravovogo regulirovaniya: monografiya* [General theory of procedural-legal regulation: monograph], Moscow: Yurlitinform, 2024, 296 p. (In Russ.)
4. **Gorshenev V.M.** *Aktual'nyye problemy yuridicheskogo protsessa v obshchenarodnom gosudarstve: mezhvuzovskiy tematicheskij sbornik* [Actual problems of the legal process in the people's state: inter-university thematic collection], Yaroslavl': Izdatel'stvo Yaroslavskogo gos. universiteta, 1979, pp. 3-4. (In Russ.)
5. **Maksurov A.A.** *PhD of Candidate's thesis (Law)*, Yaroslavl', 2001, 193 p. (In Russ.)
6. **Maksurov A.A.** *Koordinatsionnyye polnomochiya Prezidenta Rossii i yego vzaimodeystviye s drugimi organami vlasti: monografiya* [Coordination powers of the President of Russia and his interaction with other authorities: monograph], Moscow: Rusayns, 2023, 108 p. (In Russ.)
7. **Maksurov A.A.** *Koordinatsiya deyatel'nosti sub'yektov prava v usloviyakh krizisa: monografiya* [Coordination of activities of legal entities in times of crisis: monograph], Moscow: Infra-M, 2022, 260 p. (In Russ.)
8. **Maksurov A.A., Makarov I.I.** *Koordinatsiya v prave: monografiya* [Coordination in law: monograph], Yaroslavl': Izdatel'stvo YaF MFYuA, 2012, 142 p. (In Russ.)
9. **Matuzov N.I.** *Printsipy rossiyskogo prava: obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekty* [Principles of Russian law: general theoretical and sectoral aspects], Saratov: Izdatel'stvo Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2010, pp. 11-28. (In Russ.)
10. **Protasov V.N.** *Obshchaya teoriya protsessual'nogo prava* [General theory of procedural law], Moscow: Yurayt, 2020, 136 p. (In Russ.)

11. **Gorshenev V.M. (Ed.)** *Teoriya yuridicheskogo protsesssa* [Theory of legal process], Khar'kov: Vishcha shkola, 1985, 192 p. (In Russ.)

12. **Nedbaylo P.Ye., Gorshenev V.M. (Eds.)**. *Yuridicheskaya protsessual'naya forma: teoriya i praktika* [Legal procedural form: theory and practice], Moscow: Yurid. lit, 1976, 280 p. (In Russ.)

Legal Coordination Process in the Mechanism of Procedural-Legal Regulation

V. P. Belyaev, Dr. Sci. (Law), Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Southwest State University, Kursk, Russia;
belvp46@mail.ru

In general and sectoral legal sciences, the problems of the legal process have become widespread due to the relevance of the ongoing update of virtually all areas of the legal life of the country. At the same time, the theory of the legal process has not been finally formed; issues of the essence, content, types, form, etc. of the legal process, one of the types of which is the coordination legal process, which has not yet been sufficiently studied, including in the mechanism of procedural and legal regulation, remain insufficiently studied. Based on doctrinal approaches to the study of the legal process as a whole, the essence and content of one of its types – the coordination process – have been determined; its features have been identified, indicating that the essence of the coordination process lies in the normatively established legal activity of its subjects and participants aimed at resolving legal cases. In turn, the content of the coordination process includes the activity itself, a special composition of subjects, stages, final documents, etc. A variant of definition of the concept of the coordination legal process as a procedural-procedural normatively defined activity of its subjects and participants, aimed at resolving legal cases through coordinated interaction, as well as issuing (adopting) mandatory procedural-legal acts (documents) of a protective or regulatory nature is proposed.

Keywords: coordination; legal coordination; coordination process; essence; content; features; functions; principles; coordinated interaction.

© В. П. Беляев, 2025

Статья поступила в редакцию 07.11.2024

При цитировании использовать:

Беляев В. П. Координационный юридический процесс в механизме процессуально-правового регулирования // Право: история и современность. 2025. Т. 9, № 1. С. 7 – 14. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.007-014

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Магомед Резванович Богатырев, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Информационное право и юриспруденция»,
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический
университет имени академика М. Д. Миллионщикова», Грозный, Россия;
m.boghatyriov@mail.ru

Реализована попытка определить концептуальные основания теории правового регулирования в современных условиях. Автор обращается к проблеме обновления подходов к процессу упорядочения общественных отношений, поиску механизмов, способных даже в кризисных (чрезвычайных, экстраординарных) условиях обеспечить достижение целей правового регулирования – устойчивого развития личности, общества и государства. С одной стороны, в юридической науке отмечается тенденция избыточного публично-правового регулирования, приводящая к вмешательству в частные сферы общественных отношений; с другой стороны, отмечается необходимость в определенных чрезвычайных условиях ограничения прав человека, продиктованные публичными интересами, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Автор путем ревизии либертарного, антропологического, коммуникативного, позитивистского подходов к определению права и правового регулирования приходит к выводу о необходимости перехода от дискуссионно преимущественно использования каждого из них к формированию интегративной теории, основанной на позитивистском подходе, учитывающем роль новых правовых регуляторов (в частности, «мягкого» права), а также социальных оснований (ценностей, принципов и т.д.) в упорядочении общественных отношений.

Ключевые слова: правовое регулирование; теория правового регулирования; позитивизм; инструментализм; интегративный подход; экстраординарное правовое регулирование.

Введение

Модернизация общественных отношений как объекта правового регулирования настоятельно требует от юридической науки обновления подходов к самому процессу упорядочения общественных отношений, созданию необходимых механизмов, направленных на гармоничное удовлетворение частных и публичных интересов, достижение согласия и устойчивого развития личности, общества и государства. К сожалению, в последние десятилетия в регулирующем воздействии права наблюдаются кризисные явления, связанные с избыточностью публично-правового регулирования, вмешательством права в традиционно частные сферы общественных отношений и т.д., на которые обращает внимание ряд ученых [3].

Безусловно, сложившаяся в отечественной правовой науке концепция правового регулирования требует тщательной ревизии: с одной стороны,

не следует полностью отвергать сложившийся в советской юриспруденции позитивистский подход к определению правового регулирования, но, с другой стороны, необходим учет личностного (коммуникативного) аспекта, социокультурного, ценностного подходов. Вряд ли эффективным и результативным с точки зрения долгосрочного развития того или иного государства можно признать слепое копирование зарубежных политико-правовых институтов, механическую рецепцию правовых норм – готовые решения, подготовленные в отрыве от отечественной специфики.

Основная часть

Советская концепция правового регулирования, разработанная в 50 – 80-е гг. XX века, и в настоящее время составляющая базис, на котором строятся специальные отраслевые научные исследования, представляется нам стержнем современной теории правового регулирования. Безусловно, время не стоит на месте и нельзя избежать прогресса, в том числе и в подходах к правовому регулированию. Здесь уместно вспомнить точку зрения Г. В. Мальцева о том, что «причина привлекательности научно-технических парадигм (с которыми данный ученый связывал и механистическую теорию правового регулирования, разработанную С. С. Алексеевым – *прим. авт.*) связана с духом и стилем времени их возникновения» [9, с. 64]. Согласимся, наука конца XIX – первой половины XX века была ориентирована на точное знание, универсальные технические решения, что детерминировало и господство позитивистского типа правопонимания, создающего в юридической сфере строгие формы и научно-технические парадигмы.

Данный подход нашел отражение в категориально-понятийном аппарате советского юридического позитивизма – «аппарат» по отношению к системе построения государственной власти и «машина» (для подавления одного класса другим) – применительно к государству. В настоящее время юридическая наука под воздействием научно-технического прогресса планомерно обогащается терминами, первоначально достаточно далекими от правовой сферы, – механизм, инструмент, алгоритм, технология и т.д., без которых немислим современный юридический язык. Это общая тенденция, характерная для всех наук, ибо в настоящее время нарастает необходимость междисциплинарного подхода в исследовании объектов и, как следствие, выработки языка «междисциплинарного взаимодействия», на чем не будем останавливаться подробно, поскольку данная тема – предмет самостоятельного научного изучения.

Возвращаясь к необходимости переоценки сугубо позитивистского подхода к определению природы правового регулирования, заметим, что в юридической науке имеются достаточно систематизированные исследования в данном направлении.

Например, представители современной либертарно-правовой концепции правового регулирования анонсируют принципиально новый подход к определению сущности правового регулирования и его эффективности. Так, В. В. Лапаева связывает регулирующее воздействие права с его «вкладом в укрепление правовых начал государственной и общественной

жизни, развитие элементов свободы в общественных отношениях, реализацию прав и свобод человека и гражданина» [8, с. 33].

В свою очередь, Н. В. Варламова, основываясь на рационально-правовой теории легитимации власти М. Вебера, полагает, что право, как «форма реализации и защиты свободы в социальной жизни», выступает нормативным порядком высшего уровня: «правовое регулирование является легитимным, если оно рационально, то есть обеспечивает материальные гарантии максимальной меры свободы» [2, с. 220].

Соответственно, правовой либертариизм в основе природы правового регулирования и главного критерия его результативности (эффективности) предлагает выделять степень реализации прав и свобод человека и гражданина, гарантии свободы и т.д. Полагаем, что данный подход в целом не противоречит инструментализму в праве, однако требует смещения акцентов от чисто «механических» (средства, инструменты, режимы, механизмы) к общечеловеческим ценностям.

С критикой «позитивно-инструментального» (определим его так – *прим. авт.*) подхода выступают также представители современного антрополого-правового течения, наиболее известным представителем которого является И. Л. Честнов, полагающий, что в правовом регулировании необходимо учитывать «человеческий фактор», который выражается в правовой культуре и опосредует правовое воздействие на массовое поведение населения [12, с. 22]. С точки зрения данного подхода, под воздействием позитивистского метода человек долгие десятилетия воспринимался как объект правового регулирования, исключался из процесса принятия юридических решений, отстранялся от процесса социального регулирования, что привело к «отчуждению граждан от права, кризису легитимности власти, росту национализма и религиозного фундаментализма» [5, с. 81]. Данную критику сложившейся в нашей отечественной науке концепции правового регулирования можно признать справедливой, однако при этом необходимо уточнить тот факт, что она корреспондирует содержательным аспектам правового регулирования и подходам к его эффективности и в целом не разрушает до оснований восприятие права как системы регулирующего воздействия юридических инструментов на общественные отношения. Речь здесь скорее идет опять же о тех скрепах, ценностях, идеалах, принципах, которые должны лежать в основе правового регулирования.

В противовес инструментально-позитивистскому (в рамках парадигмы классической рациональности) некоторые ученые стремятся предложить коммуникативный подход, основанный на теориях К. О. Апеля [1] и Ю. Хабермаса [11]. Ю. Хабермас «возлагает на обычных граждан тройную ответственность: одобрения закона, развития закона и обеспечения его выполнения. Это демократия участия в ее наиболее полной разновидности» [6, с. 131]. С его точки зрения, право есть сочетание двух свойств – фактичности (связана с принудительной силой права) и значимости (легитимность права, признанная человеком, его моральная обоснованность, достигнутая в результате консенсуса между государством и человеком) [13]. Нельзя не согласиться и с данным подходом: правовые предписания объективно нуждаются в ценностном обосновании; право есть ре-

зультат социального консенсуса и данные аспекты широко представлены как в научных разработках о необходимости демократизации процесса правотворчества [10], так и на практике – в процедурах широкого общественного обсуждения законопроектов.

Заключение

Безусловно, формирование теории правового регулирования возможно только на позициях консенсуса имеющихся в юридической науке концепций правового регулирования и его эффективности; и в то время, когда ряд ученых ратует за отход от «узконормативного, позитивистского типа правопонимания» [5, с. 81], мы хотим лишь возразить им словами Р. Декарта: «В большинстве споров можно подметить одну ошибку: в то время как истина лежит между двумя защищаемыми воззрениями, каждое из последних отходит от нее тем дальше, чем с большим жаром спорит»¹. Безусловно, коммуникативная теория права апробирована временем, однако в большей степени адаптирована для зарубежной юридической науки и в рамках отечественной правовой традиции нуждается в серьезной трансформации, в том числе и с учетом все еще «господствующего» позитивистско-инструментального подхода.

Юридическим сообществом уже давно признается необходимость трансформации подходов к определению правового регулирования, и уже никто из авторов не стоит на крайне позитивистских позициях понимания права как «совокупности правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил поведения, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений, порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [4, с. 84]. Однозначно, современный позитивизм сохраняет приверженность государственному началу в установлении правил поведения, однако учитывает социальные основания (принципы), обусловленные социально-экономическими, политическими и духовными условиями жизни. Другими словами, роль современной теории правового регулирования мы видим в интеграции подходов к пониманию права и поиске паритета в определении источников правообразования. К сожалению (или к счастью), вопрос не может быть поставлен в рамках кардинального изменения роли государства в принудительном обеспечении реализации правовых предписаний, поскольку общество, в котором право будет обеспечиваться исключительно добровольными мотивами, основанными на легитимном, добровольном признании его ценности, в современных условиях представляется утопией. Особенно это касается правового регулирования в экстраординарных (чрезвычайных) условиях, когда на фоне конституционного признания человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности даже демократические государства вынуждены ограничивать эти права и свободы на ос-

¹ Цитаты и афоризмы. Рене Декарт. URL: <https://quote-citation.com/aphorism/12708> (дата обращения: 08.12.2024).

новании закона для обеспечения национальной безопасности и государственного суверенитета.

Полагаем, что современная теория правового регулирования должна освободиться от «полярных» подходов и от дискуссий и обоснования преимуществ каждой из них перейти к формированию некоего интегративного и одновременно жизнеспособного подхода, адаптированного к современным меняющимся (иногда чрезвычайным) условиям. Право, установленное и санкционированное государством, должно учитывать роль новых регуляторов (в частности, «мягкого» права [13, с. 116]), детерминироваться социальными основаниями и ценностями и создаваться путем широкого привлечения общественности к правообразованию, однако на настоящий момент это единственный результативный официальный регулятор общественных отношений, способный обеспечить устойчивое развитие личности, общества и государства и их безопасность.

Список литературы

1. **Апель К. О.** Трансформация философии. М.: Логос, 2001. 338 с.
2. **Варламова Н. В.** Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1(82). С. 212 – 232.
3. **Власенко Н. А.** Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8(200). С. 43 – 54.
4. **Вышинский А. Я.** Вопросы теории государства и права. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 420 с.
5. **Денисенко В. В.** Теория правового регулирования в отечественной науке: поиск новой методологии // Вопросы правоведения. 2014. № 4(26). С. 70 – 85.
6. **Загоруйко К. Ф.** Уильямс Г. Демократия и право в теории факта и ценности Хабермаса // Правовая мысль XX века: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2002. С. 131 – 138.
7. **Кожокарь И. П.** Правовое регулирование: понятие и формы // Государство и право. 2020. № 12. С. 112 – 127.
8. **Эффективность закона.** Методология и конкретные исследования / Ю. А. Тихомиров, В. М. Сырых, В. В. Лапаева [и др.]; отв. ред. В. М. Сырых, Ю. А. Тихомиров. М.: Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 1997. 212 с.
9. **Мальцев Г. В.** Социальные основания права. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 799 с.
10. **Трофимов В. В., Самородов В. Ю.** Правовое сотворчество власти и общества как проявление культуры правотворческого процесса в современном государстве // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3(77). С. 43 – 53.
11. **Хабермас Ю.** Моральное осознание и коммуникативное действие = *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*: пер. с нем. / под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2000. 377 с.
12. **Честнов И. Л.** Антропология правового регулирования // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: тезисы Междунар. науч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 24 декабря 2003 г.). СПб., 2003. С. 17 – 22.
13. **Habermas J.** Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996. 674 p. URL: <https://teddykw2.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/07/jc3bcrngen-habermas-between-facts-and-norms.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

References

1. **Apel' K.O.** *Transformatsiya filosofii* [Transformation of Philosophy], Moscow: Logos, 2001, 338 p. (In Russ.)
2. **Varlamova N.V.** [Efficiency of Legal Regulation: Rethinking the Concept], *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 2009, no. 1(82), pp. 212-232. (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Vlasenko N.A.** [Crisis of Law: Problems and Approaches to Solution], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2013, no. 8(200), pp. 43-54. (In Russ., abstract in Eng.)
4. **Vyshinskiy A.Ya.** *Voprosy teorii gosudarstva i prava* [Issues of the Theory of State and Law], Moscow: Gos. izdatel'stvo yurid. lit., 1949, 420 p. (In Russ.)
5. **Denisenko V.V.** [Theory of Legal Regulation in Domestic Science: Search for a New Methodology], *Voprosy pravovedeniya* [Issues of Jurisprudence], 2014, no. 4(26), pp. 70-85. (In Russ., abstract in Eng.)
6. **Zagoruyko K.F.; Pivovarov Yu.S. (Ed.)** [Williams G. Democracy and Law in Habermas's Theory of Fact and Value], *Pravovaya mysl' KHKH veka: sb. obzorov i referatov* [Legal Thought of the 20th Century: Collection of Reviews and Abstracts], Moscow, 2002, pp. 131-138. (In Russ.)
7. **Kozhokar' I.P.** [Legal Regulation: Concept and Forms], *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 12, pp. 112-127. (In Russ., abstract in Eng.)
8. **Tikhomirov Yu.A., Syrykh V.M., Lapayeva V.V. et al.; Syrykh V.M., Tikhomirov Yu.A. (Eds.)**. *Effektivnost' zakona. Metodologiya i konkretnyye issledovaniya* [Effectiveness of the Law. Methodology and Specific Research], Moscow: Institut zakonodat. i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, 1997, 212 p. (In Russ.)
9. **Mal'tsev G.V.** *Sotsial'nyye osnovaniya prava* [Social Foundations of Law], Moscow: Norma: Infra-M, 2011, 799 p. (In Russ.)
10. **Trofimov V.V., Samorodov V.Yu.** [Legal Co-creation of Power and Society as a Manifestation of the Culture of the Law-Making Process in a Modern State], *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Legal State: Theory and Practice], 2024, no. 3(77), pp. 43-53. (In Russ., abstract in Eng.)
11. **Khabermas Yu.** *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*, St. Petersburg: Nauka, 2000, 377 p. (In Ger.)
12. **Chestnov I.L.** *Aktual'nyye problemy teorii i istorii gosudarstva i prava: tezis Mezhdunar.nauch.-teor. konf.* [Actual Problems of the Theory and History of the State and Law: Theses of the Int. Scientific-Theoretical Conf.], (Sankt-Peterburg, 24 December 2003), St. Petersburg, 2003, pp. 17-22. (In Russ.)
13. **Habermas J.** *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1996. 674 r. available at: <https://teddykw2.wordpress.com/wp-content/uploads/2012/07/jc3bcrngen-habermas-between-facts-and-norms.pdf> (accessed 20 January 2025).

Conceptual Foundations of the Theory of Legal Regulation in Modern Conditions

M. R. Boghatyriov, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Information Law and Jurisprudence,
Millionshchikov Grozny State Oil Technical University, Grozny, Russia;
m.boghatyriov@mail.ru

An attempt has been made to determine the conceptual foundations of the theory of legal regulation in modern conditions. The author addresses the problem of updating approaches to the process of streamlining public

relations, searching for mechanisms capable of ensuring the achievement of the goals of legal regulation – sustainable development of the individual, society and the state – even in crisis (emergency, extraordinary conditions). On the one hand, legal science notes a tendency towards excessive public-law regulation, leading to interference in private spheres of public relations; on the other hand, the need for certain emergency conditions to restrict human rights dictated by public interests, ensuring the country's defense and state security. The author, by revising the libertarian, anthropological, communicative, positivist approaches to defining law and legal regulation, comes to the conclusion about the need to move from discussions regarding the advantages of using each of them to the formation of an integrative theory based on the positivist approach, but taking into account the role of new legal regulators (in particular, "soft" law), as well as social foundations (values, principles, etc.) in regulating social relations.

Keywords: legal regulation; theory of legal regulation; positivism; instrumentalism; integrative approach; extraordinary legal regulation.

© М. Р. Богатырев, 2025

Статья поступила в редакцию 11.11.2024

При цитировании использовать:

Богатырев М. Р. Концептуальные основания теории правового регулирования в современных условиях // Право: история и современность. 2025. Т. 9, № 1. С. 15– 21. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.015-021

ПООЩРЕНИЕ КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Павел Тимурович Савин, канд. юрид. наук, майор юстиции, доцент,
кафедра уголовного права и криминологии,
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А. Я. Сухарева», Москва, Россия;
paulst50@gmail.com

Рассмотрены направления предупреждения преступлений несовершеннолетних в Российской империи в период конца XIX – начала XX века, непосредственно связанные с применением поощрения, как неотъемлемого элемента отечественной уголовной политики того времени. Определено понятие несовершеннолетнего в законодательстве Российской империи, проанализированы причины роста преступности несовершеннолетних в обозначенный временной период, исследованы меры, предпринятые государством для предупреждения преступлений, с оценкой их эффективности. В результате сделан вывод о том, что поощрение в уголовном праве, реализуемое посредством применения поощрительных норм, нуждается в суде, специализирующемся на преступлениях несовершеннолетних. В то же время особенности его устройства, функционирования, взаимодействия с общественными институтами, должно в полной мере отвечать современным условиям развития общественных отношений и основным задачам государственной уголовной политики.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; предупреждение преступлений; поощрение в уголовном праве; поощрительные нормы; ювенальная юстиция.

Введение

Вопросы предупреждения преступности несовершеннолетних представляются актуальной научной проблемой вне зависимости от того или иного исторического периода развития российского общества. Данная проблема интересовала и российских криминологов в конце XIX – начале XX столетий. Они осознали, что основной причиной преступности несовершеннолетних являлось их тяжелое социально-экономическое положение, обусловленное объективными факторами окружавшей их действительности, когда сельское население было вынуждено по новым железным дорогам массово переселяться в города в поисках рабочих мест, удовлетворяя потребности растущей промышленности, которая нуждалась, в том числе, и в низкооплачиваемом, низкоквалифицированном труде. Государство предпринимало активные меры, направленные на исправление несовершеннолетних правонарушителей, стремясь предупредить рост преступности в их среде. Сначала речь шла о приютах и иных исправительно-

учебных заведениях. Затем стали образовываться общества патроната, и общественность была вовлечена в рассматриваемый процесс. Так, государство совместно с обществом встало на путь борьбы с преступностью несовершеннолетних. В начале XX века были образованы специализированные суды по делам несовершеннолетних, введены статусы должностных и поверенных попечителей. Например, несовершеннолетний, ранее признанный виновным в совершении кражи, мог не просто избежать наказания в виде лишения свободы, но фактически получал возможность приобрести рабочую специальность, получить рабочее место и даже решить свои жилищно-бытовые проблемы. Значение поощрения в российском уголовном праве возросло настолько, что о проведенном эксперименте докладывалось на международных научных форумах, в том числе проводимых в рамках Международного союза криминалистов.

Основная часть

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что понятие несовершеннолетнего в настоящее время несколько отличается от соответствующего понятия рубежа XIX – XX столетий. В конце XIX века в российской уголовно-правовой науке молодость подразделялась на три семилетних периода, каждому из которых было характерно определенное соматическое и психическое развитие. В основе данного разделения лежала система климатерических периодов, предполагавшая кардинальные физические и духовные изменения человеческого организма в семилетние периоды. Детство длилось до 7 лет, ему приходило на смену отрочество, заканчивавшееся в 14 лет, после чего до 21 года протекала юность [3, с. 11–12].

В Уложении 1845 года «О наказаниях уголовных и исправительных» следует обратить особое внимание на ст.ст. 100, 140, 142, 143. Возраст уголовной ответственности наступал с 7 лет, однако возраст уголовного наказания наступал лишь с 10 лет. Лица, совершившие преступление в возрасте с 7 до 10 лет, передавались под надзор родителям или иным благонадежным родственникам. В случае совершения преступления лицом в возрасте от 10 до 14 лет каждый раз решался вопрос о способности конкретного виновного понимать содеянное. При отсутствии данной способности указанные лица приравнивались 7-10-летним и также передавались под присмотр родственникам. Также для домашнего исправления передавались лица в возрасте от 14 до 21 года, совершившие неосторожные преступления. В целом, как и в настоящее время, для несовершеннолетних преступников было предусмотрено более мягкое наказание, чем для совершеннолетних. Малолетство и несовершеннолетие виновного рассматривалось как «смягчающее вину» обстоятельство. Само название Уложения 1845 года демонстрировало наличие двух различных наказаний для несовершеннолетних: уголовного наказания и домашнего исправительного наказания [11, с. 21 – 30].

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (Мировой Устав), 1864 г. выделил три иных периода несовершеннолетия: 10 – 14 лет; 14 – 17 лет; 17 лет – 21 год [9, с. 499 – 536]. Согласно Закону от 2 июня

1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних», возраст несовершеннолетнего до 10 лет был признан безусловной невменяемостью, что исключало возможность уголовного преследования. Указанные изменения были обусловлены изменениями социально-экономического характера, среди которых существенное значение имела отмена крепостного права [12].

Следует обратить внимание на то, что в конце XIX – начале XX вв. российские криминологи выявили последовательный рост преступлений несовершеннолетних, начиная с 1884 года. Существенно увеличилось число преступников в возрасте до 18 лет, а соответственно и осужденных несовершеннолетних. При этом 83 % осуждены за кражу, что в совокупности с другими обстоятельствами свидетельствовало об экономическом неблагополучии населения. Подобная ситуация, сложившаяся на тот момент в Российской империи, резко контрастировала с данными криминологов из иных европейских стран, в которых преступность несовершеннолетних постепенно снижалась [4].

Представляется, что обозначенный существенный рост преступности несовершеннолетних в России являлся как результатом отмены крепостного права, так и развития промышленности в крупных городах. В определенной степени сказывалось и развитие отечественной сети железных дорог. В ситуации, когда предложение на рынке низкоквалифицированного труда в определенной мере превышало его спрос, несовершеннолетние лица, многие из которых прибыли в крупные города из сельской местности, нередко проигрывавшие естественную конкуренцию взрослым, оказывались в заведомо сложном социально-бытовом положении. У несовершеннолетних стоял вопрос об их фактическом выживании, а не об образовании или ином просвещении, что находило свое выражение в крайне низком уровне их культурного развития.

При этом несовершеннолетние в надежде на заработки, прибывшие в крупные города из сельской местности и вынужденные искать противоправные источники дохода, зачастую занимались бродяжничеством и хищениями, все более деградируя. С учетом сопутствующих факторов, связанных с проституцией, широким распространением сифилиса и иных заболеваний, а также алкогольной зависимости, несовершеннолетние последовательно переходили от ненасильственных форм хищения к насильственным, в конечном итоге совершая в том числе и преступления против половой свободы и неприкосновенности, против жизни и здоровья личности.

Так Б. И. Бентовин, обращая внимание на источники аморального поведения несовершеннолетних, особое внимание уделял условиям их жизни. В сельской местности крестьяне вынуждены были всей семьей проживать длительные зимние месяцы в однокомнатных избах, где соседствовало сразу несколько поколений. В крупных городах ситуация с жилищно-бытовыми условиями была еще хуже, когда в угловых квартирах, разнообразных ночлежках и трущобах вынужденно проживали различные и неродственные друг другу люди. Именно там несовершеннолетние в юном возрасте становились свидетелями половых отношений, что сказывалось

на их дальнейшем развитии. Перепись населения Москвы 1907 года показала, что в трущобах проживало порядка 10 % ее населения – 175 тысяч человек, в том числе свыше 38 тысяч детей, среди которых был весьма распространен алкоголизм. Из 222 мальчиков в возрасте от 8 до 13 лет алкоголь употребляли 75 %, при этом 68 % употребляли водку систематически. Из 159 девочек в возрасте от 8 до 15 лет алкоголь употребляли 93 % [2, с. 35 – 37].

В Российской империи, учитывая возраст и незрелость сознания и воли несовершеннолетних, законодатель и правоприменитель шли несовершеннолетнему навстречу, стараясь следовать принципу экономии уголовной репрессии. Так, в «Инструкции чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений», изданной на основании циркулярного указа Общего собрания Первого и Кассационных Департаментов Правительствующего Сената от 13 июня 1872 года прокурором Харьковской судебной палаты А. А. Крыловым в 1914 году, дается указание о том, что несовершеннолетних в возрасте от 10 до 14 лет, подозреваемых в совершении преступления, при необходимости избрания им меры пресечения в виде заключения под стражу, возможно поместить исключительно в воспитательно-исправительное учреждение, колонию либо приют. При невозможности осуществления сказанного, подозреваемого несовершеннолетнего следует передать под ответственный присмотр родителям, попечителям или иным изъявившим на то согласие благонадежным лицам. В то же время лица в возрасте от 14 до 17 лет, совершившие преступления, за которые предусмотрено лишение всех прав состояния, могут быть помещены только в воспитательно-исправительные заведения, а там где они отсутствуют – в особые помещения при тюрьмах или арестных домах. В ситуациях, когда ни одна из обозначенных мер невозможна, несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет следовало поместить в монастыри их вероисповедания, при условии согласования этого с соответствующим церковным архиереем [7, с. 45–46].

При этом оценить эффективность деятельности соответствующих приютов в полной мере позволяют сохранившиеся исторические источники. В 1870-е годы Российская империя существенно отставала от остальных европейских стран в деле организации специализированных воспитательно-исправительных учреждений, но проблема преступности несовершеннолетних и необходимости ее предупреждения уже стояла на повестке дня и интересовала российских ученых. Так, А. М. Богдановский, осознавая возможность исправления несовершеннолетних преступников посредством направления их в специальные закрытые школы-колонии вместо тюрем, исследовал и описал деятельность соответствующих учреждений Франции, Бельгии, Германии, Швейцарии, Англии и США, в том числе гамбургского Сурового дома и колонии Фредерика-Огюста Демеца и Николы де Куртейля возле французского города Тура [3, с. 160 – 247].

В то же время организация подобного учреждения в Москве – Рукавишниковского приюта, так и не дала соответствующих высоких результатов. Несовершеннолетние преступники Москвы конца XIX – начала XX вв. имели определенные точки притяжения, такие как Хитров рынок, называемый ими «Хива» или Смоленский рынок – «Смолега». Если обра-

тить внимание на состав лиц, содержащихся в Рукавишниковском приюте за 1903 – 1907 гг., то порядка 78 % относились к сословию крестьян; 69 % не окончили начальной школы; 93 % обвинялись в совершении кражи в г. Москве; 44 % являлись уроженцами Москвы, в то время как 49 % приехало в Москву из сел и деревень ближайших к ней губерний и 7 % – из других городов; 50 % совершили новые преступления в первые годы, после того как были выпущены из приюта [5, с. 1 – 33].

Анализ деятельности Рукавишниковского приюта говорит о его слабой эффективности. Половина покинувших его воспитанников вновь была вовлечена в преступную деятельность на территории города Москвы. Очевидно, проблемы были связаны с организацией самого процесса исправления несовершеннолетних, в самом отношении к ним, которое становится очевидным из представленного отчета о деятельности приюта. В представленном документе город противопоставляется деревне, а уровень интеллекта и способности к исправлению напрямую поставлены в зависимость от наследственности и даже более того – сословной принадлежности. В то же время все же следует обратить внимание на разницу между проблемами, с которыми в вопросах исправления сталкивался персонал того же немецкого Сурового дома, иных аналогичных зарубежных учреждений, и с проблемами, которые решал коллектив Рукавишниковского приюта. Дело действительно состояло определенным образом в контингенте воспитанников. В стране повсеместно наблюдалось наследие крепостного права, когда крестьяне, получив личную свободу, фактически не получили земли, вынужденно превращаясь в батраков на землях помещиков либо в заводских рабочих. Наблюдались соответственно и проблемы с грамотностью сельского населения, которому зачастую было не до учебы.

Именно по причине социальной непродуманности исправительно-воспитательного процесса система, действовавшая в приютах, была обречена на крайне низкие положительные итоговые показатели. Изъятый с улицы воспитанник, признанный виновным в совершении кражи, в конечном итоге возвращался из приюта на улицу, в ту же безысходную ситуацию, обусловленную переизбытком предложения низкоквалифицированных кадров на рынке труда, постоянно пополнявшимся приезжими крестьянами из близлежащих к Москве губерний. Обеспечить молодого человека работой, а равно решить его жилищно-бытовые проблемы, в задачи деятельности приюта не входило. Следовательно, предоставленный сам себе, он возвращался к прежней преступной деятельности, характеризующейся кражами, грабежами, а по достижении более зрелого возраста уже и с разбоями, насильственными преступлениями против личности. В начале XX века произошло существенное снижение возраста лиц, признанных виновными в совершении изнасилования. Так, в 1913 году в 15 изнасилованиях, произошедших в Воронежской губернии, приняло участие 19 человек, половина из которых на момент совершения преступлений являлась несовершеннолетними [1, с. 25 – 43].

Повсеместный рост преступности несовершеннолетних потребовал от государства принятия качественно новых мер по предупреждению их совершения, и основной акцент государственной уголовной политики был

сделан на поощрение. Так, закон об исправительно-воспитательных заведениях от 19 апреля 1909 года предоставил несовершеннолетним, которые были осуждены к лишению свободы на срок от одного до восьми лет, возможность досрочного освобождения от наказания по представлению педагогических советов исправительно-воспитательных заведений с последующим направлением их на обучение на заводы либо на сельскохозяйственные работы [6, с. 19 – 29].

Для повышения эффективности принимаемых мер в Санкт-Петербурге, а затем и в Москве были созданы специализированные суды по делам несовершеннолетних. В то время как надзор за освобожденными несовершеннолетними был передан обществу патроната, на средства местного самоуправления из числа народных учителей Санкт-Петербурга были наняты шесть должностных попечителей, между которыми были распределены районы города. В работе им помогали 40 добровольных попечителей, действовавших на безвозмездной основе. Попечители входили в отделение общества патроната, организованное при суде, что позволяло им взаимодействовать с различными благотворительными организациями, а также обществами защиты детей. Попечитель выполнял отдельные поручения судей по надзору за несовершеннолетними, помогал в расследовании уголовных дел. Попечитель вел строгую отчетность, внося в специальную попечительскую книгу данные о подопечных и результатах работы с ними. Попечитель был обязан ежемесячно посещать несовершеннолетнего, помогая ему решать жилищно-бытовые проблемы. На еженедельных собраниях, попечители обсуждали самые сложные ситуации и определяли направления их решения. Суд по делам несовершеннолетних г. Санкт-Петербурга уже за первые четыре месяца своей работы рассмотрел более тысячи дел. При этом наказание в виде лишения свободы было назначено в двадцати случаях, что, по мнению П. И. Любомирского, наилучшим образом характеризовало успех проведенного государством эксперимента [6, с. 34 – 45].

В Москве специализированный суд по делам несовершеннолетних начал свою работу на два года позже Санкт-Петербургского. Первоначально в Москве выделили всего пять районов, но в дальнейшем расширили их количество до девяти. В каждом из них работало от двух до девяти добровольных и должностных попечителей. Впоследствии, один из попечителей Г. Г. Черкезов написал очерк о достигнутых результатах, оценивая работу «детского» суда и института попечительства как успешную. Не называя фамилии несовершеннолетних, автор очерка кратко излагает истории несовершеннолетних преступников. Так, 12-летний К. Б., проходивший в попечительской книге под № 4081, являлся сиротой, нищенствовал, не имея средств к своему существованию – крал все что мог. 14-летний А. Ч., по попечительской книге № 282, окончил четыре класса училища, в течение полутора лет предпринимал безуспешные попытки трудоустроиться на завод. В итоге А. Ч. стал посещать трактиры, завел знакомства с представителями преступного мира, в течение месяца совершил три кражи. Направлен следователем в подследственное отделение при Сокольнической исправительной тюрьме. По ходатайству попечителя несовершеннолетний освобожден и устроен на работу в таможенный орган [13].

Заключение

Государство, заведомо не заинтересованное в массовом направлении несовершеннолетних в места лишения свободы, предпринимало самые разнообразные меры, направленные на исправление несовершеннолетних преступников иными способами. Общества патроната, приюты и иные воспитательно-исправительные учреждения не в полной мере справлялись с поставленной государством задачей, демонстрируя в своих отчетах высокий уровень рецидивной преступности несовершеннолетних, что являлось следствием непродуманной системы общей и частной превенции, которая теряла свою функциональность из-за отсутствия категорически важных структурных элементов.

Таким образом, в результате развития российской уголовно-правовой науки выход был найден в перестройке системы исправления несовершеннолетних посредством внедрения в нее новых элементов и построения взаимосвязи между ними. В качестве эксперимента в Санкт-Петербурге, а затем и в Москве создавались специальные суды по делам несовершеннолетних, опиравшиеся в своей деятельности на должностных и добровольных попечителей из числа благонадежных подданных. Указанные лица взаимодействовали как с судом, выполняя его отдельные поручения, связанные в том числе с оказанием помощи в расследовании преступлений, так и с различными общественными организациями, такими как общества патроната, совместно занимаясь вопросами трудоустройства несовершеннолетних и решения их жилищно-бытовых проблем. Фактически речь шла о том, что интеллигенция при поддержке государства предоставляла лучших своих представителей в качестве кураторов юных правонарушителей в целях определенного переформатирования общества. К сожалению, данный социальный эксперимент был прерван революционными событиями, после которых о нем забыли.

В новом государстве, безусловно, уделялось внимание предупреждению преступлений несовершеннолетних, вновь работали различные учебно-исправительные заведения, такие как коммуна А. С. Макаренко, в которой нередко применялись прогрессивные авторские педагогические методики, не имевшие зарубежных аналогов [10]. Однако специализированного суда как связующего элемента системы профилактики преступности несовершеннолетних уже не существовало. В настоящее время его нет в нашей судебной системе, и в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) рекомендуется привлекать к рассмотрению преступлений несовершеннолетних именно судей, имеющих практический опыт подобных судебных разбирательств [8]. Представляется целесообразным повторить эксперимент Российской империи в вопросах ювенальной юстиции. Поощрение в уголовном праве, реализуемое посредством применения поощрительных норм, нуждается в суде, специализирующемся на преступлениях несовершеннолетних. В то же время особенности его устройства, функционирования, в том числе связанного с вопросами взаимодействия с общественными институтами, должно в полной мере отвечать современным условиям развития общественных отношений и основным задачам государственной уголовной политики.

Список литературы

1. **Безгин В. Б.** «Против воли ее и согласия»: изнасилование и растление в крестьянской среде и их уголовное преследование (конец XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2015. № 3(45). С. 25 – 43.
2. **Бентовин Б. И.** Торгующие телом: Очерки современной проституции. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Электронпеч. Я. Кровицкого, 1909. 234 с.
3. **Богдановский А. М.** Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики. 2-е изд., испр. и доп., с прил. регламента Метрэйской колонии и проекта Устава Одесского исправительного приюта. Санкт-Петербург: Тип. А. Моригеровского, 1871. 301 с.
4. **Бражников Д. А., Шиян В. И.** Криминологические исследования преступности несовершеннолетних в Российской империи XIX – начала XX века // Общество и право. 2017. № 3(61). С. 86 – 89.
5. **Радонежский Д. Н.** Временник Демидовского юридического лица. Кн. 108: Малолетние преступники Москвы: по данным Рукавишниковского приюта за 1903 – 1907 годы и Отделения малолетних Городского работного дома и Дома трудолюбия за 1908 – 1909 годы. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1912. 44 с.
6. **Доклады** Вашингтонскому тюремному конгрессу: представлены Комиссией Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете и Русской группы Международного союза криминалистов. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. 101 с.
7. **Крылов А. А.** Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений // (Соч.) Прокурора Харьковской судебной палаты А. А. Крылова. Харьков: Тип. Печатное дело, 1914. 180 с.
8. **О судебной практике** применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) // Российская газета. № 29. 11.02.2011.
9. **Россия. Законы и постановления.** Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с разъяснением их по решениям кассационных департаментов Правительствующего сената: Судебные уставы двадцатого ноября тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года, с разъяснением их по решениям кассационных департаментов Правительствующего сената: карманное (неофициальное) издание. Санкт-Петербург: Тип. К. Вульфа, 1867. 722 с.
10. **Савин П. Т.** Коллективизм как предпосылка правомерного либо девиантного поведения: вопросы предупреждения преступлений несовершеннолетних // Российский следователь. 2024. № 12. С. 53 – 56.
11. **Уложение** о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. Второго Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1845. 592 с.
12. **Чапурко Т. М., Лысенко А. В.** Установление возраста уголовной ответственности в истории развития российского уголовного законодательства (до 1918 года) // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2007. № 25. С. 197 – 216.
13. **Черкезов Г. Г.** Детский суд в Москве и борьба с детской преступностью (деятельность Московского Суда по делам о малолетних за первый год существования). Москва: Тип. Культура, 1913. 17 с.

References

1. **Bezgin V.B.** [“Against her will and consent”: rape and corruption among the peasants and their criminal prosecution (late 19th – early 20th centuries)], *Novyy istoricheskiy vestnik* [Novyi istoricheskii vestnik], 2015, no. 3(45), pp. 25-43. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Bentovin B.I.** *Torguyushchiye telom: Ocherki sovremennoy prostitutsii* [Body traders: Essays on modern prostitution], Moscow: L. Krumbyugel', 1907, 200 p. (In Russ.)
3. **Bogdanovskiy A.M.** *Molodyye prestupniki: vopros ugolovno go prava i ugolovnoy politiki* [Young criminals: the issue of criminal law and criminal policy], St. Petersburg: Tip. A. Morigerovskogo, 1871, 301 p. (In Russ.)
4. **Brazhnikov D.A., Shiyani V.I.** [Criminological studies of juvenile delinquency in the Russian Empire of the 19th – early 20th centuries], *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2017, no. 3(61), pp. 86-89.
5. **Radonezhskiy D.N.** *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya. Kniga 108: Maloletniye prestupniki Moskvyy: po dannym Rukavishnikovskogo priyuta za 1903-1907 gody i Otdeleniya maloletnikh Gorodskogo rabotnogo doma i Doma trudolyubiya za 1908-1909 gody* [Vremyanik of the Demidov Law Lyceum. Book 108: Juvenile criminals of Moscow: according to the Rukavishnikovsky shelter for 1903-1907 and the Department of minors of the City workhouse and the House of Industry for 1908-1909], Yaroslavl': Tip. Gubernskogo pravleniya, 1912, 44 p. (In Russ.)
6. **Doklady Vashingtonskomu tyuremnomu kongressu: predstavleny Komissiyey Yuridicheskogo Obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete i Russkoy gruppy Mezhdunarodnogo soyuza kriminalistov** [Reports to the Washington Prison Congress: presented by the Commission of the Law Society at the Imperial St. Petersburg University and the Russian group of the International Union of Criminologists], St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1912, 101 p. (In Russ.)
7. **Krylov A.A.** *Instruktsiya chinam politsii po obnaruzheniyu i issledovaniyu prestupleniy* [Instructions for police officers on the detection and investigation of crimes], Khar'kov: Tip. Pechatnoye delo, 1914, 180 p. (In Russ.)
8. **Rossiyskaya gazeta** [Rossiyskaya Gazeta], no. 29. 11.02.2011. (In Russ.)
9. **Rossiya. Zakony i postanovleniya** [Russia. Laws and Regulations], St. Petersburg: Tip. K. Vul'fa, 1867. 722 p. (In Russ.)
10. **Savin P.T.** [ollectivism as a Prerequisite for Lawful or Deviant Behavior: Issues of Preventing Juvenile Crime], *Rossiyskiy sledovatel'* [Rossiyskiy Investigator], 2024, no. 12, pp. 53-56. (In Russ., abstract in Eng.)
11. **Ulozheniye o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh** [Code of Criminal and Correctional Punishments], St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii, 1845, 592 p. (In Russ.)
12. **Chapurko T.M., Lysenko A.V.** [Establishing the age of criminal responsibility in the history of the development of Russian criminal legislation (before 1918)], *Nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Scientific journal of the Kuban State Agrarian University], 2007, no. 25, pp. 197-216. (In Russ., abstract in Eng.)
13. **Cherkezov G.G.** *Detskiy sud v Moskve i bor'ba s detskoyu prestupnost'yu: deyatel'nost' Moskovskogo Suda po delam o maloletnikh za pervyy god sushchestvovaniya* [Children's court in Moscow and the fight against juvenile crime: the activities of the Moscow Juvenile Court during the first year of its existence], Moscow: Tip. Kul'tura, 1913, 17 p. (In Russ.)

Incentive as a Way to Prevent Juvenile Crime: Positive Experience of the Russian Empire

P. T. Savin, *Cand. Sci. (Law), Major of Justice, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Criminology,
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Moscow, Russia;
paulst50@gmail.com*

The article considers the directions of prevention of juvenile delinquency in the Russian Empire during the late 19th - early 20th centuries, directly related to the use of incentive as an integral element of domestic criminal policy of that time. The author defines the concept of a minor in the legislation of the Russian Empire, analyzes the reasons for the growth of juvenile delinquency in the designated time period, and examines the measures taken by the state to prevent crime, assessing their effectiveness. As a result, the author comes to the conclusion that incentive in criminal law, implemented through the application of incentive norms, needs a court specializing in juvenile crime. At the same time, the peculiarities of its structure, functioning, interaction with public institutions, should fully meet the modern conditions of development of social relations and the main objectives of the state criminal policy.

Keywords: juvenile delinquency; crime prevention; incentive in criminal law; incentive norms; juvenile justice.

© П. Т. Савин, 2025

Статья поступила в редакцию 20.01.2025

При цитировании использовать:

Савин П. Т. Поощрение как способ предупреждения преступлений несовершеннолетних: положительный опыт Российской империи // *Право: история и современность*. 2025. Т. 9, № 1. С. 22 – 31. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.022-031

КООРДИНАЦИОННАЯ РОЛЬ СУДА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Алексей Александрович Фомин, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра государственно-правовых дисциплин,
Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия имени В. М. Лебедева», Санкт-Петербурга, Россия;
fominpenza@mail.ru

Возможность урегулировать спор по собственному усмотрению участников правового конфликта с помощью примирительных процедур при координирующем содействии в достижении обоюдоприемлемого консенсуса – одно из проявлений диспозитивных начал саморегулирования и автономии гражданского общества. С теоретико-правовых позиций рассмотрен процессуально-правовой механизм реализации и особенности координационной роли суда и его правовых актов при использовании альтернативных способов урегулирования споров (примирительных процедур), прежде всего, в частноправовой сфере. По сравнению с традиционным порядком судебной защиты примирительные процедуры обладают рядом преимуществ: позволяют урегулировать разногласия между конфликтующими сторонами самостоятельно при координационной роли суда, упрощают рассмотрение споров, способствуют реализации принципа процессуальной экономии, повышают легитимность судебной власти.

Ключевые слова: координационная юридическая деятельность; примирительные процедуры; функции и задачи судебной власти; гражданский процесс; процессуально-правовой механизм; урегулирование конфликта; судебное примирение; альтернативный метод разрешения конфликтов.

Введение

Научно-правовой анализ координационной роли суда в реализации примирительных процедур следует начать с того, что в современных условиях мы наблюдаем активизацию проникновения государственно-правового воздействия в жизнедеятельность гражданского общества. Если подобного рода процессы не носят принудительного характера сугубо в целях подавления и ущемления автономии гражданского общества, а наоборот, имеют под собой прямо противоположные основания – содействовать осуществлению тех или иных диспозитивных инструментов гражданского общества, то такое «вмешательство» государства представляет, безусловно, позитивное явление. Возможность урегулировать спор по собственному усмотрению сторон с помощью примирительных процедур – одно из проявлений начал самоуправления и свободы гражданского общества. Следовательно, основная цель участия органов судебной власти при осуществлении примирительных процедур – координация усилий участников правового конфликта по достижению обоюдоприемлемого консенсуса. Однако у данной тенденции имеется и обратная направленность, ко-

торая проявляется в повышении активности участников судопроизводства по инициированию мирного урегулирования споров, усилении востребованности примирительных процедур. Не секрет, что сегодня обращение сторон конфликта к процедурам медиации и судебного применения носит единичный характер. Так, по итогам 2022 года из общего количества гражданских дел (25 710 742), рассмотренных судами общей юрисдикции первой инстанции в порядке искового судопроизводства, только 897 окончены с использованием медиации и судебного применения и 72 502 посредством заключения мирового соглашения [1]. Цифры официальной статистики говорят сами за себя: функционирование судебной власти в сегодняшней России происходит на фоне значительного юридического нигилизма по поводу возможностей примирительных процедур своих прав и интересов у большинства наших сограждан. Это – следствие многих причин. Среди них выделяется сохраняющаяся на всем протяжении судебно-правовой реформы тенденция непонимания координационной роли суда и судебной власти в обществе, когда суд продолжает восприниматься населением главным образом в качестве карающего, а не правозащитного органа [11, с. 42].

Обсуждение

Рассмотрим механизм реализации и особенности координационной роли суда и его правовых актов при использовании примирительных процедур.

Координационная деятельность судебных органов наиболее очевидна при использовании альтернативных способов урегулирования частноправовых споров и направлена на повышение эффективности и справедливости правового воздействия на конфликт, благодаря достижению синергетического эффекта от взаимных усилий самих участников судопроизводства, координируемых судом. Существование и последовательное расширение такой судебной практики является одной из важных социально-правовых закономерностей правосудия в современном мире, способствует вовлеченности граждан в механизм разрешения частноправовых и экономических споров, способствует установлению полноценной обратной связи между гражданским обществом и государством при осуществлении судебной деятельности. С одной стороны, государству в лице судебных органов становится «легче» справиться с конфликтной ситуацией, а, с другой стороны, граждане и организации в качестве участников судебного дела имеют возможность для удовлетворения собственных потребностей и интересов.

В ряду процессуально-правовых принципов в контексте исследования природы примирительных процедур особое значение имеет принцип участия граждан в судебной деятельности как одной из форм публично-правовой деятельности, которому придан статус конституционного (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ) и международного. Конституция Российской Федерации устанавливает право граждан участвовать в отправлении правосудия, конкретизируя конституционное положение на участие населения в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32). Обязанность государства, в том числе его судебных органов, взаимодействовать в своей деятельно-

сти с гражданским обществом и отдельными его членами – индивидами – является одним из международно-правовых принципов права. В частности, например, равенство участия в деятельности органов власти предусмотрено ст. 21 Всеобщей декларации прав человека и ст. 25 Международного пакта ООН о гражданских и политических правах [8].

Такой подход позволяет рассматривать правосудие не просто как одну из форм осуществления публичной власти, но и как сферу совместного приложения усилий государства в лице судебных органов и гражданского общества по обеспечению законности и восстановлению правопорядка. Реализация конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) предполагает окончание процесса не только принудительным путем, но и возможностью разрешения конфликта и его завершения мирным путем. Распространение примирительных процедур как в России, так и на международном уровне способствует справедливому и эффективному разрешению, прежде всего, частноправовых споров. По сравнению с традиционными способами правовой защиты примирительные процедуры обладают преимуществами, выступая действенным инструментом снижения нагрузки на суды, ускорения и упрощения разрешения споров, облегчения доступа к правосудию, урегулирования разногласий между конфликтующими сторонами на диспозитивных началах [7, с. 33].

Примирительные процедуры являются эффективным средством разрешения конфликтов, где главная цель – достижение справедливости и взаимного согласия. В ходе использования таких примирительных процедур стороны могут обсудить свои претензии и попытаться найти взаимоприемлемое решение спора. Преимуществом примирительных процедур является возможность сохранения отношений между сторонами и экономия времени и ресурсов [3, с. 34; 4].

Координация усилий суда и спорящих между собой сторон при осуществлении примирительных процедур облегчает достижение фундаментальных целей судебной деятельности, стоящих перед государством и гражданским обществом – справедливое разрешение дела. Однако порядок такого рода взаимодействия определяется «сверху» государством в процессуальном законодательстве, то есть государство односторонне устанавливает «правила» своего взаимодействия в лице органов судебной власти с организациями и гражданами в рамках примирительных процедур. Тот факт, что координационные полномочия суда (действующего от имени Российской Федерации) при осуществлении примирительных процедур регламентируются в императивном порядке «сверху», является закономерным и логичным. В механизме формирования и осуществления судебной власти ведущая роль выпадает на долю государства, ибо гражданское общество и породило государство для регулирования наиболее важных, а следовательно, и конфликтных ситуаций между своими составными частями, разрешаемыми органами судебной власти государства.

С этой точки зрения, координационная роль суда обусловлена обременением действующим процессуальным законодательством, в частности, ч. 1 ст. 138 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (*далее* – АПК) и ч. 1 ст. 153.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (*далее* – ГПК), дополнительной обязанностью ини-

циировать примирительные процедуры, стимулировать стороны к вступлению в переговоры и заключению мирового соглашения, и состоит в следующем:

1) содействию скорейшему преодолению конфликтной ситуации при сохранении партнерских отношений, минимизации и предотвращению вредных последствий возникшего спора;

2) своевременном информировании сторон о содержании примирительных процедур, возможности и перспективах их использования;

3) мониторинге беспрепятственной реализации гражданами и организациями прав и исполнения обязанностей в ходе примирительных процедур;

4) возобновлении «обычной» процедуры искового судопроизводства в случае уклонения, затягивания и совершения иных недобросовестных действий сторонами при использовании альтернативных способов урегулирования споров (примирительных процедур).

Последний тезис требует конкретизации. Представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне перечень форм недобросовестных действий при проведении переговоров в рамках примирительных процедур посредничества, медиации, судебного примирения и предусмотреть штрафные санкции за проявления недобросовестности (введение в заблуждение, предоставление недостоверной информации и т.п.) при проведении переговоров. С нашей точки зрения, без установления ответственности за совершение недобросовестных действий при ведении переговоров повысить эффективность и востребованность в российском обществе примирительных процедур, особенно с учетом национального менталитета, будет весьма затруднительно.

Обратимся к анализу конкретных элементов процессуально-правового механизма участия суда в примирительных процедурах, регламентированных действующим российским законодательством.

В соответствии со ст. 153.2 ГПК РФ и ст. 138.1 АПК РФ примирительная процедура может быть проведена не только по ходатайству сторон, но и по предложению суда. Предложение суда провести примирительную процедуру может содержаться в определении о принятии искового заявления (заявления) к производству, о подготовке дела к судебному разбирательству или в ином определении по делу, а также может быть сделано судом в устной форме. При согласии сторон с предложением суда о проведении примирительной процедуры, в случае удовлетворения ходатайства о ее проведении суд выносит определение о проведении примирительной процедуры и при необходимости об отложении судебного разбирательства.

В статьях 153.3 ГПК РФ и 138.2 АПК РФ перечисляются такие виды примирительных процедур как проведение переговоров, посредничество, медиация, судебное примирение, и допускается возможность использования других видов процедур, непротиворечащих законодательству. Такие процедуры могут применяться как каждая в отдельности, так и последовательно, сменяя одна другую. Выбор той или иной примирительной процедуры является непосредственно прерогативой сторон и во многом зависит от их целей и задач. Действующее процессуальное законодательство закрепляет право сторон прибегнуть к процедуре примирения в слу-

чае нахождения спора на разрешение суда на любой стадии производства. Правовой базой судебного примирения и процедуры медиации, кроме процессуальных кодексов, являются Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» и Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 26.07.2029) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» соответственно.

Общая цель всех примирительных процедур – урегулирование конфликта и развитие партнерских отношений. Им свойственны общие черты: урегулирование спора посредством выработки совместного решения; наличие посредника, содействующего разрешению конфликта; добровольное согласие сторон. Однако каждая из этих процедур имеет и свои особенности [1, 6]. Для успешного проведения примирительных процедур необходима объективность и нейтральность посредника, готовность сторон к диалогу и компромиссам. Прибегнуть к примирительным процедурам стороны могут в том случае, когда они готовы к обсуждению возникших вопросов самостоятельно, и градус эмоционального напряжения не достиг апогея.

В качестве еще одной формы координационного участия суда в осуществлении примирительных процедур, на наш взгляд, можно рассматривать судебное примирение, поскольку согласно ч. 3 ст. 153.6 ГПК РФ судебным примирителем может быть только судья в отставке. В целях соотнесения и сближения позиций сторон по делу и выявления дополнительных возможностей для урегулирования спора с учетом интересов сторон, оказания им содействия в достижении взаимоприемлемого результата примирения, основанного в том числе на понимании и оценке сторонами обоснованности заявленных требований и возражений, судебный примиритель вправе вести переговоры со сторонами, другими лицами, участвующими в деле, изучать представленные сторонами документы, знакомиться с материалами дела с согласия суда и осуществлять другие действия, необходимые для эффективного урегулирования спора, в том числе давать сторонам рекомендации в целях скорейшего урегулирования спора и сохранения между сторонами деловых отношений. Судебный примиритель не является участником судебного разбирательства и не вправе совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение либо прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в деле, и других участников процесса.

Получается, что бремя ответственности по популяризации примирительных процедур лежит в первую очередь на профессиональном судебском сообществе в лице действующих судей и судей в отставке. Это еще один аспект координационной роли суда в реализации примирительных процедур.

Окончание примирительных процедур и результаты примирения сторон утверждаются судом путем вынесения определения, представляющего собой одну из форм судебного акта (ч. 1 ст. 13 ГПК РФ и ч. 1 ст. 15 АПК РФ). Легальная дефиниция понятия «судебный акт» содержится, в частности, в ст. 1 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов

в Российской Федерации»: «судебный акт – решение, вынесенное в установленной соответствующим законом форме по существу дела, рассмотренного в порядке осуществления конституционного, гражданского, административного, уголовного, арбитражного судопроизводства». Гражданское процессуальное законодательство предъявляет ряд требований, которым должны отвечать выносимые судебные акты. Основными из них являются: законность, обоснованность и справедливость (ст. 195 ГПК РФ). Вместе с тем некоторые авторы (в частности, С. Ф. Афанасьев, С. К. Загайнова) в числе самостоятельных правомочий права на судебную защиту выделяют получение мотивированного судебного решения [2, с. 272; 5]. Мы солидарны с позицией В. А. Терехина, по мнению которого мотивированность судебного документа является составной частью его обоснованности, поэтому необходимости в выделении еще одного самостоятельного требования, предъявляемого к судебным актам, нет [9, с. 241].

Позитивный результат, достигнутый при использовании примирительных процедур, заключается в примирении лиц, участвующих в деле, и выражается в заключении ими мирового соглашения в отношении всех или части заявленных требований, которое и утверждается судом (ст. 153.10 ГПК РФ и ст. 138.6 АПК РФ). Суд не утверждает мировое соглашение, если оно противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц. При рассмотрении вопроса об утверждении мирового соглашения суд исследует фактические обстоятельства спора и представленные лицами, участвующими в деле, доводы и доказательства, дает им оценку лишь в той мере, в какой это необходимо для проверки соответствия мирового соглашения требованиям закона и отсутствия нарушений прав и законных интересов других лиц. При рассмотрении вопроса об утверждении мирового соглашения в случае обжалования судебного акта или его исполнения законность и обоснованность соответствующего судебного акта не проверяются. Суд не вправе утверждать мировое соглашение в части, изменять или исключать из него какие-либо условия, согласованные сторонами. При рассмотрении вопроса об утверждении мирового соглашения суд вправе предложить сторонам исключить из мирового соглашения отдельные условия, противоречащие закону или нарушающие права и законные интересы других лиц.

Представляет интерес вопрос о возможности обжалования определения суда о завершении примирительной процедуры и утверждении мирового соглашения. Согласно п. 11 ст. 153.10 ГПК РФ и п. 11 ст. 141 АПК РФ, судебные определения об утверждении мирового соглашения подлежат немедленному исполнению и могут быть обжалованы в суд кассационной инстанции в течение одного месяца. Регламентированная на конституционном уровне инстанционность судопроизводства, означающая процессуально-правовой механизм пересмотра незаконных действий и решений судов с целью исправить ошибки (а тем более умышленные неправомерные акты), является гарантией реализации права на судебную защиту и эффективного восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан. Обжалование в кассационную инстанцию выступает важнейшим элементом судебного контроля и надзора (проверки) законности определений, принятых по результатам примирительных процедур [10, с. 97].

Заключение

В настоящее время примирительные процедуры активно используются в различных сферах правового регулирования, включая семейное право, трудовые споры, деловую сферу и мн. др. Они являются эффективным средством разрешения конфликтов, где главная цель – достижение справедливости и взаимного согласия. Примирительные процедуры имеют несколько преимуществ по сравнению с традиционным судебным разбирательством. *Во-первых*, значительно экономят время и стоимость, позволяют избежать длительных судебных тяжб и значительных расходов в связи с участием в судебных процессах. *Во-вторых*, способствуют сохранению отношений между сторонами, позволяют найти компромиссное решение, основанное на общих интересах. *В-третьих*, обеспечивают гибкость и индивидуальный подход в достижении обоюдоприемлемого решения спора. Развитие регулирования примирительных процедур в российском законодательстве демонстрирует последовательное увеличение их удельного веса в судебной практике. Институт примирительных процедур позволяет сторонам спора урегулировать конфликт самостоятельно при координационной роли суда, способствует реализации принципа процессуальной экономии, повышает легитимность, справедливость судебных актов и уровень доверия к судебной власти со стороны гражданского общества.

Список литературы

1. Автономова М. В., Будяков А. А., Харламова Е. А. Роль и место института примирения и примирительных процедур в гражданском процессе // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4(220). С. 213 – 216.
2. Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: общая характеристика и его реализация в российском гражданском судопроизводстве. Саратов: Научная книга, 2009. 310 с.
3. Бражникова А. И. Роль примирительных процедур в правовом конфликте // Бизнес и общество. 2022. № 3(35). С. 34 – 36.
4. Горячева Д. Р. Актуальные проблемы практического применения примирительных процедур // Научно-практический электронный журнал «Аллея науки». 2024. № 4(91). URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/April24/aKTUaL-NIE-PROBLEMI-PRAKTICHESKOGO-PRIMINENIYa-PRIMERITEL-NIH-PROTSSEDUR.pdf (дата обращения: 17.10.2024).
5. Загайнова С. К. Мотивированная оценка доказательств в судебных актах арбитражного суда // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. С. 27 – 31.
6. Камбер Д. Р. К вопросу о становлении и развитии примирительных процедур в России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6(222). С. 487 – 489.
7. Нарышкина С. Ю. История и развитие института примирительных процедур в России // Genesis: исторические исследования. 2023. № 5. С. 30 – 43.
8. Пчелинцев С. С. Реализация международно-правового принципа равного доступа граждан к государственной службе в Российской Федерации: новые подходы // Журнал российского права. 2008. № 11. С. 112 – 117.
9. Терехин В. А. Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека: теория и практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 352 с.

10. **Фомин А. А.** Право на судебную защиту как конституционный принцип правосудия (на примере гражданского процесса) // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 1. С. 89 – 106.

11. **Фомин А. А.** Взаимодействие гражданского общества и судебной власти в современной России: философско-правовой аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 4(28). С. 38 – 44.

References

1. **Autonomova M.V., Budyakov A.A., Kharlamova E.A.** [The role and place of the institute of reconciliation and conciliation procedures in the civil process], *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and the state: theory and practice], 2023, no. 4 (220), pp. 213-216 (In Russ., abstract in Eng.)

2. **Afanasyev S.F.** *Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: obshchaya xarakteristika i ego realizatsiya v rossijskom grazhdanskom sudoproizvodstve* [The right to a fair trial: general characteristics and its implementation in Russian civil proceedings], Saratov: Nauchnaya kniga, 2009, 310 p. (In Russ.)

3. **Brazhnikova A.I.** [The role of conciliation procedures in a legal conflict], *Biznes i obshchestvo* [Business and society], 2022, no. 3(35), pp. 34-36. (In Russ., abstract in Eng.)

4. **Goryacheva D.R.** [Actual problems of practical application of conciliation procedures], *Nauchno-prakticheskij elektronnyj zhurnal "Alleya nauki"* [Scientific and practical electronic journal "Alley of Science"], 2024, no. 4(91), available at: https://alley-science.ru/domains_data/files/April24/aKTUaL-NIE-PROBLEMI-PRaKTICHESKOGO-PRIMINENIYa-PRIMERITEL-NIH-PROTSEDUR.pdf (accessed 17 January 2024)

5. **Zagaynova S.K.** [Motivated assessment of evidence in judicial acts of the arbitration court], *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2007, no. 1, pp. 27-31. (In Russ., abstract in Eng.)

6. **Kamber D.R.** [On the question of the formation and development of conciliation procedures in Russia], *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and the state: theory and practice], 2023, no. 6(222), pp. 487-489. (In Russ., abstract in Eng.)

7. **Naryshkina S.Yu.** [History and development of the Institute of conciliation procedures in Russia], *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research], 2023, no. 5, pp. 30-43. (In Russ., abstract in Eng.)

8. **Pchelintsev S.S.** [Implementation of the international legal principle of equal access of citizens to public service in the Russian Federation: new approaches], *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2008, no. 11, pp. 112-117. (In Russ., abstract in Eng.)

9. **Terekhin V.A.** *Sud v gosudarstvenno-pravovom mexanizme obespecheniya prav i svobod cheloveka: teoriya i praktika* [The court in the state-legal mechanism of ensuring human rights and freedoms: theory and practice], Moscow: Yurlitinform, 2013, 352 p. (In Russ.)

10. **Fomin A.A.** [The right to judicial protection as a constitutional principle of justice (on the example of a civil process)], *Vestnik grazhdanskogo processa* [Bulletin of civil procedure], 2021, vol. 11, no. 1, pp. 89-106. (In Russ., abstract in Eng.)

11. **Fomin A.A.** [Interaction of civil society and judicial power in modern Russia: philosophical and legal aspect], *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences], 2013, no. 4(28), pp. 38-44. (In Russ., abstract in Eng.)

The Coordinating Role of the Court in the Implementation of Conciliation Procedures: a Theoretical Aspect

A. A. Fomin, Dr. Sci. (Law), Professor,
Department of State and Legal Disciplines,
North-West branch of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev, St. Petersburg, Russia;
fominpenza@mail.ru

The ability to resolve a dispute at the sole discretion of the parties to a legal conflict through conciliation procedures with coordinating assistance in achieving a mutually acceptable consensus is one of the manifestations of the dispositive principles of self-regulation and autonomy of civil society. From a theoretical and legal point of view, the article examines the procedural and legal mechanism for the implementation and features of the coordinating role of the court and its legal acts when using alternative dispute resolution methods (conciliation procedures), primarily in the private legal sphere. In comparison with the traditional procedure of judicial protection, conciliation procedures have a number of advantages: they allow resolving differences between conflicting parties independently with the coordinating role of the court, simplifying the consideration of disputes, contributing to the implementation of the principle of procedural economy, and increasing the legitimacy of the judiciary.

Keywords: coordinating legal activity, conciliation procedures, functions and tasks of the judiciary; civil procedure; procedural-legal mechanism; conflict resolution; judicial conciliation; alternative method of conflict resolution.

© А. А. Фомин, 2025

Статья поступила в редакцию 02.12.2024

При цитировании использовать:

Фомин А. А. Координационная роль суда при осуществлении примирительных процедур: теоретический аспект // Право: история и современность. 2025. Т. 9, № 1. С. 32 – 40. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.032-040

**К ВОПРОСУ О БЮДЖЕТНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАКУПОК
ОТДЕЛЬНЫМИ ВИДАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Владислав Эдуардович Обухович, главный юрисконсульт,
отдел правового сопровождения и корпоративных отношений,
АО «Метрострой Северной Столицы», Санкт-Петербург, Россия;
аспирант, ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики», Санкт-Петербург, Россия
o.v.e.blues@gmail.com

Николай Петрович Маюров, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова», Санкт-Петербург, Россия;
mayurov2010@mail.ru

Рассмотрены вопросы бюджетного регулирования при закупках отдельными видами юридических лиц. В целях повышения эффективности совершенствования контроля над расходованием средств бюджетов разных уровней путем сравнительно-правового анализа норм бюджетного законодательства во взаимосвязи с законодательством о закупках и законом о контрактной системе предложено внести изменения в действующие нормы, регулирующие деятельность заказчиков по закупкам, связанным с использованием государственного финансирования. Кроме того, проведен анализ зарубежного законодательства осуществления закупочной деятельности, в частности рассмотрены системы закупок стран Евразийского экономического союза, Французской Республики, а также законодательства о закупках Соединенных Штатов Америки.

Ключевые слова: законодательство о закупках; бюджет; бюджетный контроль; исполнение бюджета; свобода договора; эффективное расходование бюджетных средств; закон о бюджете.

Введение

Всю историю своего существования человечество стремилось упорядочить процессы жизненной деятельности, урегулировать процессы имущественных отношений, защиту от внешних и внутренних угроз и иных факторов, влияющих на повседневную обыденность. Со временем, стали образовываться общины и иные объединения, которые в процессе своего эволюционного развития переросли в такой важный институт, как государство. Существует масса теорий возникновения государства, будь то теория насилия, спортивная теория и мн. др. Однако признаком любого государства, его основой являются граждане, территория, аппарат прину-

ждения, суверенитет, взимание налогов и сборов с населения, формирующих государственный бюджет.

В дальнейшем при совершенствовании деятельности аппарата государственной власти появились государственные предприятия и организации, налоговая система трансформировалась, появились нормы и правила – законы, касающиеся различных сфер общественной жизни, в том числе сфер формирования доходов и расходов государственного аппарата.

Государственный бюджет – элемент, при помощи которого аппарат власти осуществляет свои функции во всех отраслях реализации своей деятельности: в области обороны, сфере социального обеспечения, сфере модернизации промышленных институтов, в рамках совершенствования профессионализма граждан – образовании, медицине и других важных областях повседневной жизни.

Важным фактором эффективной реализации государственных механизмов является целевая направленность расходования, предоставляемых для их реализации и соответственно финансовый контроль осуществляемых расходов, закупок [4, с. 54]. В разных государствах система осуществления закупок устроена в соответствии с особенностями нормативного регулирования и форм государственного устройства. Например, во Франции во многом положения о государственных закупках схожи с отечественными правоотношениями в рассматриваемой отрасли, однако ключевым различием двух систем является определение начальной цены заключаемого договора. Так, во Франции, где государственные закупки регламентируются как законодательством Европейского союза, так и внутренним законодательством республики – Кодексом о государственных закупках, начальная цена договора на торгах не озвучивается и является коммерческой тайной, в то время как в Российской Федерации при проведении процедур начальная цена на торгах – обязательное условие осуществления закупки [8, с. 704].

В США система закупок направлена на снижение фактора неопределенности при осуществлении государственных закупок. В отличие от конкурсных процедур в отечественной закупочной сфере, как и во Франции, в Соединенных Штатах Америки способом осуществления закупочных процедур являются прямые переговоры с поставщиками. При таком способе закупок нивелируется риск заключения контрактов с потенциально недобросовестными контрагентами. Координационную функцию в данном случае выполняет особый вид служащих – контрактные офицеры. Проводя параллель с отечественными правовыми институтами, проведение закупочных процедур осуществляется соответственно специально создаваемыми структурными подразделениями – контрактными службами, которые, в свою очередь, осуществляют координацию процедур внутри организации и принимают локальный акт об осуществлении закупок – положение о закупках. Положение о закупках – акт, который направлен на систематизацию деятельности и установление ограничений на выбор процедур, особенностей заключения договоров с единственным контрагентом, и иные правила закупочной деятельности [7, с. 159].

Системы закупок Евразийского экономического союза преимущественно соответствуют друг другу и, в части контрактной системы регули-

руются едиными кодифицированными актами. Однако, рассматривая законодательство о закупках Республики Беларусь, следует отметить, что закупки в разных сферах урегулированы отдельными уточняющими подзаконными актами – правилами закупок. В настоящем исследовании предлагаются способы совершенствования деятельности по исполнению бюджета путем изменения действующего законодательства, его совершенствования, направленного на усиление контроля за расходованием средств государства [6, с. 100].

Методы

В настоящем исследовании применяются методы сравнительно-правового анализа нормативной базы, регулирующей деятельность в сфере использования бюджетных средств и регулирования закупок. Кроме того, в рамках аналитического рассмотрения судебной практики авторами исследования применяется формально-юридический метод интерпретации правоприменителем бюджетного законодательства Российской Федерации и законодательства о закупках.

Результаты

На современном этапе государственная власть – один из важнейших институтов в современном обществе. Реализация полномочий государства невозможна без формирования государственного бюджета. В доход казны идут поступления от налогов и сборов, экспорта технологий и ресурсов, доходов целевых бюджетных фондов.

Под бюджетом в отечественной системе права понимается форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления [3, с. 242]. Из приведенного определения можно выделить два элемента системы бюджета в Российской Федерации – это его формирование и его расходование. Под расходованием бюджета можно понимать соответственно его исполнение, – то, каким образом будут реализовываться цели и задачи, определенные законом о бюджете на соответствующий финансовый год. Одна из форм расходования средств бюджета – государственные закупки и закупки отдельными видами юридических лиц. В целях повышения эффективности осуществления закупочной деятельности с привлечением бюджетных средств, осуществления контроля в контрактации и снижения коррупционных рисков при реализации полномочий заказчика в настоящий момент в Российской Федерации приняты основополагающие нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность в сфере закупок, а именно Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – закон № 44-ФЗ)¹

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.

и Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – закон № 223-ФЗ) ².

Согласно п. 1 ст. 1 закону № 44-ФЗ, настоящий федеральный закон регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок.

Одновременно с этим, закон № 223-ФЗ регулирует правоотношения, связанные с закупками товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц – субъектов монополий и хозяйствующих субъектов с государственным участием.

В отличие от закона № 44-ФЗ, где одним из источников нормативного регулирования является Бюджетный кодекс Российской Федерации, закон № 223-ФЗ не устанавливает обязанности заказчика руководствоваться нормами основного кодифицированного акта в бюджетном праворегулировании.

Закон № 223-ФЗ устанавливает целями регулирования обеспечение единства экономического пространства, создание условий для своевременного и полного удовлетворения потребностей юридических лиц, указанных в ч. 2 ст. 1 закона, в товарах, работах, услугах, в том числе для целей коммерческого использования, с необходимыми показателями цены, качества и надежности, эффективное использование денежных средств, расширение возможностей участия юридических и физических лиц в закупке товаров, работ, услуг (далее – закупка) для нужд заказчиков и стимулирование такого участия, развитие добросовестной конкуренции, обеспечение гласности и прозрачности закупки, предотвращение коррупции и других злоупотреблений ³.

Рассматривая основные цели вышеуказанного нормативного акта, стоит обратить внимание на такую цель, как «эффективное использование денежных средств», одновременно законодательно не закреплена природа средств, которыми распоряжается заказчик, применяя в закупочной деятельности закон № 223-ФЗ. Установив законодательное закрепление принципа эффективности использования бюджетных средств, законодатель определяет ее основным критерием достижение результативности с использованием минимального количества средств – экономности и результативности [1, с. 139].

Норма указанной статьи затрагивает только лишь систему исполнения бюджетов участниками бюджетного процесса.

Получатель бюджетных средств согласно терминологии, установленной БК РФ, орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, находящееся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенное учреждение, имеющие право на принятие и(или) исполнение бюджетных

² О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федер. закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. № 159. 22.07.2011.

³ Там же.

обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета [4, 5].

Анализируя совокупность законодательных актов, следует сделать вывод о том, что субъект, являющийся главным распорядителем бюджетных средств (ГРБС) – получателем средств соответствующего бюджета, обязан соблюдать принцип эффективности расходования бюджетных средств, при этом в существующей парадигме бюджетно-правовой действительности, в сущности, указанный принцип действует лишь на первоначальном этапе исполнения бюджета в виде заключения договора в связи с потребностью закупки для государственных и муниципальных нужд.

При заключении крупных контрактов, например контрактов в сфере строительства, помимо заказчика и генподрядчика, появляется огромная цепочка соисполнителей, которая, по сути, в соответствии с требованиями действующего законодательства может распоряжаться представленными из соответствующего бюджета общей бюджетной системы Российской Федерации средствами по своему усмотрению, не придерживаясь принципа экономичности и эффективности.

Даже если исполнитель по государственному контракту – организация, которая подпадает под действия норм закона № 223-ФЗ, закон не наделяет субъекта-заказчика обязательностью соблюдения принципов бюджетных правоотношений, а в связи с тем, что поскольку законодатель намеренно исключает из положений закона такой источник права, как Бюджетный кодекс, то соответственно в случае привлечения к исполнению бюджетных средств обязанность соблюдения бюджетных принципов теряется и соответственно целевое использования таких средств с научно-правовой точки зрения должно быть ненаказуемо.

Несмотря на приведенные выше факты, в настоящий момент законодательство не содержит прямого указания на то, что принцип эффективности использования бюджетных средств должен распространяться на всех получателей средств бюджета, правоприменители считают иначе.

Так, в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2022 № 305-ЭС22-14922 по делу № А40-165107/2021 суд указывает на то, что средства бюджета, полученные подрядчиком в рамках закона № 44-ФЗ, впоследствии израсходованные в рамках исполнения договора с соисполнителем, заключенному на торгах, проведенных в рамках закона № 223-ФЗ, также должны использоваться с соблюдением принципа эффективности, установленного соответственно бюджетным законодательствам Российской Федерации.

К аналогичным выводам приходит также и Арбитражный суд Дальневосточного округа от 24.10.2024, указывая в своем Постановлении от 24.10.2024 № Ф03-4763/2024 по делу № А73-19699/2023 на то, что оплата работ по завышенной стоимости генподрядчиком, заключившим договор по результатам торгов в рамках закона № 223-ФЗ, противоречит требованиям ст. 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации, что является нарушением порядка использования предоставленных средств и влечет за собой соответствующую ответственность⁴.

⁴ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24.10.2024 № Ф03-4763/2024 по делу № А73-19699/2023. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoy-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23072024-n-304-es24-4763-po-delu-n-a45-60002023/> (дата обращения: 23.12.2024).

На основании сформированной позиции судов, в связи со сложившейся практикой правоприменения следует говорить о том, что путем применения расширительного и отсылочного толкования норм права правила эффективного использования бюджетных средств применимы ко всем видам договоров, источником финансового обеспечения которых являются средства бюджетов Российской Федерации, а равно источником нормативного регулирования закона № 223-ФЗ следует также считать и Бюджетный кодекс Российской Федерации.

Однако, анализируя принципы и источники закона № 223-ФЗ можно предположить то, что законодатель не может однозначно установить Бюджетный кодекс Российской Федерации источником правового регулирования в связи с неоднозначностью источника финансового обеспечения закупочной деятельности отдельными видами юридических лиц.

Если контрактация по закону о государственном оборонном заказе и по закону о государственных закупках предполагает однозначное привлечение бюджетных средств в качестве источник, то по закону о закупках отдельными видами юридических лиц закупка может обеспечиваться также из средств прибыли заказчиков и иных поступлений не связанных в полной мере с бюджетами бюджетной системы Российской Федерации [9, с. 29].

Отсюда возникает вопрос, для каких целей законодательно регулировать деятельность в сфере закупок, осуществляемых хозяйствующими субъектами из внебюджетных поступлений?

Статья 1 Гражданского кодекса Российской Федерации провозглашает принцип свободы договора как основополагающий принцип гражданского законодательства в отечественной системе права⁵.

При этом закон о закупках отдельными видами юридических лиц содержит прямые ограничения в выборе способов заключения договора заказчиками, установления цены договора и пр. Кроме того, нормы закона № 223-ФЗ также ограничивают всю цепочку хозяйствующих субъектов, созданных юридическим лицом, которое по смыслу закона № 223-ФЗ является заказчиком.

Безусловно, отечественная правовая наука говорит о том, что принцип свободы договора должен быть реализован в той части, которая не противоречит нормам действующего законодательства, и такая свобода может быть ограничена в рамках отдельных видов договора [2, с. 34]. Так, например, при заключении публичного договора, лицо, осуществляющее предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность, обязано заключать такой договор в отношении каждого, кто к нему обратился.

Рассматривать ограничением свободы договора можно и положения п. 8 ст. 448 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данная норма ограничивает возможность изменения условий договора в случае, если заключение такого договора в соответствии с законом возможно только по результатам проведения конкурсных процедур⁶.

Приведенная норма является отсылочной к закупочному законодательству и соответственно устанавливает особый порядок заключения

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.11.

⁶ Там же.

и изменения договора. Закон № 223-ФЗ применяется к закупкам, осуществляемым субъектами, состав которых определен ч. 2 ст. 1 закона. Общим признаком таких субъектов является доминирующее положение на рынке в смысле, определенном антимонопольным законодательством Российской Федерации.

Одновременно с этим заказчиками по закону № 44-ФЗ могут выступать государственные органы как федерального, так и муниципального уровня, а также государственные корпорации и публично-правовые компании. По нашему мнению, ключевым различием контрактного закона и закона о закупках отдельными видами юридических лиц является то, что в большей степени контрактный закон обуславливает необходимость эффективного и целевого использования бюджетных средств, в целях не связанных с коммерческой деятельностью, в то время как закон № 223-ФЗ обеспечивает и создает условия защиты конкуренции в Российской Федерации. Это обуславливает факт большей императивности норм закона № 44-ФЗ, притом, что закон № 223-ФЗ устанавливает общие правила и принципы закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц.

Из этого следует, что при существующей парадигме законодательного регулирования, в свете применения принципов, регламентированных Бюджетным кодексом Российской Федерации в разрезе исполнения бюджета отдельными видами юридических лиц – не участниками бюджетного процесса, необходимо регулировать такие правоотношения контрактным законом, устанавливающим источником правового регулирования бюджетное законодательство.

В своей совокупности нормы-цели и нормы-принципы бюджетного права не соотносят процесс предоставления и расходования бюджетных средств с получением коммерческой выгоды хозяйствующим субъектом. Хозяйствующие субъекты в смысле закона № 223-ФЗ – коммерческие организации, устанавливающие главной целью своей деятельности извлечение прибыли [10, с. 7]. Контроль использования бюджетных средств, осуществляется при помощи казначейского сопровождения – инструмента положение о котором урегулировано гл. 24.4 и ст.ст. 242.25, 242.26 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также законом о федеральном бюджете на соответствующий год и соответственно законом о бюджете субъекта Российской Федерации. Несмотря на то что контроль, принципы и цели предоставления средств бюджетов урегулированы в рамках бюджетного законодательства, использование таких средств в рамках проведения закупочных процедур регулируется контрактным законом и законом о закупках отдельными видами юридических лиц, которые, регулируя схожие правоотношения, имеют принципиальные различия в своих положениях.

Заключение

В свете необходимости пресечения бюджетных правонарушений, конкретизации и установления единоначалия правового регулирования, усиления контроля над расходованием бюджетных средств при осуществлении реализации инфраструктурных проектов и иных государственно-значимых программ необходимо определить положение, что любые закупочные про-

цедуры при бюджетном финансировании различных уровней должны быть урегулированы законом № 44-ФЗ, который является наиболее императивным и устанавливает обязанность заказчиков руководствоваться принципами и нормами, установленными бюджетным законодательством.

Список литературы

1. Коломягин Д. Л. Бюджетное право России: учеб. пособие / под общ. ред. А. Н. Козырина. М.: Институт публично-правовых исследований, 2011. 352 с.
2. Жданов С. П., Рудакова Е. Н., Назипов А. Д. Философско-правовое определение категорий «свобода» и «договор» как составляющих элементов единой цивилистической категории «свобода договора» // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9, № 1(37). С. 34 – 42.
3. Зулькарнай И. У. Межбюджетные отношения в системе «федеральный бюджет – бюджеты субъектов федерации»: потенциал стимулирования экономического развития // Экономико-математические методы исследования современных проблем экономики и общества: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 16–17 декабря 2013 г.). Уфа, 2013. Т. 2. С. 242 – 246.
4. Изюмская Е. В. Развитие системы государственных закупок в Российской Федерации и за рубежом // Социально-экономическое развитие регионов России: тенденции, проблемы, перспективы: сб. науч. тр. I Всерос. науч.-практ. конф. (Оренбург, 16 декабря 2020 г.). Волгоград, 2021. С. 54 – 59.
5. Омелехина Н. В. Цифровизация бюджетной сферы как предмет правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 127 – 140.
6. Савченко В. В., Катунский Е. Д. Формирование системы государственных закупок в Евразийском экономическом союзе // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7, № 2(26). С. 99 – 104. doi: 10.18184/2079-4665.2016.7.2.99.104
7. Сергиенко В. С. Сравнение государственных закупок в РФ и США // Молодой ученый. 2023. № 2(449). С. 159 – 165.
8. Телегина А. П. Система государственных закупок Франции // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 1, № 11(28). С. 704 – 707.
9. Украинцев В. Б., Лепетикова И. Ю. Управление закупками и контрактами: учеб. пособие. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2024. 190 с.
10. Цинделиани И. А., Селюков А. Д., Вершило Т. А. Принципы финансового права: монография. М.: Проспект, 2022. 557 с.

References

1. Kolomyagin D.L.; Kozyrin A.N. (Ed.) *Byudzhetnoye pravo Rossii: ucheb. posobiye* [Budget law of Russia: textbook], Moscow: Institut publichno-pravovykh issledovaniy, 2011, 352 p. (In Russ.)
2. Zhdanov S.P., Rudakova Ye.N., Nazipov A.D. [Philosophical and legal definition of the categories of "freedom" and "contract" as constituent elements of a single civilistic category "freedom of contract"], *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo* [Economy. Law. Society], 2024, vol. 9, no. 1(37), pp. 34-42. (In Russ., abstract in Eng.)
3. Zul'karnay I.U. *Ekonomiko-matematicheskiye metody issledovaniya sovremennykh problem ekonomiki i obshchestva: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Economic and mathematical methods for studying modern problems of the economy and society: collection of materials of the Int. scientific and practical. conf.] (Ufa, 16–17 December 2013), Ufa, 2013, vol. 2, pp. 242-246. (In Russ.)
4. Izyumskaya Ye.V. *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye regionov Rossii: tendentsii, problemy, perspektivy: sb. nauch. tr. I Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Socio-economic development of Russian regions: trends, problems, prospects: collection of scientific papers of the 1st All-Russian scientific and practical conf.], (Orenburg, 16 December 2020). Volgograd, 2021, pp. 54-59. (In Russ.)

5. **Omelekhina N.V.** [Digitalization of the budgetary sphere as a subject of legal impact], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 8, pp. 127-140. (In Russ., abstract in Eng.)
6. **Savchenko V. V., Katulskij E. D.** [Formation of the Public Procurement System in the Eurasian Economic Union], *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye)*. [MIR (Modernization Innovation Research)], 2016, vol. 7, no. 2(26), pp. 99-104. doi: 10.18184/2079-4665.2016.7.2.99.104 (In Russ., abstract in Eng.)
7. **Sergiyenko V.S.** [Comparison of public procurement in the Russian Federation and the USA], *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2023, no. 2(449), pp. 159-165. (In Russ., abstract in Eng.)
8. **Telegina A.P.** [Public procurement system of France], *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki* [Modern scientific research and development], 2018, vol. 1, no. 11(28), pp. 704-707. (In Russ., abstract in Eng.)
9. **Ukrainsev V.B., Lepetikova I.Yu.** *Upravleniye zakupkami i kontraktami: ucheb. posobiye* [Procurement and Contract Management: textbook], Rostov n/D: RGEU (RINKH), 2024, 190 p. (In Russ.)
10. **Tsindeliani I.A., Selyukov A.D., Vershilo T.A.** *Printsipy finansovogo prava: monografiya* [Principles of Financial Law: monograph], Moscow: Prospekt, 2022, 557 p. (In Russ.)

On the Issue of Budget Regulation of Procurement by Certain Types of Legal Entities

V. E. Obukhovich, Chief Legal Adviser, Department of Legal Support
and Corporate Relations, Metrostroy of the Northern Capital JSC,
St. Petersburg, Russia; Postgraduate, Saint-Petersburg University
of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia;
o.v.e.blues@gmail.com

N. P. Mayurov, Dr. Sci. (Law), Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
St. Petersburg, Russia;
mayurov2010@mail.ru

In this article, the authors consider the issues of budget regulation in the procurement of certain types of legal entities. In order to increase efficiency and improve control over the expenditure of budget funds at different levels, through a comparative legal analysis of budget legislation in conjunction with procurement legislation and the law on the contract system, the authors propose to amend the current rules governing the activities of procurement customers related to the use of public financing. In addition, the authors analyze foreign procurement legislation, in particular, the procurement systems of the EAEU countries, the France, as well as the procurement legislation of the USA.

Keywords: procurement legislation; budget; budget control; budget execution; freedom of contract; efficient spending of budget funds; budget law.

© В. Э. Обухович, Н. П. Маюров, 2025

Статья поступила в редакцию 25.12.2024

При цитировании использовать:

Обухович В. Э., Маюров Н. П. К вопросу о бюджетном регулировании закупок отдельными видами юридических лиц // *Право: история и современность*. 2025. Т. 9, № 1. С. 41 – 49. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.041-049

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Алексей Яковлевич Петров, д-р юрид. наук, профессор,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
alexey.petrov@yandex.ru

Актуальность исследования основывается на трансформациях международного права и международных отношений. Цель работы – анализ нормативного правового материала, связанного с защитой трудовых прав, на основе текста Конституции РФ (нормы ст.ст. 15, 17 – 18, 46), решений Конституционного Суда РФ и международного права. Материал представляет собой актуализацию ряда опубликованных авторских работ по исследованию механизмов защиты и регулирования труда в России. Результат исследования – анализ особенностей судебной защиты трудовых прав человека в контексте реализации конституционных положений и международных обязательств РФ.

Ключевые слова: международное право; международное регулирование труда; защита трудовых прав; позиция Конституционного Суда РФ; конституционное регулирование труда.

Введение

Часть 1 статьи 17 Конституции РФ провозглашает, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Согласно части 3 статьи 46 Конституции РФ каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Закрепленное Конституцией РФ право каждого на защиту в межгосударственных органах обусловлено, прежде всего, добровольным участием Российской Федерации в соответствующих международных договорах. Право на индивидуальное обращение может быть предусмотрено отдельным Факультативным (дополнительным) протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах. Для того чтобы подать жалобу и чтобы она была признана приемлемой, необходимо выполнение определенных условий [1]:

- исчерпание всех имеющихся внутренних средств правовой защиты;
- жаловаться можно только на нарушения тех прав, которые предусмотрены в Международном пакте о гражданских и политических правах. Заявители должны ссылаться на конкретные нарушения пакта.

Исходя из этого, а также из норм ч. 4 ст. 15, ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека, согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации, являются непосредственно действующими в пределах

юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Основная часть

Глобализация прав человека привела к созданию международных институтов по защите прав человека на универсальном и региональном уровнях. Согласно ст. 55 Устава ООН, государства берут на себя обязательства содействовать «всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии». Этот принцип был конкретизирован во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах, а также Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и других международно-правовых актах.

На основе Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (далее – Декларация) сложилась система международной защиты прав человека. Каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, поощрять и стремиться защищать и осуществлять права человека и основные свободы на национальном и международном уровнях. Каждое государство несет основную ответственность и обязанность защищать, поощрять и осуществлять все права человека и основные свободы. Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом. При осуществлении прав человека и основных свобод каждый человек, индивидуально и совместно с другими, имеет право на пользование эффективными средствами правовой защиты и на защиту в случае нарушения этих прав.

Государство принимает все необходимые меры в целях обеспечения защиты, с помощью компетентных органов, любого человека, выступающего индивидуально и совместно с другими, от любого насилия, угроз, возмездия, негативной дискриминации де-факто или де-юре, давления или любого иного произвольного действия в связи с законным осуществлением его или ее прав, упомянутых в Декларации (ст.ст. 1 – 2, 8 – 9, 12). В частности, Декларация к таковым относит: право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы (ст. 23).

Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г., государства-участники обязуются обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования всеми гражданскими и политическими правами, предусмотренными в пакте [2, 7, 8], в том числе запрет привлечения к принудительному и обязательному труду; право на свободу ассоциаций, включая право создавать профсоюзы и вступать в них для защиты своих интересов; право на равную защиту закона (п. 1 ст. 14)¹.

¹ Спорный тезис о том, что международные нормы о защите трудовых прав работников на международном уровне отсутствуют. В связи с этим такие нормы необходимо включить в Конвенцию МОТ о трудовых договорах. См.: Шестерякова И. В. Международные трудовые нормы и трудовое право России: их соотношение и коллизии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 30.

Так, право принимать индивидуальные жалобы предоставлено Комитету по правам человека, согласно ст. 1 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, государство-участник пакта, которое становится участником протокола признает компетенцию комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в пакте [4, 5].

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. закреплено, что государства должны взять на себя обязательства по созданию условий, которые способствовали бы реализации этих прав (включая трудовые права) (например, п.п. 1 и 2 ст. 6 пакта), обязанности государства (п. 3 ст. 10; п. 2 ст. 11; п. 2 ст. 12; п.п. 2, 3 и 4 ст. 13) по реальному осуществлению этих прав.

В пункте «а» части 1 статьи 8 данного пакта предусмотрено право каждого человека создавать для осуществления и защиты своих экономических и социальных интересов профессиональные союзы и вступать в таковые по своему выбору при единственном условии соблюдения правил соответствующей организации. Пользование указанным правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусматриваются законом.

Значимым является и тот факт, чтобы была предоставлена возможность защиты прав процессуальными средствами (ст.ст. 16 – 25), чтобы права не оставались только на уровне продекларированных. Фундаментальность этих прав проявляется и в том, что их обязаны защищать и обеспечивать все государства, на них возлагается обязательство обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в пакте прав. Кроме того, подчеркивается важность обеспечения эффективности поощрения и защиты прав профессиональных союзов².

*Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы*³ определяет необходимость в соблюдении целей и принципов Устава ООН для поощрения и защиты всех прав человека и основных свобод всех лиц во всех странах мира.

Каждый человек имеет право индивидуально и совместно с другими поощрять и стремиться защищать и осуществлять права человека и основные свободы на национальном и международном уровнях.

Каждое государство несет основную ответственность и обязанность защищать, поощрять и осуществлять все права человека и основные свободы (ст. 1 – 2).

² Международные акты по-разному определяют цель объединения в профсоюзы. К примеру, в ряде международных актов подчеркивается единственная цель – защита интересов работников (Международный пакт о гражданских и политических правах. Европейская социальная хартия), в других – защита и осуществление прав работников (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах) или защита и обеспечение интересов работников (Конвенция МОТ № 87).

³ Принята резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1998 г. URL: <https://base.garant.ru/2565418/> (дата обращения: 25.01.2025).

Согласно ст. 9 Декларации при осуществлении прав человека и основных свобод, включая поощрение и защиту прав человека, каждый человек, индивидуально и совместно с другими, имеет право на пользование эффективными средствами правовой защиты и на защиту в случае нарушения этих прав. С этой целью каждый человек, чьи права или свободы предположительно нарушены, имеет право лично или через посредство законно уполномоченного представителя направить жалобу в независимый, беспристрастный и компетентный судебный или иной орган, созданный на основании закона, рассчитывать на ее безотлагательное рассмотрение этим органом в ходе публичного разбирательства и в случае нарушения прав или свобод этого лица, а также право на принудительное исполнение этого решения или постановления без неоправданной задержки [3].

В соответствии со ст. 12 Декларации государство принимает все необходимые меры в целях обеспечения защиты, с помощью компетентных органов, любого человека, выступающего индивидуально и совместно с другими...

Каждый человек, индивидуально и совместно с другими, имеет право на эффективную защиту национального законодательства.

Всемирная конференция по правам человека подтверждает священный долг всех государств выполнять свои обязательства по поощрению всеобщего уважения, соблюдения и защиты всех прав человека и основных свобод для всех в соответствии с Уставом ООН, другими договорами, касающимися прав человека, и нормами международного права.

Следует обеспечивать эффективную правовую защиту в случае нарушения прав человека в соответствии с нормами в области прав человека и нормами международного права,

Поощрение и защиту всех прав человека и основных свобод необходимо рассматривать в качестве первоочередной задачи ООН в соответствии с ее целями и принципами.

Все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием.

Государства несут обязанность поощрять и защищать все права человека и основные свободы.

Процессы поощрения и защиты прав человека должны осуществляться в соответствии с целями и принципами Устава ООН и международного права⁴.

Необходимо искоренить все нарушения прав человека и вызывающие их причины, а также устранить препятствия на пути осуществления этих прав.

⁴ Вопросы содействия реализации и защите прав человека в той или иной мере составляют цель деятельности большинства органов ООН (Генеральная Ассамблея ООН и Экономический и социальный совет (ЭКОСОС)). Кроме того, функционируют договорные контрольные органы: Комитет по ликвидации расовой дискриминации; Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по правам человека, Комитет по правам ребенка, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Россия является участником шести из семи универсальных международных договоров по правам человека.

Каждому государству следует создать эффективную систему средств правовой защиты для рассмотрения жалоб в связи с нарушениями прав человека и устранения таких нарушений⁵.

Согласно ст. 24 *Устава Международной организации труда* (далее – МОТ), такие ее субъекты, как организации трудящихся и предпринимателей могут обратиться с жалобой на государство-нарушителя конвенций МОТ. Их жалоба должна быть обоснована, содержать сведения о том, что государство не выполняет конвенционные нормы и доказательства этого. В Международной организации труда создан эффективный административный механизм, с помощью которого происходит защита прав [15].

Декларация относительно целей и задач Международной организации труда провозглашает необходимую защиту жизни и здоровья рабочих на всех работах⁶.

Конвенция МОТ № 98 о применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров закрепляет, что трудящиеся пользуются надлежащей защитой против любых дискриминационных действий, направленных на ущемление свободы объединения в области труда. Такая защита применяется в особенности в отношении действий, целью которых является:

а) подчинить прием трудящегося на работу или сохранение им работы условию, чтобы он не вступал в профсоюз или вышел из профсоюза;

б) увольнять или любым другим способом наносить ущерб трудящемуся на том основании, что он является членом профсоюза или принимает участие в профсоюзной деятельности в нерабочее время или, с согласия предпринимателя, в рабочее время.

Организации трудящихся и предпринимателей пользуются надлежащей защитой против любых актов вмешательства со стороны друг друга или со стороны их агентов или членов в создание и деятельность организации и управление ими (ст. 1 – 2)⁷.

Конвенция МОТ № 135 о защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях (1971 г.) предусматривает, что представители работников на предприятии пользуются эффективной защитой от любого действия, которое может нанести им ущерб, включая увольнение, основанное на их статусе или на их деятельности в качестве представителей работников, или на их членстве в профсоюзе, или на их участии в профсоюзной деятельности (ст. 1).

Национальное законодательство, коллективные договоры, арбитражные или судебные решения могут определять категорию или категории представителей работников, за которыми признается право на защиту и возможности, предусмотренные в Конвенции (ст. 4)⁸.

⁵ Основным результатом Всемирной конференции по правам человека стала Венская декларация и Программа действий, которая была принята на основе консенсуса 171 государства, 25 июня 1993 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 25.01.2025).

⁶ Устав Международной организации труда. URL: <https://base.garant.ru/2540318/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁷ International Labour Organization. URL: <https://www.ilo.org/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁸ Там же.

Конвенция МОТ № 135 закрепляет (с учетом Конвенции МОТ № 98) защиту работников от любых дискриминационных действий, направленных на ущемление свободы объединения в сфере труда.

Конвенция МОТ № 173 о защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя устанавливает право на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов (ст. 11).

Каждый, чьи права и свободы, признанные в Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе (ст. 13)⁹.

В соответствии с Рекомендацией МОТ № 180 о защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя (1992 г.) защитой посредством привилегии должны охватываться следующие требования:

- а) по заработной плате;
- б) выплатам за оплачиваемые отпуска;
- в) выплатам, причитающимся в отношении других видов оплачиваемого отсутствия на работе, по премиям в конце года и другим премиям¹⁰.

Рекомендация МОТ № 198 о трудовом правоотношении (2006 г.) устанавливает правовую презумпцию существования индивидуального трудового правоотношения в том случае, когда определено наличие одного или нескольких соответствующих признаков, считая, что национальным законодательством, нормативными правовыми актами и коллективными договорами обеспечивается защита, которая связана с существованием трудового правоотношения между работодателем и наемным работником.

Рекомендация МОТ № 198 предусматривает:

- гарантирование норм, с тем чтобы наемным работникам обеспечивалась защита, на которую они имеют право;
- обеспечение того, чтобы нормы, применяемые ко всем формам контрактных договоренностей, предполагали установление лица, ответственного за обеспечение той защиты, которая предусмотрена в них.

Кроме того, в рамках национальной политики государства-члены должны уделять особое внимание обеспечению эффективной защиты работников, особенно тех из них, которые страдают по причине отсутствия определенности в отношении существования индивидуального трудового правоотношения, включая трудящихся женщин, а также такие наиболее уязвимые категории работников, как молодые работники, пожилые работники, работники неформальной экономики, трудящиеся-мигранты и трудящиеся-инвалиды [13, 14].

При этом необходимо учитывать, что возможности работника по представлению доказательств ограничены. И единственное, что работник может иметь возможность доказать – сам факт выполнения той или иной работы [12].

⁹ International Labour Organization. URL: <https://www.ilo.org/> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁰ Там же.

В Рекомендации МОТ № 198 отмечается, что существование трудового правоотношения должно определяться на основе фактов, подтверждающих выполнение работы и выплату вознаграждения работнику, не взирая на то, каким образом это трудовое правоотношение характеризуется в любом другом соглашении. Полагаем, трудовые отношения между гражданином и организацией или индивидуальным предпринимателем должны предполагаться, пока не доказано иное, во всех случаях, когда доказан факт личного выполнения этим гражданином работы в интересах организации или индивидуального предпринимателя в течение определенного времени¹¹.

Защита работников является стержнем мандата Международной организации труда и соответствует принципам, заложенным в *Декларации МОТ 1998 года об основополагающих принципах и правах в сфере труда*, а также в Программе достойного труда, отмечая, что возникают ситуации, когда договорные взаимоотношения могут приводить к лишению работников защиты, на которую они имеют право [9, 11].

Государства-члены МОТ вправе рассчитывать на международное консультативное содействие в целях обеспечения защиты работников посредством национальных законодательства и практики, и что такое консультативное содействие со временем не должно утрачивать своей актуальности; признавая далее, что такая защита должна быть доступной для всех, особенно для уязвимых категорий работников, и опираться на законодательство, имеющее эффективный, действенный и всеобъемлющий характер, предусматривающее безотлагательные действия и поощряющее добровольное его соблюдение; считая, что процесс глобализации экономики повышает мобильность работников, нуждающихся в защите, по крайней мере, против попыток обойти требования национального законодательства в отношении защиты с помощью выбора норм законодательства другой страны [6].

Государства-члены МОТ должны разрабатывать и применять национальную политику, направленную на то, чтобы гарантировать эффективную защиту работников, выполняющих свою работу в условиях индивидуального трудового правоотношения.

Характер и масштабы защиты, обеспечиваемой работникам в рамках индивидуального трудового правоотношения, должны определяться национальными законодательством или практикой либо тем и другим, принимая во внимание соответствующие международные трудовые нормы.

Национальное законодательство или практика должны носить четкий и адекватный характер для обеспечения эффективной защиты работников в рамках трудового правоотношения.

Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» предусмотрено, что международным договорам принадлежит первостепенная роль в сфере защиты прав человека и основных свобод. В связи с этим необходимо дальнейшее со-

¹¹ International Labour Organization. URL: <https://www.ilo.org/> (дата обращения: 25.01.2025).

вершенствование судебной деятельности, связанной с реализацией положений международного права на внутригосударственном уровне [14, с. 6]¹².

Защита системы прав и свобод, в том числе судами, гарантирована как *универсальными, так и региональными международными правовыми нормами*¹³. Российская Федерация признает выработанную как на универсальном, так и региональном уровне систему международного контроля над состоянием соблюдения государствами взятых на себя, в соответствии с тем или иным договором в сфере защиты прав человека, обязательств. Как правило, эту функцию выполняют конвенционные органы (комитеты, комиссии, суды), которые создаются по воле государств и действуют на основе включенных в договор процессуальных норм. В компетенцию отдельных конвенционных органов по соглашению с государствами входит рассмотрение индивидуальных жалоб по поводу нарушения закрепленных в международных договорах норм.

На международном региональном уровне наиболее важным актом является *Устав Содружества Независимых Государств (СНГ)*¹⁴, который в качестве одной из основных своих целей определяет обеспечение прав и основных свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона.

В развитие Устава Конвенция Содружества Независимых Государств «О правах и основных свободах человека» от 24 сентября 1993 г.¹⁵ закрепляет нормы о том, что:

- каждому человеку следует обеспечить права и свободы;
- каждый человек имеет право создавать профсоюзы и вступать в таковые для *защиты своих интересов*. Пользование этими правами не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусматриваются законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц;
- каждый человек имеет право на труд и на защиту от безработицы, а также на равное вознаграждение за равнозначную работу;
- каждый несовершеннолетний имеет право на особые меры защиты;
- каждый человек, права и свободы которого нарушены, имеет право на эффективное восстановление в правах и свободах в соответствии с национальным законодательством;

¹² Совершенствование российского законодательства по защите прав и свобод человека является его корреляция с международно-правовыми стандартами в данной сфере.

¹³ О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федер. закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280017> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁴ Устав Содружества Независимых Государств. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=203003567&collection=1 (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁵ Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) (с изм. от 14.10.2022) (вместе с Положением о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств, утв. 24.09.1993). Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 11 августа 1998 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6966/ (дата обращения: 25.01.2025).

– все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона (ст.ст. 1, 12.14, 17, 19, 20).

*Хартия социальных прав и гарантий граждан Содружества Независимых Государств*¹⁶ содержит следующие нормы:

– каждый человек имеет право судебного обжалования незаконных действий должностных лиц, государственных органов и общественных организаций;

– в случае банкротства или ликвидации предприятия трудящиеся сохраняют статус кредиторов. Защита исков трудящихся обеспечивается с помощью привилегий и сверхпривилегий;

– принадлежность или непринадлежность к профсоюзам не влечет за собой какого-либо ограничения трудовых, социально-экономических, политических, личных прав и свобод трудящихся (ст.ст. 24, 46).

Международные региональные нормы также признают за человеком право на *самозащиту*.

Подобный подход к самозащите закреплен во Всеобщей исламской декларации прав человека: «Любой человек не только имеет право, но и обязан протестовать против несправедливости.

Любое лицо имеет право и долг защищать права любого другого лица или всей общины (хизба)»¹⁷.

При применении судами общей юрисдикции норм международного права необходимо учитывать разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», а также в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [10].

Заключение

Законодательство Российской Федерации может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека в сравнении с международными стандартами. В таких случаях судам необходимо применять нормы, содержащиеся в законодательстве Российской Федерации.

При этом в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе. Несоблюдение одного из этих критериев ограничения представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

В соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права в целях восстановления нарушенных прав и свобод чело-

¹⁶ Хартия социальных прав и гарантий граждан независимых государств (утв. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств 29 октября 1994 г.). URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1155307/> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁷ Международная защита трудовых прав. URL: https://studme.org/385729/pravo/mezhdunarodnaya_zaschita_trudovyh_prav (дата обращения: 25.01.2025).

века суду необходимо установить наличие факта нарушения этих прав и свобод, отразив указанное обстоятельство в судебном акте.

В данном контексте важно учитывать позицию Конституционного Суда РФ.

Как следует из Конституции РФ, ее статей 4 (ч. 1), 15 (ч. 1) и 79, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции РФ, недопустима имплементация в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания.

Это означает, что решение уполномоченного межгосударственного органа не может быть исполнено Российской Федерацией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера, если толкование нормы международного договора, на котором основано это решение, нарушает соответствующие положения Конституции РФ (по смыслу ст.ст. 4 (ч. 2), 15 (ч. 1 и 4), 16 (ч. 2) и 79)¹⁸.

Список литературы

1. **Анишина В. И.** Применение российскими судами международных трудовых норм: учеб.-метод. пособие. М.: Права человека, 2003. 86 с.
2. **Гликман О. В.** Защита прав человека в сфере труда в деятельности МОТ на современном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2004. 26 с.
3. **Применение** судами Российской Федерации норм международного трудового права // Международно-трудовые стандарты и российское трудовое право: перспективы координации: коллект. монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 255 с.
4. **Гусов К. Н., Лютов Н. Л.** Международное трудовое право: учебник. М.: Проспект, 2014. 588 с.
5. **Даниленко Г. М.** Международная защита прав человека. Вводный курс: учеб. пособие. М.: Юрист, 2000. 255 с.
6. **Зимненко Б.** Международное право в судебной практике России: гражданское и административное судопроизводство // Российская юстиция. 2003. № 10. URL: <https://base.garant.ru/4083404/> (дата обращения: 25.01.2025).
7. **Иванов С. А.** Обеспечение реализации международных стандартов труда // Социальное и пенсионное право. 2008. № 2.
8. **Казакова М. В.** Применение судами принципов и норм трудового права, содержащихся в международных договорах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. М., 2019. 29 с.
9. **Лужников А. М.** Международная защита трудовых прав: история, теория и перспективы развития: сб. науч. тр. ЯрГУ им. П. Г. Демидова / под ред. В. В. Бутнева. Ярославль, 2005. Вып. 6. 88 с.
10. **Марочкин С. Ю.** Применение судами России норм международного права: Десять лет после принятия Конституции РФ // Российский ежегодник международного права. СПб., 2003. С. 61 – 72.
11. **Пилипенко Н. С.** Защита трудовых прав работника международно-правовыми нормами // Социальное и пенсионное право. 2009. № 2. С. 41 – 44.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (дата обращения: 25.01.2025).

12. **Самович Ю. В.** Право человека на международную судебную защиту: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10. Кемерово, 2007. 51 с.
13. **Толстых В. Л.** Решения международных судов и правовая система Российской Федерации // Российское правосудие. 2008. № 3(23). С. 40 – 48.
14. **Хайрова Г. С.** Право на эффективные средства правовой защиты: соотношение международно-правовой и внутригосударственной регламентации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. Казань, 2004. 28 с.
15. **Шумилов О. В.** Международно-правовая защита трудовых прав (на универсальном и региональном уровнях) // Внешнеторговое право. 2006. № 2. С. 20 – 23.

References

1. **Anishina V.I.** *Primeneniye rossiyskimi sudami mezhdunarodnykh trudovykh norm: ucheb.-metod. posobiye* [Application of international labor standards by Russian courts: textbook-method manual], Moscow: Prava cheloveka, 2003, 86 p. (In Russ.)
2. **Glikman O.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, Moscow, 2004, 26 p. (In Russ.)
3. **Golovina S.Yu., Lyutov N.L. (Eds.)** *Mezhdunarodno-trudovyye standarty i rossiyskoye trudovoye pravo: perspektivy koordinatsii: kollekt. monografiya* [International labor standards and Russian labor law: prospects for coordination: collective monograph], Moscow: Norma: INFRA-M, 2016, 255 p. (In Russ.)
4. **Gusov K.N., Lyutov N.L.** *Mezhdunarodnoye trudovoye pravo: uchebnik* [International labor law: textbook], Moscow: Prospekt, 2014, 588 p. (In Russ.)
5. **Danilenko G.M.** *Mezhdunarodnaya zashchita prav cheloveka. Vvodnyy kurs: ucheb. posobiye* [International Protection of Human Rights. Introductory Course: Textbook], Moscow: Yurist', 2000, 255 p. (In Russ.)
6. **Zimnenko B.** [International Law in Russian Judicial Practice: Civil and Administrative Proceedings], *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2003, no. 10, available at: <https://base.garant.ru/4083404/> (accessed 25 January 2025). (In Russ., abstract in Eng.)
7. **Ivanov S.A.** [Ensuring the Implementation of International Labor Standards], *Sotsial'noye i pensionnoye pravo* [Social and Pension Law], 2008, no. 2. (In Russ., abstract in Eng.)
8. **Kazakova M.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, Moscow, 2019, 29 p. (In Russ.)
9. **Luzhnikov A.M.; Butnev V.V. (Ed.)** *Mezhdunarodnaya zashchita trudovykh prav: istoriya, teoriya i perspektivy razvitiya: sb. nauch. tr. Yar.GU im. P. G. Demidova* [International protection of labor rights: history, theory and development prospects: Coll. of scientific works of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov], Yaroslavl', 2005, Is. 6, 88 p. (In Russ.)
10. **Marochkin S.Yu.** [Application of international law norms by Russian courts: Ten years after the adoption of the Constitution of the Russian Federation], *Rossiyskiy yezhegodnik mezhdunarodnogo prava* [Russian Yearbook of International Law], St. Petersburg, 2003, pp. 61-72. (In Russ.)
11. **Pilipenko N.S.** [Protection of labor rights of employees by international legal norms], *Sotsial'noye i pensionnoye pravo* [Social and pension law], 2009, no. 2, pp. 41-44. (In Russ., abstract in Eng.)
12. **Samovich Yu.V.** *Extended abstract of Doctor's of Legal thesis*, Kemerovo, 2007, 51 p. (In Russ.)
13. **Tolstykh V.L.** [Decisions of international courts and the legal system of the Russian Federation], *Rossiyskoye pravosudiye* [Russian Justice], 2008, no. 3(23), pp. 40-48. (In Russ., abstract in Eng.)

14. **Khayrova G.S.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, Kazan', 2004, 28 p. (In Russ.)

15. **Shumilov O.V.** [International legal protection of labor rights (at the universal and regional levels)], *Vneshnetorgovoye pravo* [Foreign Trade Law], 2006, no. 2, pp. 20-23. (In Russ., abstract in Eng.)

Judicial Protection of Labor Rights: Constitutional and Legal Basis and International Regulation

A. Ya. Petrov, *Dr. Sci. (Law), Professor,*
Higher School of Economics, Moscow, Russia;
alexey.petrov@yandex.ru

The relevance of the study is based on the transformations of international law and international relations. The study aims to analyze the normative legal material related to the protection of labor rights, based on the text of the Constitution of the Russian Federation (Articles 15, 17 - 18, 46), decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and international law. The paper is an update of a number of published author's studies on the study of mechanisms for the protection and regulation of labor in Russia. The result of the study is an analysis of the features of judicial protection of human labor rights in the context of the implementation of constitutional provisions and international obligations of the Russian Federation.

Keywords: international law; international labor regulation; protection of labor rights; position of the Constitutional Court of the Russian Federation; constitutional regulation of labor.

© А. Я. Петров, 2025

Статья поступила в редакцию 20.12.2024

При цитировании использовать:

Петров А. Я. Судебная защита трудовых прав: конституционно-правовые основания и международное регулирование // *Право: история и современность*. 2025. Т. 9, № 1. С. 50 – 61. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.050-061

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛУЖБ ФСИН РОССИИ

Александр Геннадьевич Упоров, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра государственно-правовых дисциплин,
ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России», Новокузнецк, Россия;
uporov65@mail.ru

Статья содержит авторские размышления об организации деятельности кинологической службы уголовно-исполнительной системы. Автор констатирует, что кинологические службы Федеральной службы исполнения наказаний играют важную роль в обеспечении безопасности в исправительных учреждениях России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения их эффективности через оптимизацию нормативно-правового регулирования. Приведен анализ основных нормативных актов, регулирующих деятельность кинологических служб, а также проблем, связанных с нехваткой финансирования и квалифицированного персонала. Выводы подчеркивают важность совершенствования правового регулирования и обеспечения служб современным оборудованием для повышения уровня безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: Федеральная служба исполнения наказаний; исправительные учреждения; нормативно-правовое регулирование; безопасность; кинологические службы; служебные собаки.

Введение

Кинологические службы Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) играют важную роль в обеспечении безопасности и правопорядка в исправительных учреждениях России. Основной задачей этих служб является предотвращение преступлений с использованием специальных средств, в частности служебных собак [1, с. 462]. Эффективная деятельность кинологических подразделений требует не только высокой профессиональной подготовки персонала, но и наличия четкой правовой базы, которая регулирует их деятельность.

Обсуждение

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим деятельность ФСИН, является Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, который устанавливает общие нормы, касающиеся функционирования исправительных учреждений. Однако деятельность кинологических служб ФСИН регулируется специальными нормативными актами. Одним из ключевых является приказ Минюста РФ № 1210 от 29 декабря 2017 года «Об утверждении Порядка обращения со служебными животными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской

Федерации»¹, который определяет требования к содержанию, уходу, племенному разведению служебных собак, а также к их использованию для выполнения служебных задач [2, с. 186]. Приказ регулирует как вопросы сертификации, так и проверки пригодности служебных животных и кинологов.

Данный приказ определяет порядок применения служебных собак, их содержание, комплектование, перемещение и выбраковку. В приказе подробно описаны требования к размещению собак, условия их кормления, ухода, а также процесс подготовки и дрессировки для выполнения служебных задач.

Кинологические службы ФСИН выполняют широкий спектр задач, направленных на обеспечение правопорядка в исправительных учреждениях. Одна из основных задач – поиск и обнаружение запрещенных предметов и веществ, таких как наркотики, оружие, взрывчатые вещества. Служебные собаки активно применяются для контроля поступающих на территорию учреждений посылок, передач, а также для регулярных обысков камер и других помещений.

Кинологические подразделения также выполняют охранные функции, участвуя в патрулировании территории исправительных учреждений и обеспечивая безопасность на режимных объектах. В задачи кинологов входит предотвращение побегов заключенных и обеспечение правопорядка в местах лишения свободы. Собака, обученная обнаружению следов человека, способна оперативно среагировать на попытки побега или несанкционированное проникновение на территорию учреждения.

Задачи кинологических служб включают обеспечение правопорядка и безопасности при проведении массовых мероприятий, таких как этапирование осужденных или проведение обысков. Служебные собаки, подготовленные для охраны и задержания, оказывают содействие персоналу в контроле за поведением осужденных и предупреждении правонарушений. Все эти задачи регулируются положениями Федерального закона «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 21 июля 1993 г. № 5473-1² и ст. 86 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации³, которые предусматривают использование служебных собак как специальное средство для поддержания безопасности и предотвращения происшествий в исправительных учреждениях.

Приказ № 336 Федеральной службы исполнения наказаний от 29 апреля 2005 года⁴ касался утверждения Наставления по организации кинологи-

¹ Об утверждении Порядка обращения со служебными животными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Приказ ФСИН России от 31.12.2019 № 1210 (ред. от 15.07.2024) (Зарегистрировано в Минюсте России 28.01.2020 № 57290). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73373955/> (дата обращения: 02.10.2024).

² Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (ред. от 29.05.2024). URL: <https://base.garant.ru/1305321/> (дата обращения: 05.10.2024).

³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Российская газета. № 9. 16.01.1997.

⁴ Об утверждении Наставления по организации кинологической службы Федеральной службы исполнения наказаний: Приказ ФСИН России от 29.04.2005 № 336 (ред. от 13.05.2008). (Документ утратил силу в связи с изданием Приказа ФСИН России от 10.02.2020 № 75). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420315098> (дата обращения: 12.10.2024).

ческой службы ФСИН России. Основной целью документа было совершенствование кинологической службы, в том числе охрана объектов, конвоирование осужденных, а также участие служебных собак в оперативно-розыскных мероприятиях, таких как поиск и задержание сбежавших, обнаружение наркотических веществ, взрывных устройств и оружия [3, с. 49–50]. Приказ также устанавливал основные требования к подготовке, содержанию и использованию служебных собак.

Тем не менее этот приказ утратил силу в связи с изданием приказа от 10 февраля 2020 года № 75, который официально отменил действие приказа № 336. Проблема заключается в том, что в правовых системах, таких как «КонсультантПлюс», отсутствует полный текст приказа № 75, но информация об отмене приказа № 336 все же содержится.

Правовое обеспечение деятельности кинологических служб ФСИН охватывает несколько уровней нормативного регулирования. Основой является Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, который предоставляет общие правовые рамки для деятельности всех подразделений ФСИН, включая кинологические.

Важным элементом регулирования также являются требования к условиям содержания служебных собак. Эти условия включают обеспечение полноценного питания, регулярное ветеринарное обслуживание и поддержание здоровья собак на должном уровне. Приказы ФСИН России, такие как приказ № 850 «Об утверждении порядка обеспечения кормами (продуктами) и подстилочными материалами штатных животных учреждений и органов уголовно-исполнительной системы РФ»⁵, закрепляют нормы, касающиеся питания служебных собак, их содержания в питомниках и специальных условий для работы.

Дополнительное регулирование обеспечивается стандартами подготовки и сертификации кинологов и служебных собак, которые установлены как на федеральном, так и на уровне конкретных регионов. Эти стандарты включают требования к условиям содержания собак, их обучению и регулярным проверкам на пригодность к выполнению служебных задач.

Также стоит упомянуть приказ Минюста РФ от 4 июля 2018 года № 570⁶, который регулирует порядок обеспечения учреждений ФСИН техникой, инвентарем и оборудованием, включая инвентарь для служебных животных. Он касается снабжения кинологических служб всем необходимым для их работы.

Организационно-штатная структура кинологических подразделений в учреждениях ФСИН подчинена общим правилам и нормам, регулирующим деятельность ведомственных подразделений. В зависимости от размеров и задач конкретного исправительного учреждения, численность ки-

⁵ Об утверждении Порядка обеспечения кормами (продуктами) и подстилочными материалами штатных животных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Приказ ФСИН РФ от 26.09.2019 № 850 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 28.10.2019 № 56328). URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/44408> (дата обращения: 20.10.2024).

⁶ Об утверждении норм и порядка обеспечения учреждений уголовно-исполнительной системы техникой, продукцией общехозяйственного назначения и имуществом продовольственной службы: Приказ ФСИН РФ 04.07.2018 № 570 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 26.07.2018 № 51700). URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/40134> (дата обращения: 27.09.2024).

нологов и служебных собак может варьироваться. Как правило, в крупных исправительных учреждениях действуют отдельные кинологические группы, которые подчиняются руководству охранного подразделения или начальнику службы безопасности.

Кинологи проходят специальное обучение, которое включает как теоретические курсы по основам уголовного и уголовно-исполнительного права, так и практические занятия по дрессировке и работе с собаками [4, с. 38]. Собака, поступившая на службу, должна пройти сертификацию и проверку на соответствие требованиям, предъявляемым к служебным животным. В ходе службы кинологи также проходят регулярные переаттестации и курсы повышения квалификации.

Исследователи в области пенитенциарной системы и правоприменительной практики положительно оценивают деятельность кинологических служб как важный элемент обеспечения правопорядка в исправительных учреждениях. В особенности, А. В. Русинович, И. А. Ягунов в своих работах отмечают высокую эффективность использования служебных собак при обнаружении наркотических средств и других запрещенных веществ [5, с. 480]. По их мнению, кинологические подразделения существенно повышают уровень безопасности как среди осужденных, так и сотрудников исправительных учреждений.

Также ученые подчеркивают важность дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования деятельности кинологических служб. В частности, А. Н. Алексеев указывает на необходимость разработки более строгих стандартов содержания и использования служебных собак, а также совершенствования системы контроля за их подготовкой [6, с. 239]. Важным аспектом является обеспечение кинологических служб современным оборудованием и техникой для отслеживания передвижений и мониторинга территории исправительных учреждений.

Несмотря на очевидные достижения, кинологические службы ФСИН сталкиваются с рядом проблем, которые снижают их эффективность. Одной из основных проблем является недостаток финансирования и современного оборудования. В ряде исправительных учреждений кинологические службы испытывают нехватку технических средств, необходимых для контроля за территорией и поиска запрещенных веществ. Отсутствие достаточного числа электронных устройств, таких как тепловизоры и камеры слежения, затрудняет контроль за деятельностью осужденных, особенно в ночное время.

Кроме того, существует проблема нехватки квалифицированного персонала. Обучение кинологов требует времени и значительных ресурсов, а дефицит кадров затрудняет эффективное выполнение задач. Специалисты также отмечают, что условия содержания служебных собак в некоторых учреждениях далеки от оптимальных, что негативно сказывается на их рабочей способности и здоровье [7, с. 173].

Еще одной проблемой является несовершенство правовой базы, касающейся взаимодействия кинологических служб с другими подразделениями ФСИН. Отсутствие четких процедур и инструкций приводит к несогласованности действий между различными службами, что может затруднять выполнение общих задач по обеспечению безопасности.

Заключение

Кинологические службы ФСИН играют важную роль в обеспечении безопасности и правопорядка в исправительных учреждениях. Их деятельность регулируется рядом нормативно-правовых актов, которые обеспечивают правовую основу для использования служебных собак в оперативной работе. Однако для повышения эффективности деятельности кинологических служб необходимо дальнейшее совершенствование нормативного регулирования, обеспечение современными техническими средствами и подготовка кадров. Развитие этих служб может существенно повысить уровень безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы и сделать их деятельность более эффективной.

Список литературы

1. **Бабкина Е. В., Морозов А. С.** Профилактика проникновения запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения: организационно-правовые аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16, № 4. С. 461 – 467.
2. **Упорова Е. Г.** Административный надзор за лицами, освобожденными от отбывания наказания: проблемы его реализации и эффективности // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции (Новокузнецк, 20–21 октября 2021 г.). Новокузнецк, 2021. С. 186 – 190.
3. **Морозов А. С.** Особенности взаимодействия отделов и служб исправительных учреждений и следственных изоляторов при осуществлении надзора // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2022. № 1(11). С. 42 – 54.
4. **Курбатова Г. В., Курбатов М. В.** Фундаментальные аспекты профессиональной подготовки специалистов-кинологов в современной уголовно-исполнительной системе // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 06 – 08 апреля 2022 г.). Т. 2. Пермь, 2022. С. 38 – 40.
5. **Русинович А. В., Ягунов И. А.** Административно-правовое обеспечение деятельности кинологических служб ФСИН России // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: сб. материалов XX Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21 апреля 2023 г.). М., 2023. С. 480 – 484.
6. **Алексеев А. Н.** Кинологическая служба ФСИН России, служебная деятельность и эффективность применения на современном этапе // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 06 – 08 апреля 2021 г.). Т. 2. Пермь, 2021. С. 239 – 241.
7. **Крутовский И. В.** Кинологическая служба: развитие и проблемы // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции (Новокузнецк, 20–21 октября 2021 г.). Новокузнецк, 2021. С. 173 – 176.

References

1. **Babkina Ye.V., Morozov A.S.** [Prevention of penetration of prohibited items into the territory of a correctional institution: organizational and legal aspects], *Ugolovno-ispolnitel'noye pravo* [Criminal-executive law], 2021, vol. 16, no. 4, pp. 461-467. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Uporova Ye.G.** *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeystviye nauki i praktiki: materialy XXI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The criminal-executive system today: interaction of science and practice: materials of the

XXI All-Russian scientific and practical conference], (Novokuznetsk, 20-21 October 2021), Novokuznetsk, 2021, pp. 186-190. (In Russ.)

3. **Morozov A.S.** [Features of the interaction of departments and services of correctional institutions and pre-trial detention facilities in the implementation of supervision], *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii* [Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia], 2022, no. 1(11), pp. 42-54. (In Russ., abstract in Eng.)

4. **Kurbatova G.V., Kurbatov M.V.** *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeystviya: sb. materialov IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The penitentiary system and society: interaction experience: collection of materials of the IX Int. scientific and practical. conf.], (Perm', 06-08 April 2022), vol. 2. Perm', 2022, pp. 38-40. (In Russ.)

5. **Rusinovich A.V., Yagunov I.A.** *Aktual'nyye problemy nauki i obrazovaniya v usloviyakh sovremennykh vyzovov: sb. materialov XX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Actual problems of science and education in the context of modern challenges: collection of materials of the XX Int. scientific and practical. conf.], (Moscow, 21 April 2023), Moscow, 2023, pp. 480-484. (In Russ.)

6. **Alekseyev A.N.** *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeystviya: sb. materialov VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The penitentiary system and society: interaction experience: collection of materials of the IX Int. scientific and practical. conf.] (Perm', 06-08 April 2021), vol. 2, Perm', 2021, pp. 239-241. (In Russ.)

7. **Krutovskiy I.V.** *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeystviye nauki i praktiki: materialy XXI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The criminal-executive system today: interaction of science and practice: materials of the XXI All-Russian scientific and practical conference] (Novokuznetsk, 20-21 October 2021), Novokuznetsk, 2021, pp. 173-176. (In Russ.)

Legal Support for the Activities of the Canine Services of the Federal Penitentiary Service of Russia

A. G. Uporov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of the Chair of State and Legal Disciplines,
Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia;
uporov65@mail.ru

The article discusses the organization of the activities of the canine service of the penal system. The author states that the canine services of the Federal Penitentiary Service play an important role in ensuring security in correctional institutions of Russia. The relevance of the study is due to the need to increase their effectiveness through the optimization of legal regulation. The article analyzes the main regulations governing the activities of canine services, as well as problems associated with a lack of funding and qualified personnel. The conclusions emphasize the importance of improving legal regulation and providing services with modern equipment to increase the level of security in penal institutions.

Keywords: Federal Penitentiary Service; correctional institutions; legal regulation; safety; canine services; service dogs.

© А. Г. Упоров, 2025

Статья поступила в редакцию 25.10.2024

При цитировании использовать:

Упоров А. Г. Правовое обеспечение деятельности кинологических служб ФСИН России // Право: история и современность. 2025. Т. 9, № 1. С. 62 – 67. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.062-067

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ

Халимат Алиевна Аккаева, канд. юрид. наук, доцент, полковник полиции, начальник кафедры специально-технической подготовки, Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал) ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Нальчик, Россия; akkaevah@mail.ru

Рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с преступлениями против общественной безопасности. Проведен детальный анализ террористического акта как деяния, представляющего наибольшую общественную опасность; исследованы его цели, последствия, а также разграничение со смежными составами преступлений. Особое внимание уделено новеллам уголовного законодательства, устанавливающим ответственность за распространение заведомо ложной информации. Проанализированы правовые основы противодействия экстремизму в России, включая нормы Конституции РФ и международных актов. Рассмотрены различные виды государственного контроля в сфере противодействия экстремизму, а также факторы, способствующие его возникновению и распространению. Исследованы понятие и признаки современного экстремизма, включая его транснациональный характер. Подчеркивается необходимость комплексного подхода к борьбе с экстремизмом и другими преступлениями против общественной безопасности, включая меры профилактики правонарушений. Приведен анализ проблемы незаконного оборота оружия как фактора, способствующего росту преступности. Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере обеспечения общественной безопасности.

Ключевые слова: общественная безопасность; террористический акт; экстремизм; заведомо ложное сообщение; уголовное законодательство; противодействие; профилактика; незаконный оборот оружия; квалификация; ответственность.

Введение

Преступления, посягающие на общественную безопасность, представляют собой одну из наиболее значимых угроз для любого современного государства [5]. Они не только нарушают нормальное функционирование общественных институтов, но и подрывают основы конституционного строя, создавая атмосферу страха и нестабильности. В условиях глобализации, роста экстремистских настроений и распространения деструктив-

ных идеологий, в том числе через сеть Интернет, проблема обеспечения общественной безопасности становится особенно острой и требует пристального внимания со стороны как законодателя, так и правоприменительных органов.

В данной статье предпринимается попытка комплексного анализа правовых и криминологических аспектов противодействия преступлениям против общественной безопасности в России. Особое внимание уделяется таким опасным деяниям, как террористический акт и экстремизм, рассматриваются их юридические признаки, цели и общественно опасные последствия. Автор подробно останавливается на вопросах квалификации данных преступлений, анализирует смежные составы, а также обращается к недавним изменениям в уголовном законодательстве. Кроме того, в работе исследуются правовые основы противодействия экстремизму, включая положения Конституции РФ и международных правовых актов. Значительное место отводится рассмотрению проблем профилактики правонарушений, незаконного оборота оружия и факторов, способствующих росту преступности в данной сфере. Все это позволяет глубже понять суть проблемы и наметить пути ее решения.

Обсуждение

Исследование преступлений, посягающих на основополагающие принципы общественной безопасности, сопряжено с необходимостью концентрации особого внимания на деянии, предусмотренном ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации [12], а именно на террористическом акте. По нашему мнению, данное преступление характеризуется максимально высокой степенью общественной опасности, что предопределяет важность его всестороннего изучения.

В соответствии с законодательной дефиницией, террористический акт представляет собой деяние, которое выражается в осуществлении действий, сопряженных с использованием взрыва, поджога либо иных методов, имеющих целью запугивание населения. Указанные действия создают реальную угрозу для жизни и здоровья граждан, влекут за собой причинение значительного материального ущерба, а также возможность наступления иных тяжких последствий. При этом целью, преследуемой при совершении террористического акта, выступает стремление оказать влияние на решения, принимаемые органами государственной власти или международными организациями.

Отличительной чертой, обуславливающей особую опасность террористического акта, является то, что преступное воздействие в результате его реализации распространяется на неопределенно широкий круг лиц. Нельзя не отметить, что в этот круг также входят и органы государственной власти, что подчеркивает масштабность последствий данного преступления и его посягательство на базовые принципы функционирования общества и государства.

В научной литературе подчеркивается, что следствием террористического акта является появление первичных и вторичных жертв. К первичным жертвам относятся граждане, непосредственно пострадавшие при со-

вершении террористического акта. Вторичными жертвами являются лица, узнавшие о происшествии из средств массовой информации и испытавшие вследствие этого сильное эмоциональное потрясение, панику и иные негативные переживания [13, с. 26]. Наряду с террористическим актом, законодатель устанавливает ряд смежных составов преступлений, угрожающих общественной безопасности. К ним, в частности, относятся: содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ); прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ); организация террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ); организация деятельности террористической организации и участие в ее деятельности (ст. 205.5 УК РФ); несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ).

Особую значимость приобретает разграничение террористического акта от заведомо ложного сообщения о готовящемся террористическом акте, ответственность за которое установлена ст. 207 УК РФ. Фундаментальным критерием дифференциации данных составов преступлений выступает тщательный анализ объективной стороны. В частности, заведомо ложное сообщение, в отличие от террористического акта, не предполагает последующего реального совершения общественно опасного деяния, а именно, собственно акта терроризма. Характер сообщаемых при этом сведений изначально, по своей природе, является ложным, не соответствующим действительности.

При совершении деяния, предусмотренного ст. 207 УК РФ, лицо преследует цель устрашения граждан, а также стремится оказать деструктивное влияние на деятельность органов государственной власти и иных органов, вовлекаемых в процесс проверки поступившего ложного сообщения. Эта цель достигается путем распространения заведомо ложной информации, создающей иллюзию угрозы.

В качестве иллюстрации можно привести следующую гипотетическую ситуацию: гражданин И., действуя умышленно, из хулиганских побуждений, сообщает о якобы заложенном в здании взрывном устройстве и его последующем неминуемом взрыве. При этом гражданин И. достоверно осведомлен о том, что данное сообщение не соответствует действительности, но, тем не менее, рассчитывает на то, что оно нарушит общественное спокойствие, спровоцирует панику и страх среди населения, повлечет за собой эвакуацию граждан из здания, а также отвлечение сил и средств правоохранительных органов и специальных служб для проверки ложной угрозы.

Таким образом, в данном примере гражданин И. в полной мере осознает, что его действия, связанные с распространением ложной информации, неизбежно приведут к наступлению общественно опасных последствий, выражающихся в дезорганизации работы учреждений, панике среди населения и необоснованном отвлечении ресурсов специальных служб [9].

С 01 апреля 2020 года структура преступлений, посягающих на общественную безопасность, претерпела существенные изменения. Законодателем был введен новый состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу безопасности

граждан (ст. 207.1 УК РФ) [12]. Введение данной статьи в уголовный закон было продиктовано настоятельной необходимостью в обеспечении эффективного противодействия распространению недостоверных сведений, касающихся, в частности, новой коронавирусной инфекции.

Следует особо отметить, что сфера действия данной нормы не ограничивается исключительно пресечением распространения ложной информации о коронавирусной инфекции. Она имеет более широкий охват и нацелена на противодействие распространению любых ложных сведений, которые потенциально способны вызвать панические настроения среди населения и, как следствие, оказать дестабилизирующее воздействие на состояние общественной безопасности.

В качестве примера, иллюстрирующего применение данной нормы, можно привести следующую ситуацию: гражданин П., находясь в своем жилище и имея доступ к открытому для неограниченного круга лиц новостному каналу в одном из мессенджеров, используя для этого информационно-коммуникационные сети, распространил сведения о последствиях распространения новой коронавирусной инфекции. При этом, опубликованные гражданином П. сведения являлись заведомо ложными и способствовали эскалации панических настроений среди населения, создавая тем самым реальные предпосылки для нарушения общественного порядка [7].

В рамках уголовного законодательства Российской Федерации, а именно в ст. 207.2 УК РФ, предусмотрена ответственность за распространение заведомо ложной информации, повлекшей тяжкие последствия. Данное деяние относится к особо квалифицированным составам преступлений. Наступление общественно опасных последствий материального характера является неперенным атрибутом для квалификации по указанной статье. Эти последствия выражаются в причинении вреда здоровью человека, его смерти или иных тяжких последствиях. Тяжесть последствий оценивается в каждом конкретном случае, с учетом всех обстоятельств совершенного преступления.

Следует отметить, что 25 марта 2022 года в уголовное законодательство Российской Федерации были внесены очередные изменения, призванные усилить ответственность за распространение ложной информации. В частности, статья 207.3 УК РФ была дополнена нормами, которые устанавливают уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ), а также об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий. Данное решение законодателя, несомненно, является своевременной и адекватной мерой реагирования на наблюдающийся в последнее время рост объема недостоверной информации, касающейся действий ВС РФ и органов государственной власти в период проведения специальной военной операции [12]. Таким образом, законодатель стремится защитить честь и достоинство военнослужащих, а также обеспечить стабильность и порядок в обществе.

При квалификации действий по ст.ст. 207.2 и 207.3 УК РФ необходимо уделить особое внимание такому признаку, как публичность. Под публичным распространением информации понимается ее адресация группе лиц или неопределенному кругу лиц, что делает информацию доступной

для восприятия широкой аудиторией. При этом форма распространения может быть любой, обеспечивающей доступность информации для восприятия.

Фундаментальные принципы, лежащие в основе правовых механизмов, направленных на борьбу с экстремизмом в Российской Федерации, закреплены в положениях Конституции Российской Федерации и коррелируют с нормами, содержащимися в международных правовых актах. Так, основополагающий принцип, согласно которому человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, зафиксирован в ст. 2 Конституции Российской Федерации [3]. Исходя из данной нормы, следует, что на государство возлагается обязанность по осуществлению всестороннего контроля за неукоснительным соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Следовательно, при осуществлении комплекса мер, направленных на противодействие экстремистским проявлениям, права человека должны соблюдаться в полном объеме, без каких-либо исключений или ограничений, не предусмотренных законом.

В свою очередь, под правовыми средствами противодействия экстремизму следует понимать совокупность нормативно-правовых установлений, которые регламентируют многообразные методы противодействия, используемые в обществе и государстве. Цель применения данных методов заключается в устранении и искоренении деструктивных, негативных общественных отношений, в нивелировании и минимизации негативных последствий, порождаемых экстремистской деятельностью. Кроме того, правовые средства противодействия экстремизму призваны служить эффективным инструментом предотвращения социальной фрагментации и обеспечения неукоснительного соблюдения требований, предъявляемых к обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Видовая классификация правовых средств противодействия экстремизму, исходя из их отраслевой принадлежности, предполагает выделение уголовно-правовых, административно-правовых и гражданско-правовых средств. В сфере противодействия экстремизму также существуют различные виды государственного контроля: законодательный, административный, финансово-экономический и криминологический. Экстремизм следует рассматривать как один из источников угроз национальной безопасности РФ. Деятельность подобного рода осуществляется националистическими, радикальными общественными, религиозными, этническими и иными объединениями, при этом в основе их деятельности лежит цель, сопряженная с нарушением территориальной целостности РФ и дестабилизацией внутривластной и социальной обстановки.

В России частью 5 статьи 13 Конституции РФ установлен запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности РФ, подрыв безопасности государства, а также создание вооруженных и иных формирований, способствующих разжиганию социальной, расовой или национальной розни [3]. Экстремизм признается серьезной угрозой национальной безопасности, в частности, ввиду многообразия его проявлений и гетерогенного состава экстремистских организаций. Экстремизм, независимо от формы его проявления, способен причинить вред общественному порядку и общественной безопасности,

привести к существенному ущемлению прав и законных интересов граждан, создавая угрозу территориальной целостности РФ и основам ее конституционного строя. Любые проявления экстремизма создают угрозу межнациональному согласию, что оказывает непосредственное влияние на политическую и социальную стабильность.

Определенное влияние на эскалацию экстремизма оказывают участвовавшие на территории иностранных государств случаи намеренного искажения исторических фактов, оправдания и ренессанса идей нацизма и фашизма. Нормативно-правовое определение экстремизма впервые было зафиксировано в положениях Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [14]. Согласно данной конвенции, под экстремизмом понимается какое-либо деяние, направленное на насильственный захват и насильственное удержание власти, а также действия, нацеленные на насильственное изменение конституционного строя государства. В качестве альтернативы экстремизму рассматриваются насильственные посягательства на общественную безопасность, проявляющиеся, в том числе, путем создания вооруженных формирований и участия в них. Россия ратифицировала положения вышеуказанной конвенции, положив ее нормы в основу создания и развития собственного нормативно-правового механизма противодействия экстремизму.

Основным признаком современного экстремизма следует считать его экспансию до транснационального масштаба. Наблюдается существенное укрепление материально-технической и информационной базы экстремизма, повышенный уровень подготовки членов экстремистских организаций. Еще одной характерной чертой экстремизма является абсолютное игнорирование нравственных принципов. В частности, экстремистские и террористические организации рассматривают террор как основную самоцель, при этом объектами посягательств становятся все более известные общественные и политические деятели [1, с. 64]. Мониторинг перечня физических и юридических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, осуществляется Росфинмониторингом. Им же производится включение в указанный перечень организаций или физических лиц, тем или иным способом содействующих или поддерживающих терроризм и экстремизм.

Необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что противодействие экстремизму, принимающему многообразные формы, в том числе и в молодежной среде, диктует необходимость применения специфических методов. Эти методы должны отличаться от тех, которые применяются в отношении традиционных форм данного явления, что обусловлено особенностями его современного проявления. Особого внимания заслуживает наличие фактов, свидетельствующих о дискриминации, основанной на различных признаках, будь то расовая, национальная, религиозная или иная принадлежность. Примечательно, что такая дискриминация может носить не единовременный, а разрозненный во времени характер, что затрудняет ее своевременное выявление и пресечение.

Помимо широкого распространения экстремистских материалов в сети Интернет, что само по себе является серьезным фактором, способствующим радикализации населения, существенное влияние на возникновение и эскалацию экстремистских настроений оказывает неблагоприятная

миграционная обстановка, наблюдаемая в некоторых населенных пунктах и субъектах Российской Федерации. Данный фактор, в свою очередь, приводит к дестабилизации социально-этнической ситуации, порождая напряженность и конфликты в сфере межэтнических отношений, что создает благоприятную почву для развития экстремистских идеологий и практик.

В данной связи представляется целесообразным говорить о формировании и развитии такого специфического феномена, как информационный экстремизм, который характеризуется использованием информационно-коммуникационных технологий для распространения экстремистских идей. В качестве иллюстрации, наглядно демонстрирующей проявления информационного экстремизма, можно привести следующий прецедент из судебной практики: гражданин Д. совершил действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение чести и достоинства группы лиц по национальному признаку. Орудием совершения данного правонарушения послужили социальные сети, где гражданин Д. разместил соответствующую информацию, обеспечив условия для ее обнародования, то есть для ознакомления с ней неограниченного круга лиц, что и составляет суть публичного распространения.

Рассматриваемая информация, размещенная гражданином Д., содержала текстовые фрагменты и графические изображения, в которых использовалась ненормативная лексика, адресованная представителям иной национальной группы, что свидетельствует о явном намерении оскорбить и унижить достоинство этих лиц. Содеянное гражданином Д. было квалифицировано в соответствии с положениями ст. 282 УК РФ, а именно как возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет [8]. Данное деяние представляет собой яркий пример современного проявления экстремизма, использующего цифровые технологии в качестве инструмента.

Необходимо отметить, что существенное негативное влияние на эскалацию экстремистских настроений продолжает оказывать деятельность различных гуманитарных, образовательных, культурных, национальных и религиозных организаций, иницилируемая иностранными государствами. Под прикрытием легальной и благотворительной деятельности эти структуры реализуют программы, конечной целью которых является вовлечение населения, и в первую очередь молодежи, в несанкционированные протестные акции, направленные на дестабилизацию общественно-политической обстановки в стране.

Ряд исследователей, занимающихся изучением феномена экстремизма, в качестве основных детерминант, способствующих его распространению, называют кризисные явления, наблюдаемые в современной экономической системе. К ним относятся, в частности, высокий уровень социального неравенства, безработица, инфляция и другие негативные экономические факторы. Кроме того, значимую роль играет криминализация массовой культуры, которая пропагандирует насилие, агрессию и нетерпимость. Нельзя не упомянуть и об ослаблении традиционных институтов воспитания, а также трансформацию семейных ценностей, которые ранее служили сдерживающим фактором для распространения экстремистских идей [10, с. 68].

В рамках современной юриспруденции под противодействием совершению преступных деяний понимается сложная система мероприятий, которая реализуется посредством консолидации усилий государственных структур, общественных организаций и прочих уполномоченных лиц, наделенных соответствующими властными полномочиями. Эти мероприятия направлены в первую очередь на нейтрализацию факторов, детерминирующих преступность, а также на достижение целей ресоциализации лиц, склонных к совершению правонарушений, и, как следствие, на недопущение эскалации преступной активности и возникновения новых прецедентов нарушения закона [11, с. 9]. В научной среде существует подход, при котором противодействие преступности рассматривается не как деятельность, осуществляемая изолированным субъектом, а как функция всего общества и государства в целом, представляющая собой комплекс взаимосвязанных действий. В таком ракурсе данный термин обретает системообразующее значение при исследовании отдельных направлений правоохранительной деятельности.

Актуальные условия диктуют необходимость смещения акцента в деятельности правоохранительных органов в сторону совершенствования и оптимизации механизмов противодействия преступлениям, представляющим угрозу для общественной безопасности. Нынешняя обстановка, характеризующаяся повышенным уровнем преступности и правонарушений, обуславливает потребность в глубоком анализе не только механизмов, направленных на пресечение противоправных деяний, но и, что не менее важно, средств, нацеленных на их заблаговременное предупреждение. Такое положение дел подразумевает необходимость разработки и внедрения комплексных превентивных мероприятий.

В современных условиях российской действительности на органы правопорядка возложена миссия по защите общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Реализация данной миссии осуществляется через создание оптимальных условий для осуществления гражданами своих прав и законных интересов. Это обязательство зафиксировано в качестве одной из первоочередных задач полиции, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что обеспечение безопасности личности рассматривается как одно из приоритетных направлений деятельности органов правопорядка, обуславливающее благополучное развитие государства.

Одним из способов осуществления мер профилактического воздействия является выявление признаков совершенных правонарушений и оперативное реагирование на них. Данные полномочия целесообразно интерпретировать как наблюдение, представляющее собой надзорную деятельность, нацеленную на обнаружение противоправных деяний, находящихся на стадии приготовления.

Реагирование на противоправные деяния надлежит понимать как инструмент, обеспечивающий реституцию социальной справедливости. Данный инструмент предполагает элиминацию негативных последствий, возникших в результате совершения противоправного деяния. Применение мер реагирования позволяет нивелировать последствия правонарушений, возвращая общественные отношения в состояние, предшествовавшее

моменту возникновения правонарушения. Реституцию следует интерпретировать как надзорный механизм, возлагающий на лицо, виновное в совершении противоправного деяния, обязанность устранить общественно опасные последствия, тем самым восстанавливая статус-кво в общественных отношениях.

Несмотря на значимость мер реагирования, первостепенное значение имеет превенция правонарушений, состоящая в возможности воспрепятствовать нарушению закона. Следует особо отметить, что на протяжении продолжительного временного отрезка в Российской Федерации отсутствовал единый нормативно-правовой акт, детерминирующий правовые основы превенции правонарушений и преступлений. Данное обстоятельство оказывало отрицательное влияние на эффективность деятельности органов правопорядка.

22 сентября 2016 года эта проблема была решена благодаря подготовке и вступлению в силу Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», который ввел легальное определение профилактики правонарушений и установил перечень субъектов, уполномоченных осуществлять данный вид деятельности. В соответствии со ст. 9 данного закона к субъектам профилактики правонарушений, в частности, относятся федеральные органы исполнительной власти, а именно сотрудники органов внутренних дел [6]. Согласно вышеупомянутому федеральному закону, профилактика правонарушений может осуществляться двумя способами – посредством проведения общей и индивидуальной профилактики.

В рамках криминологической науки представляется целесообразным разграничивать различные уровни превентивных мер, направленных на противодействие преступности. На общекриминологическом уровне речь идет о комплексе превентивных мероприятий, оказывающих влияние на все население в целом, либо на отдельные социальные группы, характеризующиеся повышенной виктимностью и склонностью к девиантному поведению. Реализация государственной политики в этой сфере должна быть ориентирована на формирование благоприятной социально-экономической среды, минимизирующей вероятность совершения противоправных деяний. Фундаментальной задачей данного уровня является идентификация и устранение факторов, детерминирующих возникновение и эскалацию преступности [2, с. 267]. Немаловажным аспектом деятельности правоохранительных органов в рамках общего предупреждения преступности является систематическое информирование населения не только о выявленных и раскрытых преступлениях, но и о мерах юридической ответственности, примененных к лицам, признанным виновными в их совершении. Распространение данной информации посредством средств массовой коммуникации, включая сеть Интернет, способствует формированию у граждан представления о неотвратимости наказания за содеянное. Кроме того, необходимо обеспечивать надлежащее информирование граждан о современных способах фальсификации денежных знаков в целях предотвращения случаев мошенничества и защиты их имущественных интересов.

Наряду с общесоциальными мерами, выделяется и специализированный уровень профилактики, подразумевающий адресное воздействие на

детерминанты противоправного поведения конкретного индивида. В качестве примера можно привести проведение индивидуально-профилактической работы с лицами, демонстрирующими антиобщественное поведение, а также пресечение распространения информационных материалов, провоцирующих экстремистскую деятельность и иные нарушения общественного порядка. Эти меры направлены на коррекцию поведенческих паттернов и предотвращение рецидива преступлений. Кроме того, в рамках системы предупреждения преступности особого внимания заслуживает так называемый технический, или ситуационный, подход, ориентированный на превенцию преступных посягательств, совершаемых неустановленными лицами. В данном аспекте эффективно применение, например, системы «Безопасный город», представляющей собой интегрированный комплекс программно-аппаратных средств, обеспечивающих видеонаблюдение за стратегически важными объектами социальной инфраструктуры [4, с. 142]. Подобные меры призваны существенно затруднить совершение преступлений и повысить уровень общественной безопасности.

Меры индивидуальной профилактики должны быть направлены на оказание воздействия не только на личность правонарушителя, но и на его социальное окружение. Комплекс мер индивидуальной профилактики включает в себя идентификацию лиц с потенциально неустойчивым поведением, анализ и устранение источников деструктивного влияния на них, а также оценку эффективности проведенных мероприятий и корректировку методов и способов профилактической работы. Особую актуальность такие меры приобретают в отношении лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности за совершение преступлений против общественной безопасности. Превентивная функция, реализуемая правоохранительными органами, представляет собой комплекс мероприятий, целью которых является упреждение преступных и иных противоправных посягательств, что способствует консолидации законности и правопорядка в социуме.

Необходимо акцентировать внимание на том, что все мероприятия, направленные на противодействие преступлениям, посягающим на общественную безопасность, должны реализовываться в комплексе, затрагивая как оптимизацию сферы превенции преступлений, так и совершенствование уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за совершение отдельных видов преступлений, угрожающих общественной безопасности.

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, можно с уверенностью заключить, что преступления против общественной безопасности представляют собой комплексную проблему, требующую системного и многоаспектного подхода. Террористический акт, как наиболее опасное из этих деяний, несет в себе не только непосредственную угрозу жизни и здоровью людей, но и подрывает основы государственного устройства, сеет панику и страх среди населения. Смежные с ним преступления, такие как содействие террористической деятельности и публичные призывы к терроризму, также представляют серьезную опасность, способствуя распространению идеологии насилия и вербовке новых сторонников.

Особую тревогу вызывает рост экстремизма, который, как показал анализ, является одним из главных источников угроз национальной безопасности России. Многообразие его проявлений, транснациональный характер, а также активное использование информационных технологий для пропаганды и координации действий требуют от государства принятия решительных и эффективных мер. Не менее важным является и противодействие заведомо ложным сообщениям об актах терроризма, которые дестабилизируют работу государственных органов и сеют панику среди населения.

Проведенный анализ новелл уголовного законодательства свидетельствует о стремлении законодателя оперативно реагировать на возникающие вызовы. Введение ответственности за распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу безопасности граждан, и об использовании Вооруженных Сил РФ является важным шагом на пути обеспечения информационной безопасности.

Вместе с тем одних лишь карательных мер недостаточно для эффективного противодействия преступлениям против общественной безопасности. Ключевое значение приобретает профилактика правонарушений, которая должна носить комплексный характер и включать в себя как общие, так и индивидуальные меры воздействия. Важную роль здесь играет и техническое предупреждение преступлений, в частности, использование современных систем видеонаблюдения.

Нельзя не отметить и проблему незаконного оборота оружия, который является питательной средой для организованной преступности и терроризма. Ужесточение контроля в этой сфере, а также повышение эффективности работы правоохранительных органов по выявлению и пресечению каналов незаконного оборота оружия являются необходимыми условиями для обеспечения общественной безопасности.

Таким образом, борьба с преступлениями против общественной безопасности должна вестись по всем направлениям: от совершенствования законодательства и правоприменительной практики до активизации профилактической работы, и повышения уровня правовой культуры населения. Только комплексный подход, основанный на тесном взаимодействии государства и общества, позволит эффективно противостоять этой угрозе и обеспечить безопасность граждан и незыблемость основ конституционного строя Российской Федерации.

Список литературы

1. Дзедисов А. Т. К проблеме распространения экстремизма в молодежной среде // Теория и практика общественного развития. 2019. № 10(140). С. 62 – 65.
2. Зорькина А. А. Криминологическая характеристика террористической и экстремистской преступности в Российской Федерации и ее предупреждение // Образование и право. 2021. № 1. С. 265 – 269.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (в ред. от 06.10.2022). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 26.12.2024).
4. Курдюк П. М., Упоров И. В. Правоохранительная функция публичной власти и ее особенности применительно к органам местного самоуправления: концептуально-правовой аспект // Общество и право. 2019. № 2(68). С. 139 – 144.

5. **Мироненко А. П.** К вопросу о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка // *Территория науки*. 2018. № 4. С. 175 – 180.
6. **Об основах системы** профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 №182-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3851.
7. **Приговор** Богородского городского суда Нижегородской области № 1-194/2020 от 11 ноября 2020 г. по делу № 1-194/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wCYwnZ3Sx1gP/> (дата обращения: 26.12.2024).
8. **Приговор** Самарского районного суда г. Самары от 12 февраля 2018 № 1-16/2018. URL: <https://actofact.ru/case-63RS0037-1-16-2018-1-175-2017-2017-12-19-2-0/> (дата обращения: 26.12.2024).
9. **Приговор** Советского районного суда г. Липецк Липецкой области № 1-322/2019 от 6 ноября 2019 г. по делу № 1-322/2019. URL: <https://actofact.ru/case-48RS0001-1-322-2019-2019-06-28-2-0/> (дата обращения: 26.12.2024).
10. **Соколов Н. А., Санташов А. Л., Герасимова Е. В.** Криминологическая характеристика экстремизма и его связь с терроризмом // *Журнал прикладных исследований*. 2021. № 1. С. 64 – 70.
11. **Тимко С. А.** О сущности понятия «противодействие преступности» // *Юрист-правовед*. 2018. № 1(84). С. 6 – 11.
12. **Уголовный кодекс** Российской Федерации: Федеральный закон текст с изменениями и дополнениями на 30 ноября 2024 № 63-ФЗ [принят Государственной Думой 13 июня 1996 г. (в ред. от 26.12.2024)]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 07.11.2024).
13. **Фридинский С. Н.** Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 42 с.
14. **Шанхайская конвенция** о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // *Бюллетень международных договоров*. 2004. № 1.

References

1. **Dzebisov A.T.** [On the problem of the spread of extremism among young people], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2019, no. 10(140), pp. 62-65. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Zorkina A.A.** [Criminological characteristics of terrorist and extremist crime in the Russian Federation and its prevention], *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law], 2021, no. 1, pp. 265-269. (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Available at:** <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (accessed 26 December 2024).
4. **Kurdyuk P.M., Uporov I.V.** [Law enforcement function of public authority and its features in relation to local government bodies: conceptual and legal aspect], *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2019, no. 2(68), pp. 139-144. (In Russ., abstract in Eng.)
5. **Mironenko A.P.** [On the issue of crimes against public safety and public order], *Territoriya nauki* [Territory of Science], 2018, no. 4, pp. 175-180. (In Russ., abstract in Eng.)
6. [On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation: Federal Law of 23.06.2016 No. 182-FZ], *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2016, no. 26 (Part I), art. 3851. (In Russ.)
7. **Available at:** <https://sudact.ru/regular/doc/wCYwnZ3Sx1gP/> (accessed 26 December 2024).
8. **Available at:** <https://actofact.ru/case-63RS0037-1-16-2018-1-175-2017-2017-12-19-2-0/> (accessed 26 December 2024).

9. **Available at:** <https://actofact.ru/case-48RS0001-1-322-2019-2019-06-28-2-0/> (accessed 26 December 2024).

10. **Sokolov N.A., Santashov A.L., Gerasimova E.V.** [Criminological characteristics of extremism and its connection with terrorism], *Zhurnal prikladnykh issledovaniy* [Journal of Applied Research], 2021, no. 1, pp. 64-70. (In Russ., abstract in Eng.)

11. **Timko S.A.** [On the essence of the concept of “counteraction to crime”], *Yurist-pravoved* [Lawyer-legal expert], 2018, no. 1(84), pp. 6-11. (In Russ., abstract in Eng.)

12. **Available at:** <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (accessed 07 November 2024).

13. **Fridinsky S.N.** *Extended abstract of Doctor's of Legal thesis*, Moscow, 2011, 42 p. (In Russ.)

14. [Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism (Shanghai, June 15, 2001)], *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov* [Bulletin of International Treaties], 2004, no. 1. (In Russ.)

Legal Problems and Directions Improvement of Criminal-Legal Means to Combat Extremism

H. A. Akkaeva, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Police Colonel,
Head of Department of Special Technical Disciplines,
North-Caucasian Institute of Advanced Qualification Upgrading Employees
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Nalchik, Russia; akkaevah@mail.ru*

The article examines a wide range of issues related to crimes against public safety. A detailed analysis of a terrorist act as an act that poses the greatest public danger was carried out; its goals, consequences, and distinctions with related crimes were examined. Particular attention was paid to the innovations in criminal legislation that establish liability for the dissemination of knowingly false information. The legal basis for countering extremism in Russia was analyzed, including the norms of the Constitution of the Russian Federation and international acts. Various types of state control in the field of countering extremism were considered, as well as the factors contributing to its emergence and spread. The concept and characteristics of modern extremism, including its transnational nature, were studied. The need for an integrated approach to combating extremism and other crimes against public safety, including measures to prevent offenses, was emphasized. The problem of illegal arms trafficking as a factor contributing to the growth of crime is analyzed. A conclusion was made about the need to improve legislation and law enforcement practices in the field of public safety.

Keywords: public safety; terrorist act; extremism; deliberately false report; criminal legislation; counteraction; prevention; illegal arms trafficking; qualification; responsibility.

© X. A. Аккаева, 2025

Статья поступила в редакцию 07.01.2025

При цитировании использовать:

Аккаева Х. А. Правовые проблемы и направления совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с экстремизмом // *Право: история и современность*. 2025. Т. 9, № 1. С. 68 – 80. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.068-080

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И РОСТ ПРЕСТУПНОСТИ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПОИСК ПУТЕЙ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Эльмира Гаджиабдуллаевна Джахиева, д-р ист. наук, профессор,
кафедра административного, финансового и таможенного права,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
Махачкала, Россия; Almira3dg@mail.ru

Информационно-коммуникационные технологии предлагают широкие возможности для развития социальных сетей и новые способы общения, создавая условия для развития подрастающего поколения. Но вместе с тем активное использование интернет-ресурсов влечет явные и скрытые проблемы как для общества, так и для самих подростков, вызывая поведенческие изменения несовершеннолетних и нарушения ими законодательства РФ.

Доступность и легкость использования возможностей информационно-коммуникационных технологий, отсутствие четких контуров между виртуальным и реальным миром предоставляют разнообразные возможности для совершения преступлений, используя интернет-ресурсы, что создает новые риски не только для несовершеннолетних и их родителей, но и всего общества. Данная проблема находится в центре внимания не только представителей государственных и общественных кругов, правоохранителей РФ, но и всего мирового сообщества.

Представлен материал борьбы правоохранительных органов РФ с преступлениями, совершаемыми против несовершеннолетних с использованием интернет-ресурсов, поиска путей решения этой проблемы, опираясь на отечественный и зарубежный опыт.

Ключевые слова: Интернет; социальные сети; несовершеннолетние; кибербуллинг; игровая зависимость; киберзапугивание; информационная безопасность детей; разработки правовых механизмов защиты прав детей в России и за рубежом.

Введение

Сегодняшний мир интернет-пространства предоставил подросткам свободный доступ к различным социальным сетям с его явными преимуществами, но также и с реальными рисками для психики и здоровья подрастающего поколения. В силу физиологических особенностей становления подростка он не способен объективно осознать возникающую угрозу его психическому и физическому здоровью, не понимает возможных реальных юридических последствий при создании и просмотривании противоправного контента с сомнительными сообщениями, видеокдрами и др. Подростки не способны в полной мере осознать всю глубину возможных правовых последствий при публикации материалов, запрещенных российским законодательством. В статье предпринята попытка рассмотреть негативные последствия влияния социальных сетей на подростков.

Основная часть

В сегодняшнем мире невероятных темпов развитие интернет-пространства с активным использованием в любой сфере производства, в том числе в учебном процессе, мобильных средств связи и Интернета, – электронных журналов и дневников, учебников, планшетов, тестирования, создания учебных соцсетей, повлекло колоссальные изменения в образе жизни подрастающего поколения. По данным ООН за 2023 г. в мире каждые полсекунды ребенок впервые выходит в интернет-пространство, каждый день 175 тыс. детей в мире впервые приобщаются к Интернету, социальным сетям. Подсчитано, что возрастает время досуга подростков в виртуальном пространстве до 6 часов в сутки и более, российские дети входят в число пользователей с наибольшим потреблением времени.

Однако удобство и открытость Интернета также породили множество проблем, таких как распространение недостоверной информации, кибербуллинг и игровая зависимость, которые серьезно угрожают физическому и психическому здоровью и личной безопасности несовершеннолетних [1, с. 3 – 5].

Вместе с тем Тун Лихуа, директор Пекинского центра исследований и правовой поддержки молодежи, отмечает опасность перегнуть палку в вопросе защиты несовершеннолетних: «...от вредоносного влияния информационного контента, киберзапугивания, попыток предотвратить интернет-зависимость», а также указывает, что может быть одновременно нанесен несоразмерный удар по доступу несовершеннолетних к современным технологиям, игнорируя права несовершеннолетних на развитие и участие в современных информационных процессах [2].

С созданием компьютерных сетей и расширением глобальной коммуникации социальная жизнь вышла на новый этап, и зародилось виртуальное пространство, которое называют «второй жизнью» человека [3, с. 207 – 234]. Так, И. С. Ашманов указал на проводимое в соцсетях фактическое навязывание молодежи «...массового поведения», не свойственное данному социуму. «В соцсетях происходит постоянное натаскивание пользователей на определенный тип поведения, навязывание новых рефлексов. Так, флешмобы вырабатывают привычку к массовой автоматической реакции. Участие в эстафетах, тестах, играх тренирует массово следовать призывам. В результате пользователи, сами того не замечая, становятся участниками пропаганды и информационных войн» [4].

Американские педагоги бьют в набат о вредном влиянии социальных сетей на психологию подростков. Так, в 2023 г. представители нескольких школ г. Сизтла подали в суд иск против Facebook, TikTok, YouTube, Instagram и Snapchat, обвиняя их руководство в получении прибыли от «...эксплуатации уязвимого мышления молодежи...», ссылаясь на рост и депрессии у подростков [5]. Вместе с тем, учитывая сложности формирования сознания подростка в современном мире технологий, мы согласны с мнением И. Гурьевой, которая указывает на фактическую пропаганду соцсетей, интернет-сайтов, имеющих наклонности пропаганды «...террористической, экстремистской, порнографической, суицидальной тематики <...> рискованного поведения, на потребление запрещенных веществ (фо-

то, видео, аудиотексты), способствующее угрозе личной безопасности несовершеннолетнего, его преступному поведению» [6].

И если мы с вами учим ребенка правильно переходить дорогу, не брать чужого, то есть вести себя, не нарушая законов, то учим ли мы его, что интернет-пространство со своими многочисленными соблазнами тоже является правовым полем? Признаемся, что нет.

При этом имеется еще одна особенность. Если подросток, смотря через Интернет фильм, передачу, по факту является объектом визуального процесса с односторонней связью, то входя в социальные сети, он становится субъектом этого виртуального пространства, сам выбирая линию своего поведения, уже несущего правовую ответственность. Зачастую эту трансформацию не может осознать большинство подрастающего поколения.

Уже в социальных сетях подростки через механизм имитации увиденного в фильмах, программах, играх фактической пропаганды насилия, мошенничества, взращивая культ силы, вызывающих агрессивное поведение зрителей, формируют противоправное поведение подростков, побуждая подрастающее поколение повторять увиденное в виртуальном и реальном мире [7].

Социальные сети, интернет-пространство буквально пестрят предложениями быстрых и легких способов заработка больших денег, как правило, это кибермошенничество, продажа наркотических и психотропных веществ, проституция, организация шантажа, на что легко поддается молодежь. При этом преступления, совершаемые через интернет-пространство, отличаются низкой раскрываемостью. Так, в аналитическом докладе Всероссийского научно-исследовательского института МВД РФ в 2018 г., указывается «...что из 90 587 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий в 2017 г., была раскрыта только четвертая часть» [8]. Динамика роста киберпреступлений, совершаемых подростками, только растет. Вдумайтесь в следующие цифры – по данным МВД в 2023 г. по сравнению с 2020 г. число преступлений подрастающего поколения, совершенных с помощью информационно-коммуникационных технологий, увеличилось в 74 раза, из 54 – в 2020 г. выросло до 4 тыс. киберпреступлений в 2023 г. [9].

Необходимо подчеркнуть, что преступная среда активно использует анонимную возможность интернет-ресурсов, расширяя горизонты поиска возможной жертвы, пользуясь возможностью также анонимно снабдить попавшего на их крючок подростка инструкциями, техническими средствами, фото- и видеоматериалами для оказания на него психологического давления и шантажа. Так, мы можем привести десятки примеров попыток использовать подростков и молодежь для совершения преступлений на железных дорогах, аэродромах и других важных транспортных развязках. Например, в ноябре 2023 г. «...суд Самарской области арестовал несовершеннолетнего, подозреваемого в приготовлении к теракту – поджогу школы, где он обучался, в целях дестабилизации деятельности органов власти. Следствие считает, что умысел на совершение этого деяния у 15-летнего подростка возник после просмотра видеозаписей в Интернете об основоположниках террористической организации. Для реализации своего пре-

ступного умысла он приобрел составляющие для зажигательной смеси, с помощью которых изготовил самодельное оружие» [10].

Однако чаще всего подростки и молодежь сами становятся жертвами различного рода преступлений, совершаемых с использованием интернет-ресурсов, с пропагандой в том числе ранних сексуальных отношений и ЛГБТ*. Так, органы прокуратуры Китая с января 2018 по октябрь 2019 гг. привлекли к ответственности в общей сложности 32 500 человек за преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних. В 2023 г. по данным ООН, «...около 80 % детей в 25 странах сообщают, что чувствуют себя в опасности сексуального насилия или эксплуатации в Интернете» [11, 12]. Роскомнадзор только в 2023 г. ограничил доступ более чем к 19 тыс. материалов, содержащих пропаганду ЛГБТ*. В том же 2023 г. в Москве сотрудниками правоохранительных органов был «...задержан мужчина 1992 года рождения по подозрению в совершении развратных действий в отношении несовершеннолетних девочек. Как сообщила пресс-служба столичного главка Следственного комитета, фигурант активно использовал для своих целей Интернет». По данным МВД задержанный в течение июля-декабря 2022 г. с использованием соцсетей «...совершил развратные действия в отношении двух несовершеннолетних девочек» [13].

Вместе с тем подрастающее поколение не только становится жертвами мошеннических и иных противоправных действий более старшего поколения, но и сами подростки совершают преступления, используя современные цифровые технологии. Получили практику и различные формы буллинга (травли), зачастую сопровождающиеся съемками на телефон процесса избиения жертвы сверстниками с последующим размещением видео в социальных сетях, Интернете, с требованиями оказания интим-услуг, вымогательства, совершения иных правонарушений.

Как мы с вами знаем, реакция жертвы буллинга может быть от самоубийства до жажды мести организаторам его травли. При этом встречаются факты и проведение самого процесса самоубийства в онлайн-эфире.

В 2016 году в РФ активно обсуждали деятельность печально известной игры «синий кит», применяющей различные формы давления на подростка. Несмотря на принятые меры, правоохранительными органами РФ и другими государственными органами власти губительные последствия «синего кита» ощущались и в 2017 г., когда был отмечен рост подросткового суицида – 720 фактов суицида, в том числе и детьми из «группы смерти». Так, ученица 11 класса одной из московских школ «А» открыто призналась, что «...Я бы никогда целенаправленно не подписалась на медиаресурсы о самоубийствах. Но многие группы постили фото с намеками на “селфхарм”, например. И это стало модно...» [14].

В 2023 году было заведено дело на 15-летнюю ученицу башкирской школы г. Стерлитамак. Как стало известно правоохранительным органам, подросток был активным участником запрещенного в РФ в 2022 г. террористического движения «Колумбайн». Ученица, ведя «ВКонтакте» специ-

* Движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации.

альную страницу, оправдывала идеи вооруженного нападения подростков на американскую школу «Колумбайн» в 1999 г. Благодаря оперативной деятельности правоохранительных органов РФ, удалось предотвратить осуществление теракта в российской школе [15, 16].

Мировое сообщество пытается принять меры по обеспечению информационной безопасности подрастающего поколения. Надо отметить, что основой правовой базы для разработки механизма защиты прав детей являются: Конвенция о правах детей, Международный пакт о гражданской ответственности и экономических правах и др. При этом разные страны базируются на противоположных правовых механизмах, от установления всеобъемлющего контроля – Китай, Белоруссия, Иран, ОАЭ, КНДР и др., до принципа саморегулирования и «незначительного вмешательства государства» – страны ЕС, Британии, США [16].

Так, в РФ действует Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», соответствующий закон о создании правовой среды по защите несовершеннолетних в сети Интернет. Однако сегодняшние реалии требуют дальнейшего совершенствования указанного ФЗ.

Мировое сообщество также пытается создать правовую систему противодействия данным явлениям в социальных сетях, интернет-ресурсах, от полного или значительного государственного контроля (Северная Корея, Китай, Белоруссия, Объединенные Арабские Эмираты) до относительной свободы, не нарушая личных границ подростка, и проведения широкого круга профилактических мер (Великобритания, Германия и другие страны Евросоюза). 1 августа 2022 г. в Словакии вступило в силу новое комплексное правовое регулирование аудиовизуальных медиауслуг – Закон № 264/2022 о медиауслугах, внесение изменений в Закон о медиауслугах и др., в целях создания правового механизма, направленного на предотвращение распространения нелегального контента на онлайн-платформах. В целом, западноевропейские страны делают большой уклон на социальную адаптацию подростка через институты наставничества, правовую и цифровую профилактику и др. [17, 18].

В то же время А. Мамаева отмечает, что «...отдельные штаты США, Нидерландов, КНР берут на себя ответственность за вовлечение несовершеннолетних в различные виды терроризма путем обеспечения более строгой ответственности» [18].

27 ноября 2024 г. Нижняя палата парламента Австралии сделала решающий шаг к запрету социальных сетей для детей младше 16 лет, приняв соответствующий законопроект. За введение этого ограничения проголосовали 102 депутата, а против него выступили 13 парламентариев. При этом указывается, что это стало редким случаем, когда крупные политические силы страны оказались солидарны по поводу изменений.

Планируемый закон обязывает платформы социальных сетей принимать разумные меры для обеспечения защиты несовершеннолетних. За систематические нарушения компании могут быть оштрафованы на сумму до 32 млн долл. Планируется, что после его принятия в Австралии начнется тест новой системы, которая включит в себя биометрию или го-

сударственную идентификацию для обеспечения соблюдения запрета. Ожидается, что до конца года законопроект пройдет всю процедуру его окончательного принятия. Также не исключается, что в будущем подобные запреты появятся и в других странах [19].

В феврале 2024 г. правительство Канады представило в парламент проект Закона о вреде в Интернете, который возлагает на онлайн-платформы ответственность за борьбу с вредоносным контентом и создание более безопасного онлайн-пространства, защищающего всех людей в Канаде, особенно детей [20].

16 октября 2023 г. в Китае принято «Положение о защите несовершеннолетних в Интернете» (вступило в силу 1 января 2024 г.), пересмотренный принятый в 2020 г. Закон о защите несовершеннолетних [21]. На наш взгляд, есть необходимость обратить внимание на содержание двух статей указанного китайского закона от 2024 г. Так, в ст. 14 предусмотрено, что «...народные правительства уровня уезда <...> должны научно планировать разумное развитие, обеспечение сбалансированного и скоординированного развития интернет-услуг общественного благосостояния, усиливать строительство общественных культурных объектов, которые также должны улучшить условия доступа в Интернет для несовершеннолетних...», в ст. 17 – «Родители (опекуны) несовершеннолетних должны укреплять построение семейного образования и семейных традиций, повышать собственную интернет-грамотность, регулировать свое поведение при демонстрации, руководстве и надзоре за поведением несовершеннолетних при использовании Интернета».

В Германии делают упор на проведение активной цифровой профилактической работы среди подростков и молодежи, реализации программ онлайн-профилактик и в целях объяснения подрастающему поколению о существующих опасностях в социальных сетях, таких как киберзапугивание, пропаганда радикальных взглядов или онлайн-мошенничество.

По данным европейских стран проводимые разнообразные профилактические образовательные программы и инициативы различных общественных организаций по поддержке и перевоспитанию среди подростков и молодежи показывают четкую тенденцию к снижению уровня преступности в этой среде. Признается, что профилактические меры играют ключевую роль в оказании помощи подрастающему поколению сделать правильный и ответственный выбор. Аналогичная работа проводится в Иране, Китае и в других странах Азии.

Заключение

Как было отмечено выше, в России действует ФЗ № 436-ФЗ от 29.12.2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», соответствующий закон о создании правовой среды по защите несовершеннолетних в сети Интернет. Однако, на наш взгляд, сегодняшние реалии требуют: дальнейшего совершенствования указанного ФЗ от 29.12.2010 г., это возрастное ограничение доступа подростков к социальным сетям, ужесточение ответственности владельцев сайтов за деструктивную деятельность в соцсетях, где целевой аудиторией являются

подростки; совершенствования работы по повышению правовой грамотности в социальных сетях и в Интернете подростков и их родителей; изменения подхода в работе школьных программ по ограничению вовлечения учеников младших и средних классов к мобильным средствам связи и Интернету, ужесточив практику создания электронных дневников, учебников, тетрадей, школьных чатов и др.

Для избегания преступлений, направленных против подрастающего поколения, совершаемых как взрослыми людьми, так и самими подростками, необходимо не только усиливать правовую базу защиты детей и четко оговаривать наказание за совершенное противоправное деяние, но и активизировать профилактическую работу в семье работниками правоохранительных органов, педагогических коллективов, представителями общественности, СМИ, учитывая опыт зарубежных стран.

Только комплексный подход поможет решить проблемы деструктивного влияния мобильных средств связи и Интернета на подрастающее поколение России.

Список литературы

1. **Турунова М.** Противодействие влиянию сети «Интернет» на преступное поведение несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. 242 с.
2. 佟丽华信息安全// 研究解决方案. (**Тонг Лихуа.** Исследовательские решения // Информационная безопасность. 04.04.2024.). URL: <https://www.secrss.com/articles/64978> (дата обращения: 20.01.2025).
3. جامعه مدار از بزهکاری اطفال و نوجوانان یریگشیپیسنس حمدی رف یتوکل مریص. در محیطهای آموزشی مجازی (با تأکید بر یافتههای جرمشناسی) دانشگاه علوم قضائی و خدمات 207-234 (مالکوتی Н., **Мохсени Ф.** Общественно-ориентированная профилактика преступности несовершеннолетних в виртуальных образовательных средах (с акцентом на данные криминологии) // Университет юридических наук и административных услуг. 2023. Т. 28, № 102. С. 207 – 234.)
4. **Ашманов И.** Цифровое пространство как поле боя // Ашманов и партнеры. 22.02.2023. URL: <https://www.ashmanov.com/education/articles/igor-ashmanov-tsifrovoe-prostranstvo-kak-pole-boya/?ysclid=m40atbauuz826044407> (дата обращения: 20.01.2025).
5. **Акимов И.** Не доросли: как и зачем детей не пускают в соцсети в разных странах. Где и почему детям ограничивают доступ в Интернет // Газета.ru. 24.07.2023. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2023/07/24_a_17322416.shtml (дата обращения: 20.01.2025).
6. **Гурьева И. В.** Интернет-преступность несовершеннолетних: российский и зарубежный опыт противодействия // Актуальные исследования. 2024. № 5(187). Ч. II. С. 12 – 16.
7. **Демидова-Петрова Е. В.** Социальные сети и их влияние на преступность несовершеннолетних в современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4. С. 117 – 122.
8. **Преступления** в интернет-среде с участием несовершеннолетних и их медико-психологическая профилактика. Аналитический обзор ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. М., 2021. С. 4.
9. **Тельпис Т.** За три года в 74 раза выросло число интернет-преступлений, совершенных детьми // Все новости Воронежа. 28.04.2024. URL: <https://moe-online.ru/news/incidents/1187487> (дата обращения: 20.01.2025).

10. **Вовлечение** неустойчивых: как россиян обрабатывают террористы // Российское агентство правовой и судебной информации. 04.12.2023. URL: https://rapsinews.ru/incident_publication/20231204/309436993.html (дата обращения: 20.01.2025).
11. 衬垫让未成年人融入社区网上平台 //法治.06.05.2020. (Ли Нин. С участием несовершеннолетних в сообществе на онлайн-платформах // Верховенство права. 06.05.2020). URL: <https://www.chinacourt-org.translate.goog/article/detail/2020/06/> (дата обращения: 20.01.2025).
12. **Шри Колари.** Безопасность детей и молодежи в Интернете: доклад «Защита детей в Интернете в Индии» // Офиц. сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/child-and-youth-safety-online> (дата обращения: 20.01.2025).
13. **В Москве** изобличен интернет-развратник несовершеннолетних девочек // Новый день. 24.08.2023. URL: <https://newdaynews.ru/moscow/804480.html> (дата обращения: 20.01.2025).
14. **Запутался в сети.** Подростки идут на преступления, при чем тут соцсети? // Hitech. 01.02.2018. URL: <https://hi-tech.mail.ru/review/36054-vliyayut-li-socialnye-seti-na-povedenie-podrostkov/> (дата обращения: 20.01.2025).
15. **Уразбахтина Р.** Эксперт: «В том, что подростки обвиняются в терроризме, виновато все общество» // МК RU. 03.08.2023. URL: <https://ufa.mk.ru/social/2023/08/03/ekspert-v-tom-chto-podrostki-obvinyayutsya-v-terrorizme-vinovato-vse-obshhestvo.html> (дата обращения: 20.01.2025).
16. **Repíščáková D.** Už žiadne nenávistné prejavy na sociálnych sieťach? // Justičná revue. 2024. № 76. S. 47 – 60.
17. **Böhm M.** Prävention von Jugendkriminalität // Living Quarter. 07.02.2024. URL: <https://www.livingquarter.de/praevention-von-jugendkriminalitaet/> (дата обращения: 20.01.2025).
18. **Мамаева А.** Меры касаются несовершеннолетних действий детей в отношении преступников через социальные сети в разных странах и России // Закон и право. 2022. № 5. С. 191 – 195.
19. **Renju Jose, Byron Kaye.** Australia nears social media ban for children after heated debate // Reuters. 27.11.2024. URL: <https://www.reuters.com/technology/australia-senate-committee-backs-bill-ban-social-media-children-2024-11-26/> (дата обращения: 20.01.2025).
20. **Backgrounder** – Government of Canada introduces legislation to combat harmful content online, including the sexual exploitation of children // Canadian Heritage. URL: <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/news/2024/02/backgrounder--government-of-canada-introduces-legislation-to-combat-harmful-content-online-including-the-sexual-exploitation-of-children.html> (дата обращения: 20.01.2025).
21. **Приказ** Государственного совета Китайской Народной Республики. 24.10.2023. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/202310/content_6911288.htm (дата обращения: 20.01.2025).

References

1. **Turunova M.** *PhD of Candidate's thesis (Law)*, St. Petersburg, 2023, 242 p. (In Russ.)
2. **Available at:** <https://www.secrss.com/articles/64978> (accessed 20 January 2025).
3. **Malkuti N., Mokhseni F.** [Community-oriented prevention of juvenile delinquency in virtual educational environments (with an emphasis on criminological

data)], *Universitet yuridicheskikh nauk i administrativnykh uslug* [University of Legal Sciences and Administrative Services], 2023, vol. 28, no. 102, pp. 207-234. (In Arab.)

4. **Available at:** <https://www.ashmanov.com/education/articles/igor-ashmanov-tsifrovoe-prostranstvo-kak-pole-boya/?ysclid=m40atbauuz826044407> (accessed 20 January 2025).

5. **Available at:** https://www.gazeta.ru/comments/2023/07/24_a_17322416.shtml (accessed 20 January 2025).

6. **Gur'yeva I.V.** [Internet crime of minors: Russian and foreign experience of counteraction], *Aktual'nyye issledovaniya* [Current research], 2024, no. 5(187), part II, pp. 12- 16. (In Russ., abstract in Eng.)

7. **Demidova-Petrova Ye.V.** [Social networks and their impact on juvenile delinquency in modern Russia], *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2022, no. 4, pp. 117-122. (In Russ., abstract in Eng.)

8. **Prestupleniya v internet-srede s uchastiyem nesovershennoletnikh i ikh mediko-psikhologicheskaya profilaktika** [Crimes in the Internet environment involving minors and their medical and psychological prevention], Analytical review of the Federal State Budgetary Institution "V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Psychology" of the Ministry of Health of the Russian Federation. Moscow, 2021, p. 4. (In Russ.)

9. **Available at:** URL: <https://moe-online.ru/news/incidents/1187487> (accessed 20 January 2025).

10. **Available at:** https://rapsinews.ru/incident_publication/20231204/309436993.html (accessed 20 January 2025).

11. **Available at:** <https://www.chinacourt-org.translate.goog/article/detail/2020/06/> (accessed 20 January 2025).

12. **Available at:** <https://www.un.org/ru/global-issues/child-and-youth-safety-online> (accessed 20 January 2025).

13. **Available at:** <https://newdaynews.ru/moscow/804480.html> (accessed 20 January 2025).

14. **Available at:** <https://hi-tech.mail.ru/review/36054-vliayut-li-socialnye-seti-na-povedenie-podrostkov/> (accessed 20 January 2025).

15. **Available at:** <https://ufa.mk.ru/social/2023/08/03/ekspert-v-tom-cto-podrostki-obvinyayutsya-v-terrorizme-vinovato-vse-obshchestvo.html> (accessed 20 January 2025).

16. **Repíščáková D.** [No more hate speech on social networks?], *Justičná revue*, 2024, no. 76, pp. 47-60 (In Slovak).

17. **Available at:** <https://www.livingquarter.de/praevention-von-jugend-kriminalitaet/> (accessed 20 January 2025).

18. **Mamayeveva A.** [Measures concern imperfect actions of children against criminals through social networks in different countries and Russia], *Zakon i pravo* [Law and law], 2022, no. 5, pp. 191-195 (In Russ., abstract in Eng.)

19. **Available at:** <https://www.reuters.com/technology/australia-senate-committee-backs-bill-ban-social-media-children-2024-11-26/> (accessed 20 January 2025).

20. **Available at:** <https://www.canada.ca/en/canadian-heritage/news/2024/02/background--government-of-canada-introduces-legislation-to-combat-harmful-content-online-including-the-sexual-exploitation-of-children.html> (accessed 20 January 2025).

21. **Available at:** https://www.gov.cn/zhengce/content/202310/content_6911288.htm (accessed 20 January 2025).

Development of Information and Communication Technologies and the Growth of Crime Against Minors: Search for Ways to Overcome it in Russia and Abroad

E. G. Djahieva, Dr. Sci. (History), Professor,
*Department of Administrative, Financial and Customs Law,
Dagestan State University, Makhachkala, Russia;
Almira3dg@mail.ru*

Information and communication technologies offer wide opportunities for the development of social networks and new ways of communication, opening up wide opportunities for the development of the younger generation. But at the same time, the active use of Internet resources entails obvious and hidden problems both for society and for the teenagers themselves, causing behavioral changes in minors and their violation of the legislation of the Russian Federation.

The availability and ease of use of information and communication technologies, the lack of clear contours between the virtual and real world, provide a variety of opportunities for committing crimes using Internet resources, which create new risks not only for minors and their parents, but also for the whole society. This problem is in the center of attention not only of representatives of state and public circles, law enforcement officers of the Russian Federation, but also of the entire world community.

The article presents findings on the fight of law enforcement agencies of the Russian Federation against crimes committed against minors using Internet resources, searching for ways to solve this problem, based on domestic and foreign experience.

Key words: Internet; social networks; minors; cyberbullying; gaming addiction; cyberbullying; information security of children; development of legal mechanisms for protecting children's rights in Russia and abroad.

© Э. Г. Джахиева, 2025

Статья поступила в редакцию 05.01.2025

При цитировании использовать:

Джахиева Э. Г. Развитие информационно-коммуникационных технологий и рост преступности против несовершеннолетних: поиск путей его преодоления в России и за рубежом // Право: история и современность. 2025. Т. 9, № 1. С. 81 – 90. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.081-090

СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Залина Хазраталиевна Кочесокова, канд. экон. наук, доцент,
кафедра специальных дисциплин,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников
МВД России (филиал) ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
Нальчик, Россия; zalina-solnce@mail.ru

Статья посвящена всестороннему исследованию преступлений, посягающих на институты семьи и несовершеннолетних, в контексте современного российского законодательства и с учетом зарубежного опыта. Проанализирована правовая природа данных деяний, их общественная опасность, а также система наказаний, предусмотренная за их совершение. В работе раскрываются доктринальные подходы к определению понятия «преступления против семьи и несовершеннолетних», выявляются их ключевые признаки, такие как формальная определенность и умышленный характер. Рассмотрены конкретные виды преступлений, предусмотренные ст.ст. 150 – 157 главы 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, включая вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность, неисполнение обязанностей по воспитанию, подмену ребенка, незаконное усыновление и др. Проведен сравнительно-правовой анализ российского законодательства с нормами, действующими в Литве, Японии, Израиле, Канаде и Швеции, в части противодействия семейному насилию. Выявлены преимущества и недостатки различных подходов к решению данной проблемы. Особое внимание уделено вопросам вины, умысла и неосторожности при совершении преступлений против семьи и несовершеннолетних. Затрагивается проблема влияния правовой культуры и правового сознания российского общества на уровень преступности в данной сфере, отмечается его низкий уровень.

Ключевые слова: преступления против семьи; преступления против несовершеннолетних; семейное насилие; уголовная ответственность; уголовное наказание; лишение свободы; правовая природа; признаки преступления; общественная опасность; вина; умысел; неосторожность; правовое сознание; правовая культура; зарубежный опыт; Уголовный кодекс РФ; законодательство; реформирование; административная ответственность; семейно-бытовое дебоширство.

Введение

Представленное исследование посвящено комплексному анализу преступлений, посягающих на институты семьи и несовершеннолетних, с позиций доктринального и нормативно-правового подходов. Актуальность избранной темы обусловлена, во-первых, непреходящей ценностью семьи как фундаментального социального института, обеспечивающего воспро-

изводство населения, социализацию личности и стабильность общества; *во-вторых*, императивом защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, выступающих в силу своего возраста и психофизиологических особенностей особо уязвимой категорией граждан, нуждающейся в повышенной правовой охране; *в-третьих*, высокой латентностью и общественной опасностью рассматриваемых преступных деяний, деструктивно влияющих на физическое, психическое и нравственное развитие подрастающего поколения, а также подрывающих устои семейных отношений.

В условиях перманентной трансформации общественных отношений, сопряженной с эрозией традиционных ценностей и нивелированием морально-этических норм, исследование правовой природы, сущностных характеристик и детерминант преступлений против семьи и несовершеннолетних приобретает особую теоретическую и практическую значимость. Детальный анализ законодательной базы, регламентирующей ответственность за данные посягательства, а также компаративный анализ зарубежного опыта противодействия семейному насилию позволяют выявить существующие лакуны и коллизии в отечественном правовом регулировании, сформулировать научно обоснованные предложения по его оптимизации, а также выработать эффективные превентивные меры, направленные на минимизацию рисков совершения данных преступлений.

Обсуждение

В современной юриспруденции неустанное внимание исследователей сосредоточено на деконструкции сущности преступных деяний, что, в свою очередь, является фундаментом для формирования и имплементации пенитенциарной системы, регламентированной действующим законодательством Российской Федерации. Принципиальное разграничение преступления от иных противоправных действий определяется уровнем общественной опасности, характером запрещенного деяния и совокупностью иных релевантных характеристик. Система санкций, применяемых за совершение противоправных действий, равно как и изучение самих деликтов, составляет в настоящее время существенный фундамент для осуществления юридического регулирования данной области российского правового пространства. Особое значение следует придать тому факту, что преступные деяния характеризуются высокой степенью общественной опасности, детерминированной последствиями, наступившими в результате их совершения [3, с. 94]. В большинстве случаев правовые меры принуждения, устанавливающие порядок привлечения к ответственности, предусматривают такую форму уголовного наказания, как изоляция от общества. Углубленный анализ юридической природы рассматриваемых преступных деяний позволяет установить сущность и нормативно-правовую базу привлечения к ответственности индивидов, совершивших указанные противозаконные действия. Рассмотрение данной юридической природы открывает возможности для изучения системы привлечения лиц к ответственности за совершение преступлений, направленных против благополучия несовершеннолетних, а также дестабилизирующих семейные отношения [1, с. 90].

В контексте настоящего исследования первостепенную значимость приобретает выделение основополагающих юридических атрибутов, присущих преступлениям, направленным против семейных устоев и несовершеннолетних граждан. Указанные противоправные деяния формируют основание для последующего функционирования системы реализации и назначения адекватных мер уголовного воздействия в отношении лиц, совершивших таковые деяния.

Предваряя анализ конкретных составов преступлений, направленных против семьи и несовершеннолетних, целесообразно определить семантическое пространство самого термина «преступление против семьи и несовершеннолетних». Дефиниция указанного понятия должна основываться на многообразии доктринальных интерпретаций, а также на изучении прецедентного права [7, с. 43]. Так, А. С. Архипова в своих трудах интерпретирует преступления против семьи и несовершеннолетних как «умышленные общественно опасные деяния (в форме действия или бездействия), предусмотренные ст. 150 – 157 главы 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, посягающие на интересы несовершеннолетних, интересы семьи в целом и способные причинить вред здоровью, физическому, психическому, нравственному, интеллектуальному развитию несовершеннолетних» [2, с. 236]. Ю. Е. Пудовочкин, рассматривая понятие «преступления против семьи и несовершеннолетних», акцентирует внимание на следующем: «умышленные деяния, посягающие на интересы семьи как естественной и первичной ячейки общества, а также на интересы несовершеннолетнего в части нормального физического, психического и нравственного становления» [16, с. 23]. Плюрализм представленных точек зрения на толкование анализируемого понятия подчеркивает многоаспектность и сложность данного правового феномена, а также сохраняющуюся актуальность его дальнейшего всестороннего изучения. Анализ специфических характеристик преступлений, посягающих на интересы семьи и несовершеннолетних, позволяет констатировать обоснованность обеих приведенных выше точек зрения. В условиях отсутствия легально закрепленного определения понятия преступлений против семьи и несовершеннолетних представленные доктринальные позиции приобретают особую значимость при исследовании сущностных характеристик данных деликтов. Это, в свою очередь, акцентирует весомый юридический базис и отражает концептуальные взгляды теоретиков на дефиницию сущности и юридических особенностей преступлений, направленных против семьи и несовершеннолетних.

Актуальность приведенных положений в современных условиях чрезвычайно высока, а их всестороннее исследование открывает перспективы для дальнейшего установления формы и атрибутивных признаков рассматриваемых противоправных деяний посредством выделения значимых критериев, формирующих их состав [17]. Среди основополагающих признаков преступления исключительную значимость имеет его формальная определенность. Именно нормативное закрепление противозаконного деяния, а точнее, ответственности за его совершение, в релевантных источниках права способствует более действенному формированию социальных взаимодействий, регуляции общественных отношений, а также доведению

до сведения граждан информации о противоправном характере определенных действий. Любое нарушение правовых норм оказывает непосредственное воздействие на общественные отношения и представляет собой совокупность предусмотренных законодательством и иными нормативными правовыми актами средств защиты и ответственности, применяемых к виновному субъекту [6, с. 98]. Указанный признак позволяет квалифицировать преступления, совершаемые против семьи и несовершеннолетних, преимущественно как умышленные. Особая форма общественной опасности имманентно присуща подобным преступным деяниям, что находит свое выражение в нормативно-правовой базе для последующего определения сущностных характеристик преступлений, объектом которых выступают семья и несовершеннолетние. Следовательно, юридическая природа рассматриваемых деяний выступает необходимым атрибутом для дальнейшего исследования преступлений против семьи и несовершеннолетних и выявления их правовых оснований [11, с. 134].

Уголовно-правовые установления, касающиеся посягательств на интересы несовершеннолетних, зафиксированы в ряде статей Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, статьи 150, 151, 151.1 и 156 УК РФ устанавливают ответственность за деяния, представляющие повышенную общественную опасность в силу их направленности против лиц, не достигших совершеннолетнего возраста. Перечень преступлений, предусмотренных указанными статьями, включает в себя вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, а также в совершение антисоциальных действий. Кроме того, к числу указанных противоправных действий относится розничная продажа алкогольной продукции лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста. Наконец, уголовно наказуемым признается неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего [20]. Совершение данных деяний сопряжено с формированием специфической правовой конструкции, в рамках которой виновное лицо может быть привлечено к ответственности. Исследование, посвященное области правонарушений, связанных с несовершеннолетними, способствует более глубокому пониманию юридических особенностей и механизмов привлечения виновных к ответственности [13, с. 327].

Особый исследовательский интерес представляет категория преступлений, посягающих на институт семьи. Специфика данных посягательств обусловлена не только их направленностью против конкретного индивида, но и на благополучие семьи как целостной системы, ее интегральность и стабильность. постижение сущностных характеристик данных преступлений заключается в анализе их типологии, а также в изучении системы привлечения к ответственности субъектов, виновных в их совершении. Анализ специфических черт данной группы противоправных действий предполагает углубленное изучение сущностных характеристик каждого из видов преступлений, посягающих на семейные ценности. Рассмотрение вопроса о том, каким образом формируется механизм ответственности за совершение данных посягательств, имеет принципиальное значение для понимания всей системы уголовно-правовой охраны семьи. Перечень преступлений, посягающих на институт семьи, закреплён в Уголовном кодексе Российской Федерации и включает в себя ряд составов, за совершение

которых предусмотрены соответствующие меры ответственности и уголовные санкции. В частности, статья 153 УК РФ устанавливает ответственность за подмену ребенка. Противозаконные действия, связанные с усыновлением или удочерением, криминализированы статьей 154 УК РФ. Статья 155 УК РФ предусматривает ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения). Наконец, статья 157 УК РФ регламентирует ответственность за уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей [20]. Преступления, посягающие на семейные отношения, обладают особой значимостью в системе уголовно-правового воздействия. Процедурные особенности совершения преступного деяния детерминируют возможность и меру ответственности, к которой может быть привлечено виновное лицо. Изучение данных обстоятельств предоставляет возможность выявить правовые средства и механизмы привлечения к ответственности, уяснить специфику такого привлечения, а также порядок нормативно-правовой фиксации основных мер ответственности в данной области [4, с. 99]. Формализованный порядок совершения преступления в дальнейшем будет обуславливать конкретные формы и методы привлечения виновного к ответственности.

Исследование преступления, заключающегося в неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, основывается на установлении юридической специфики состава данного деяния, а также юридических форм привлечения виновных лиц к ответственности. Система правонарушений и наказаний за их совершение в Российской Федерации находится в процессе динамичного развития и совершенствования. Эффективное законодательное регулирование в указанной сфере, безусловно, способствовало бы надлежащей регламентации отношений, связанных с нарушением правовых предписаний, и последующему привлечению виновных к ответственности. Органы государственной власти и их уполномоченные должностные лица призваны осуществлять деятельность по применению мер ответственности к нарушителям в установленном порядке [15, с. 29].

Анализ особенностей вины и процедуры ее установления при совершении конкретного противоправного деяния предполагает дифференциацию вины на две основные категории. В доктрине и юридической науке, равно как и в любой отрасли права, предусматривающей ответственность за совершение деликтов, вина может проявляться в форме умысла или неосторожности. Исследование особенностей указанных форм вины позволяет установить ее дальнейшие характеристики как необходимого элемента субъективной стороны состава правонарушения. Понимание всего спектра возможных форм вины является ключом к всестороннему и полному анализу субъективной стороны правонарушения [19, с. 252]. Детальное изучение всех потенциальных форм вины является необходимым условием для исчерпывающего и всестороннего анализа субъективной стороны правонарушения. При наличии прямого умысла лицо желает наступления негативных последствий в результате совершения противоправного деяния. Прямой умысел отражает специфический волевой аспект поведения субъекта, при котором он целенаправленно совершает преступление. Наличие прямого умысла обуславливает возможность привлечения лица

к ответственности и предопределяет применение наиболее строгих мер государственного принуждения. Прямой умысел, в основном, определяет характер привлечения виновного к ответственности в процессе исследования обстоятельств совершения им противозаконного деяния и его отношения к содеянному [10, с. 151].

Изучение зарубежного опыта противодействия насильственным преступлениям в семейной сфере является неотъемлемым компонентом настоящего исследования. Противодействие насилию в семье осуществляется не только в Российской Федерации, но и во множестве иных государств, предпринимающих активные меры по его превенции. В настоящее время данная проблема носит глобальный характер, в связи с чем противодействие семейному насилию обеспечивается усилиями целого ряда государств [12, с. 201]. Анализ зарубежного опыта противодействия насилию в семье позволит сформулировать ряд тезисов, касающихся обеспечения подобного противодействия на международном уровне. Кроме того, опыт зарубежных стран в данной сфере представляет интерес с точки зрения потенциальной имплементации некоторых положений, касающихся противодействия рассматриваемому виду преступлений, в российскую правоприменительную практику [5, с. 18]. Изучение опыта иных государств, в которых остро стоит проблема насилия в семье, может послужить импульсом для развития системы противодействия ему в России.

Обращаясь к анализу зарубежного опыта в области уголовно-правового регулирования преступлений, совершаемых в отношении членов семьи, необходимо отметить ряд примечательных законодательных решений. В частности, Уголовный кодекс Литовской Республики устанавливает повышенную ответственность для лиц, совершивших убийство близкого родственника. Данная нормативная установка способствует расширению сферы ответственности за совершение подобного рода общественно опасных деяний. Уголовное законодательство Государства Израиль предусматривает возможность увеличения меры наказания в двукратном размере в тех случаях, когда преступное деяние было направлено против члена семьи. Данная мера представляет собой действенный правовой инструмент, способствующий усилению системы превенции семейного насилия, поскольку несет в себе угрозу назначения более сурового наказания виновному субъекту [8].

В уголовно-правовых нормах Японии в качестве самостоятельного состава преступления выделяется убийство родственника по прямой восходящей линии. Примечательно, что уголовное право Японии особо выделяет убийство родственника по прямой восходящей линии супруга или супруги, что представляет собой весьма оригинальный подход к формированию системы противодействия насилию в семье в стране [9, с. 71].

Канада демонстрирует передовой опыт в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в семье, поскольку в настоящее время ее система предупреждения подобных правонарушений является одной из наиболее развитых в мировом масштабе. На федеральном уровне в Канаде была разработана и внедрена система экстренного реагирования на сообщения о фактах проявления насилия в семье в отношении родственников или лиц, состоящих в фактических брачных отношениях. Суть системы

заключается в оснащении жилых помещений, где ранее были зафиксированы случаи насилия в семье, специальными устройствами – тревожными кнопками, предоставляемыми на безвозмездной основе. Это обеспечивает возможность оперативного реагирования на малейшие признаки проявления агрессии. Внедрение подобного рода инновационных информационно-коммуникационных технологий позволяет сформировать эффективную систему реагирования на сообщения о потенциальных преступлениях, относящихся к категории семейного насилия. Опыт Канады формирует своего рода нормативно-правовой образец для восприятия и имплементации подобных практик в законодательство других стран и государств, ведущих борьбу с проявлениями насилия в семье.

Заслуживает внимания опыт Королевства Швеция в области противодействия насилию в семье как особому виду преступной деятельности. Преступления, сопряженные с проявлениями насилия в семейной сфере, отнесены к категории дел публичного обвинения. В рамках данной категории дел сотрудники полиции обязаны проводить предварительное расследование под руководством прокурора, при этом потерпевший не имеет права препятствовать процессуальному движению дела. Так, в отличие от законодательства Российской Федерации, в делах, связанных с насилием в семье, потерпевший не обладает правом отзыва поданного заявления. Данное положение отражает сущностные особенности и природу рассматриваемого вида преступлений, а также позицию государственных органов Швеции в отношении системы противодействия насилию в семье в масштабах всего государства [18, с. 131].

Одной из фундаментальных задач международного уголовного права является обеспечение глобального правопорядка. Достижение подобного всеобъемлющего правопорядка на современном этапе представляется задачей высокой степени сложности. Вместе с тем представляется реалистичным налаживание системы эффективного взаимодействия между государствами, а также инкорпорация в национальное законодательство стран соответствующих положений международного уголовного права. Данный аспект в значительной степени обуславливает тот факт, что международное уголовное право формирует своего рода базис для последующей реализации правовых норм в законодательстве различных государств.

Проблема правовой культуры российского общества находит свое отражение в уровне правового сознания граждан. Ввиду того, что данный уровень, по экспертным оценкам, находится ниже среднестатистических показателей, определение специфических черт российской правовой культуры представляется весьма сложной задачей. Именно поэтому нормативное закрепление сущности правовой культуры выступает тем фактором, который оказывает непосредственное влияние на определение особенностей правовой культуры и ее воздействия на современные общественные отношения. Правовое сознание в России, подобно многим другим элементам, изучаемым наукой теории государства и права, относится к теоретическим аспектам понимания права и его влияния на жизнедеятельность индивида, общества и государства. Несомненно, именно посредством надлежащего развития правосознания и его влияния на конкретные сферы общественных отношений возможно достижение более стабильного пра-

вового регулирования данной области с позиций российского права. В современных условиях значимость правосознания настолько велика, что невозможно представить государство и взаимоотношения граждан без концепта права, без определенных взаимосвязей с правом и без правового сознания [14, с. 98].

Анализ официальных статистических данных свидетельствует о постепенном снижении показателей насильственной преступности в настоящее время. Вместе с тем существует вероятность того, что под влиянием негативных социально-экономических факторов в стране возрастает риск увеличения случаев насилия в семье. В этой связи представляется рациональным проведение реформирования законодательства в части, касающейся норм по противодействию насилию в семье.

Заключение

На основе всестороннего изучения доктринальных подходов, нормативно-правовой базы и материалов судебной практики, *во-первых*, установлена двойственная природа рассматриваемых преступлений, выражающаяся в посягательстве как на общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование семьи как социального института, так и на личные неимущественные права несовершеннолетних, гарантирующие их полноценное физическое, психическое и нравственное развитие; *во-вторых*, выявлены специфические признаки, характеризующие данные деяния: особый субъект преступления в ряде случаев (родители, опекуны, попечители, иные лица, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего), специфический объект посягательства (интересы семьи, права и законные интересы несовершеннолетних), преимущественно умышленная форма вины, а также высокая степень общественной опасности, обусловленная причинением вреда не только конкретному потерпевшему, но и обществу в целом.

Компаративный анализ зарубежного опыта противодействия семейному насилию продемонстрировал наличие разнообразных подходов к криминализации данных деяний и формированию системы превентивных мер. Изучение законодательств Литвы, Японии, Израиля, Канады и Швеции позволило выявить прогрессивные правовые механизмы, которые могут быть рецепированы в российскую правовую систему с учетом ее специфики. В частности, заслуживает внимания опыт Канады по внедрению системы немедленного реагирования на сообщения о домашнем насилии посредством использования тревожных кнопок, а также опыт Швеции по отнесению дел о домашнем насилии к категории публичного обвинения.

Анализ состояния правовой культуры и правового сознания в российском обществе свидетельствует о необходимости повышения уровня правовой грамотности населения, формирования нетерпимого отношения к любым проявлениям насилия в семье, а также совершенствования механизмов защиты прав и законных интересов потерпевших.

В целях оптимизации уголовно-правовой охраны семьи и детства, а также повышения эффективности противодействия рассматриваемым преступлениям, предлагается:

– скорректировать пункт «а» части 2 ст. 110 УК РФ, изложив его в следующей редакции: «в отношении близкого родственника, несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного». Данная новелла позволит расширить круг потерпевших и усилить уголовную ответственность за доведение до самоубийства лиц, находящихся в уязвимом положении;

– дополнить ст. 116 УК РФ примечанием, содержащим дефиницию «близких лиц» для целей данной статьи. Предлагается следующее определение: «Под близкими лицами в настоящей статье понимаются близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекуны, попечители, а также лица, ведущие с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, общее хозяйство». Это нововведение позволит обеспечить единообразное толкование понятия «близкие лица» в контексте уголовно-правовой охраны семьи;

– установить административную ответственность за совершение в жилом помещении действий, нарушающих покой граждан и выражающихся в создании шума, нецензурной брани, оскорбительном поведении в отношении совместно проживающих родственников и членов семьи. Данная мера превентивного характера позволит предупредить эскалацию конфликтов и предотвратить совершение более тяжких преступлений против семьи.

Реализация предложенных мер будет способствовать укреплению института семьи, защите прав и законных интересов несовершеннолетних, снижению уровня латентной преступности в рассматриваемой сфере, а также повышению эффективности функционирования всей системы уголовной юстиции.

Список литературы

1. **Андрященко М. В.** Генезис криминализации домашнего насилия // Криминология в условия трансформационных процессов: национальный и международный аспекты. 2018. № 1. С. 89 – 95.
2. **Архипова А. С.** Международный опыт противодействия семейному насилию // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 7. С. 234 – 237.
3. **Вдовенков В., Широков В.** Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: криминологический анализ и пределы уголовной ответственности // Российская юстиция. 2021. № 12. С. 90 – 98.
4. **Верховский А. М.** Антиэкстремистское законодательство и злоупотребления при его применении // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2017 году: сб. ежегод. докл. информ.-аналит. центра «Сова». М., 2017. С. 97 – 100.
5. **Гертель Е. В.** Виды психического насилия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3(46). С. 16 – 20.
6. **Даньшин И. Н.** Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М.: Юрид. лит., 1973. 200 с.
7. **Девятковская С. В.** Физическое или психическое насилие как составляющие принуждения // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 4(77). С. 40 – 45.

8. **Закон** об уголовном праве Израиля. URL: <https://constitutions.ru/?p=11071> (дата обращения 22.01.2025).
9. **Келлог Н. Д.** Сексуальное насилие // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2015. № 6. С. 62 – 79.
10. **Киселев А. П.** Использование психологических знаний при расследовании убийств, совершенных на бытовой почве // Российский психологический журнал. 2014. № 4. С. 146 – 159.
11. **Матвеева Т. Д.** Международное право: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 438 с.
12. **Меркушев А.** Практика рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Российская юстиция. 2021. № 6. С. 200 – 202.
13. **Международное уголовное право:** учебник для вузов / А. В. Наумов, А. Г. Кибальник, В. Н. Орлов, П. В. Волосюк; под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 509 с.
14. **Наумов А. В.** Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М.: Волтерс Клувер, 2005. 926 с.
15. **Носенко Л. И.** Некоторые аспекты защиты имущественных прав несовершеннолетних граждан в судебном порядке // Гражданское право и процесс. 2020. № 3. С. 27 – 31.
16. **Пудовочкин Ю. Е.** Ювенальное уголовное право: понятие, структура, источники // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 19 – 27.
17. **Путин:** Россия и меняющийся мир. 27.02.2012. URL: https://er.ru/activity/news/putin-rossiya-i-menyayushijisya-mir_76109 (дата обращения: 22.01.2025).
18. **Саламова С. Я.** Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex Russica. 2018. № 9(142). С. 129 – 138.
19. **Тагирова М. И.** Виды домашнего насилия в Российской Федерации и его последствия // Молодежь и будущее: управление экономикой и социумом. 2020. № 1. С. 250 – 253.
20. **Уголовный кодекс** Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=m55b9y5jofl70685878 (дата обращения 22.01.2025)

References

1. **Andriyashchenko M.V.** [Genesis of the criminalization of domestic violence], *Kriminologiya v usloviya transformatsionnykh protsessov: natsional'nyy i mezhdunarodnyy aspekty* [Criminology in the context of transformation processes: national and international aspects], 2018, no. 1, pp. 89-95. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Arkhipova A.S.** [International experience in combating domestic violence], *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*. [International journal of humanitarian and natural sciences], 2018, no. 7, pp. 234-237. (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Vdovenkov V., Shirokov V.** [Failure to fulfill duties to raise a minor: criminological analysis and the limits of criminal liability], *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2021. no. 12, pp. 90-98. (In Russ., abstract in Eng.)
4. **Verkhovsky A.M.** [Anti-extremist legislation and abuses in its application], *Ksenofobiya, svoboda sovesti i antiekstremizm v Rossii v 2017 godu: sb. yezhegod. dokl. inform.-analit. tsentra "Sova"* [Xenophobia, freedom of conscience and anti-extremism in Russia in 2017], Moscow, 2017, pp. 97-100. (In Russ.)

5. **Gertel E.V.** [Types of mental violence], *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2012, no. 3(46), pp. 16-20. (In Russ., abstract in Eng.)
6. **Danshin I.N.** *Ugolovno-pravovaya okhrana obshchestvennogo poryadka* [Criminal-legal protection of public order], Moscow: Yurid. lit., 1973, 200 p. (In Russ.)
7. **Devyatovskaya S.V.** [Physical or mental violence as components of coercion], *Yurist-Pravoved* [Jurist-Pravoved], 2016, no. 4(77), pp. 40-45. (In Russ., abstract in Eng.)
8. **The Criminal Law of Israel.** available at: <https://constitutions.ru/?p=11071> (accessed 22 January 2025).
9. **Kellogg N.D.** [Sexual violence], *Reproduktivnoye zdorov'ye detey i podrostkov* [Reproductive health of children and adolescents], 2015, no. 6, pp. 62-79. (In Russ., abstract in Eng.)
10. **Kiselev A.P.** [Use of psychological knowledge in the investigation of murders committed on domestic grounds], *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2014, no. 4, pp. 146-159. (In Russ., abstract in Eng.)
11. **Matveeva T.D.** *Mezhdunarodnoye pravo: uchebnik dlya vuzov* [International law: a textbook for universities], Moscow: Yurait, 2022, 438 p. (In Russ.)
12. **Merkushev A.** [Practice of considering criminal cases against minors], *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2021, no. 6, pp. 200-202. (In Russ., abstract in Eng.)
13. **Naumov A.V., Kibalnik A.G., Orlov V.N., Volosyuk P.V.; Naumov A.V., Kibalnik A.G. (Eds.).** *Mezhdunarodnoye ugolovnoye pravo: uchebnik dlya vuzov* [International Criminal Law: textbook for universities], Moscow: Yurait, 2022. 509 p. (In Russ.)
14. **Naumov A.V.** *Praktika primeneniya Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: kommentariy sudebnoy praktiki i doktrinal'noye tolkovaniye* [Practice of applying the Criminal Code of the Russian Federation: commentary on judicial practice and doctrinal interpretation], Moscow: Wolters Kluwer, 2005, 926 p. (In Russ.)
15. **Nosenko L.I.** [Some aspects of the protection of property rights of minors in court], *Grazhdanskoye pravo i protsess*. [Civil law and process], 2020, no. 3, pp. 27-31. (In Russ., abstract in Eng.)
16. **Pudovochkin Yu.E.** [Juvenile criminal law: concept, structure, sources], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 3, pp. 19-27. (In Russ., abstract in Eng.)
17. **Putin: Russia and the changing world.** 27.02.2012. available at: https://er.ru/activity/news/putin-rossiya-i-menyayushisya-mir_76109 (accessed 22 January 2025).
18. **Salamova S.Ya.** [Domestic violence in modern Russia: general characteristics], *Lex Russica*, 2018, no. 9(142), pp. 129-138. (In Russ., abstract in Eng.)
19. **Tagirova M.I.** [Types of domestic violence in the Russian Federation and its consequences], *Molodezh' i budushcheye: upravleniye ekonomikoy i sotsiumom* [Youth and the Future: Management of the Economy and Society], 2020, no. 1, pp. 250-253. (In Russ., abstract in Eng.)
20. **[Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 08.01.2025)].** available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=m55b9y5jof170685878 (accessed 22 January 2025).

Domestic Violence and Crimes Against Minors: Challenges and Prospects for Reforming Criminal Legislation

Z. Kh. Kochesokova, *Cand. Sci. (Economics), Associate Professor,
Department of Special Disciplines,
North-Caucasion Institute of Advanced Qualification Upgrading Employees
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Nalchik, Russia; zalina-solnce@mail.ru*

The article is devoted to a comprehensive study of crimes that infringe on the institutions of the family and minors, in the context of modern Russian legislation and taking into account foreign experience. The author analyzes in detail the legal nature of these acts, their social danger, as well as the system of punishments provided for their commission. The study reveals doctrinal approaches to defining the concept of "crimes against the family and minors", identifies their key features, such as formal certainty and intentional nature. Specific types of crimes provided for in Articles 150-157 of Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered, including the involvement of a minor in criminal activity, failure to fulfill parental responsibilities, substitution of a child, illegal adoption and others. A comparative legal analysis of Russian legislation with the norms in force in Lithuania, Japan, Israel, Canada and Sweden is carried out in terms of combating domestic violence. The advantages and disadvantages of various approaches to solving this problem are revealed. Particular attention is paid to the issues of guilt, intent and negligence in committing crimes against the family and minors. The author also touches upon the problem of the influence of legal culture and legal consciousness of Russian society on the level of crime in this area, noting its low level.

Keywords: crimes against the family; crimes against minors; domestic violence; criminal liability; criminal punishment; imprisonment; legal nature; elements of a crime; public danger; guilt; intent; negligence; legal consciousness; legal culture; foreign experience; Criminal Code of the Russian Federation; legislation; reform; administrative liability; domestic hooliganism.

© 3. X. Кочесокова, 2025

Статья поступила в редакцию 07.01.2025

При цитировании использовать:

Кочесокова 3. X. Семейное насилие и преступления против несовершеннолетних: вызовы и перспективы реформирования уголовного законодательства // *Право: история и современность*. 2025. Т. 9, № 1. С. 91 – 102. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.091-102

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Эдуард Николаевич Лыков, канд. филос. наук, доцент,
кафедра юридических дисциплин,
филиал ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный
университет» в г. Домодедово Московской области,
Домодедово, Россия; likedik@mail.ru

Алексей Иванович Бельский, канд. юрид. наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России
имени И. Д. Путилина», Белгород, Россия; sembel77@yandex.ru

В статье обсуждается актуальность темы жестокого обращения с животными. Человек и животное всегда были тесно связаны во всех сферах жизни общества и, к сожалению, встречаются случаи применения насилия и жестокого обращения. Проблема в правовой регламентации жестокого обращения с животными долгие годы является сложной и спорной для уголовного права как Российской Федерации, так и зарубежных стран. До сих пор не существует единой точки зрения, касаемо вопросов квалификации таких преступлений, что порождает проблему в назначении наказания за совершенное деяние. Сформулированы предложения по совершенствованию конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ.

Ключевые слова: животные; жестокое обращение; закон; несовершеннолетние; общество; преступление; садистские методы; физическая боль.

Введение

Что толкает людей к жестокому обращению с животными? Сложный и многогранный вопрос, который требует глубокого и разностороннего изучения личностей, которые допустили подобные поступки. Жестокость, в целом, берет свое начало в социальных, культурных и психологических аспектах, оказывающих влияние на развитие личности и ее поведение в обществе. К сожалению, не все люди способны проявлять эмпатию, быть заботливыми и бережно относиться к представителям животного мира. Не все способны понимать, какие они чувства испытывают, не могут отдавать себе отчет во время буйства эмоций и приливов агрессии. Во время кратковременного или длительного психологического (эмоционального) расстройства допускают случаи жестокого обращения с животными. Дело может быть и в том, что в момент прилива негативных эмоций и затуманенного разума, человек перестает воспринимать животных как живых существ, способных чувствовать боль и испытывать страдания. Животное в такие моменты является лишь объектом, на который можно выплеснуть агрессию и злость [3, с. 354].

С другой стороны, огромный вклад в образование личности вносит культура. Были времена, когда животные представляли собой определенный способ достижения целей. Например, это может быть добыча пищи,

способ досуга и развлечений и другие причины причинять им боль и смерть. До сих пор встречаются факты браконьерства, жестокие эксперименты над животными, истребление отдельных видов и представителей... Все это ужасно, и требует немедленного искоренения, виновные за жестокое обращение с животными должны быть наказаны по всей строгости, а случаи латентности таких преступлений должны быть сведены к минимуму.

Обсуждение

На сегодняшний день активно развивается и совершенствуется законодательство. Этот непрерывный процесс изменений и дополнений необходим для того, чтобы своевременно пресекать и не допускать совершения преступлений. Все страны мира постоянно пересматривают законодательные нормы, а ученые-правоведы проводят множество дискуссий и вносят предложения по изменению действующего законодательства. Вопрос защиты животных является общим делом всех стран мира. Сохранение популяций, отдельных видов, регулирование вопросов содержания представителей животного мира и многие другие вопросы – общая мировая задача. Государственная политика нашей страны уделяет большое внимание вопросам защиты животных, что отражают нормы действующей Конституции Российской Федерации, ведь сохранение природы и окружающей среды является основой будущего. От того, какой мы сохраним нашу природу, будет зависеть уровень жизни в дальнейшем. В этой связи был разработан Федеральный закон «О животном мире». Животные, равно как и человек, могут испытывать физическую боль и страдания, следовательно, преступления против животных должны наказываться по всей строгости. Более того, издевательства над животными способны порождать еще большую агрессию и нести ее в массы [4].

Преступления, связанные с жестоким обращением с животными, относятся к преступлениям против общественной нравственности. К такому мнению законодатель пришел исходя из анализа общепринятых норм гуманных взаимоотношений людей друг к другу и природе в целом. Акты жестокого обращения наносят вред не только объекту преступного посягательства, но и разрушают личность преступника, а также ранят чувства свидетелей, накладывают негативный отпечаток на их психику. Публичная демонстрация жестокого обращения с животными имеет очень опасные и разрушительные последствия для общества. Каждый человек, в силу своего возраста, психических особенностей и многих других факторов, воспринимает увиденное по-разному. Для одних это может стать побуждением к агрессии, вседозволенности и безнаказанности, а для других стать травмой на всю жизнь и ошибочным восприятием действительности.

Факультативным объектом данного вида преступлений можно считать здоровье населения, непосредственным – взаимоотношение человека и представителей животного мира с позиции морали и нравственности.

Объективная сторона преступления основывается на материальном составе, который может выражаться в виде нанесения телесных повреждений, причинения мучительной смерти разными способами, стравливания животных, истязания и других действий или бездействий преступника. В данном случае примерами бездействия человека, которые приводят к гибели или приносят вред здоровью, страдания животному, можно отне-

сти: лишение пищи и воды, содержание животного в непригодных для него условиях (в зависимости от конкретного вида животного), неоказание необходимой ветеринарной помощи и др.

Наказуемое бездействие лица возникает только в случае, когда оно может своими действиями предотвратить наступление опасных для животного последствий. Такими последствиями принято считать гибель животного или нанесение ему серьезного увечья в виде утраты жизненно важного органа, или нарушение функционирования такого органа и другие опасные повреждения частей тела животного, без которых оно уже не сможет жить нормальной жизнью.

Что касается субъекта преступления, то уголовная ответственность за такие деяния наступает по общему правилу по достижении шестнадцатилетнего возраста. Вопрос возраста наступления уголовной ответственности за проявление жестокости к животным не теряет актуальности в связи с участвовавшими случаями ее проявления у подростков.

Субъективную сторону жестокого обращения с животными представляет вину в форме умысла. Это может быть совершение из хулиганских побуждений, в корыстных целях или же просто с целью посмотреть на мучения и страдания невинного животного.

У хулиганских побуждений тоже могут быть свои цели, и они достаточно разные по своей направленности. Бывают случаи, когда преступник вовсе не желает причинять боль и страдания животному, но путем его избиения или причинения ему смерти хочет выразить неуважение к обществу, оскорбить общепринятые моральные нормы поведения, выразить какой-либо протест, в открытую продемонстрировать свое превосходство и физическую силу, уstrasшить свидетелей и другие антиобщественные цели.

В корыстных побуждениях присутствует материальный интерес. Таким путем преступник либо хочет освободить себя от финансовых обязательств, например по содержанию животного, или наоборот обогатиться путем продажи его шкуры или других биоматериалов.

В некоторых странах совместно с назначением наказания за преступления, связанные с жестоким обращением с животными, накладывают запрет на дальнейшее их приобретение и содержание. Справедливо ввести такой запрет и в нашей стране, чтобы преступник не совершил повторно акты такой жестокости, а наличие, к примеру, домашнего животного рядом будет невольно напоминать ему о содеянном и может спровоцировать антиобщественное поведение вновь.

Не перестает быть актуальным вопрос отстреливания бездомных собак, который носит массу нарушений законодательства и признается жестоким обращением с животными. Дело в том, что заключаются договоры с частными фирмами, которые занимаются отловом или отстрелом бездомных животных. Зачастую никто не проверяет гуманность действий этих фирм по отношению к животным. Они используют некачественные препараты для эвтаназии или используют огнестрельное оружие. Эти способы часто приносят долгую и мучительную смерть животному, что противоречит гуманному отношению к ним. Действия таких лиц можно рассматривать как действия специального субъекта, который выполняет свои профессиональные обязанности с особой жестокостью. Также термин «особая жестокость» справедливо применять к ветеринарным врачам, которые проводят лечение животных без использования обезболивающих

препаратов. Любые серьезные вмешательства в организм животного, которые сопровождаются физической болью, должны проводиться с использованием подходящего вида обезболивающих препаратов. Игнорирование данной процедуры приравнивается к намеренному причинению боли и страданий животному.

На сегодняшний день в рамках существующего уголовного законодательства ст. 245 УК РФ предусматривается ответственность за жестокое обращение с животными. Помимо этого, во многих регионах за отдельные правонарушения, которые касаются жестокого обращения с животными, предусмотрена административная ответственность с учетом специфики региона, где норма распространяет свое действие [5]. Необходимо подробнее рассмотреть региональные нормы и расширить их действия в рамках федерального законодательства [8].

Дискуссионным остается вопрос предмета, когда речь заходит о жестоким обращении с животными. На сегодняшний день законодательно не закреплён исчерпывающий перечень видов животных, за жестокое обращение с которыми наступает уголовная ответственность. Это очень усложняет правоприменительную практику, вызывает множество споров и дискуссий, создает тупиковые ситуации и допускает случаи безнаказанного издевательства над животными, а хуже всего – причинение им смерти. Это порождает вседозволенность, развивает агрессию и жестокость у людей. Ученые-правоведы долгие годы пытаются прийти к единому мнению по поводу определения видов животных, за жестокое обращение с которыми следует применять уголовное наказание, но их мнения расходятся [6]. Это очень тормозит процесс совершенствования законодательства и ставит под угрозу представителей животного мира. Считаем необходимым как можно быстрее закрепить перечень видов животных и сделать его как можно шире.

Среди множества версий можно выделить два основных мнения, которых придерживается достаточно широкий круг специалистов.

Одна группа ученых считает, что необходимо включить в понятие «животные» лишь позвоночных существ. Среди них будут млекопитающие, птицы и другие высшие позвоночные существа. Что касается рыб, насекомых, пресмыкающихся и других мелких беспозвоночных существ, то эта группа ученых-правоведов не считает необходимым вводить уголовную ответственность за жестокое обращение с этими живыми существами. Другая группа ученых, которые пытаются определиться с единым понятием, считает, что необходимо включить в понятие «животные» абсолютно всех живых существ, которые могут испытывать физическую боль и страдания. Думаем многие согласятся, что мнение этой группы ученых наиболее гуманно и разумно, так как человеческая агрессия, направленная на незащищенное животное должна быть наказана, и не важно к какому виду или подвиду это животное относится. Более того, все животные являются участниками пищевых цепочек и вносят вклад в природу и окружающую среду. Исчезновение хотя бы одного из видов животных может привести к непоправимым последствиям.

Федеральный закон от 24.04.1995 г. № 52 «О животном мире» требует включения в него понятия «животные», чтобы предметно рассматривать нормы, которые в нем отражены. Данный закон разъясняет лишь несколь-

ко понятий животных. Например, в нем находят отражение следующие понятия: дикие животные; животные, содержащиеся в неволе; животные, изъятые из среды обитания; домашние животные. Этого недостаточно для регулирования и защиты животных от жестокого обращения.

Несмотря на то что данный закон целиком и полностью посвящен защите прав животных, точного ответа, на какие именно животные он распространяется, – нет. Отсюда вытекает проблема его правоприменения [1].

Еще одним дискуссионным вопросом является то, что ответственность за жестокое обращение с животными наступает только в случае, если имела место жестокость, которая является главным признаком объективной стороны преступления. Вышеупомянутый закон перечисляет действия, применение которых недопустимо в отношении представителей животного мира, например, такие как проведение каких-либо медицинских вмешательств, которые причиняют сильную физическую боль животному, без использования обезболивающих средств; стравливание разных видов животных; организация зрелищных мероприятий (собачьи бои, петушинные бои) и прочие действия, которые причиняют страдания животным, увечья и смерть [10].

Множество дискуссий происходят на тему того, какое же именно поведение человека по отношению к животному является жестоким обращением с ним. В этой связи необходимо законодательно закрепить исчерпывающий перечень допустимых действий человека по отношению к представителям животного мира, а все остальное считать жестоким обращением с ними. Такое строгое законодательное определение поведения человека в отношении представителей животного мира позволит повысить ответственность в обществе, свести к минимуму случаи физического насилия и издевательств, повысить уровень нравственности и самосознания.

В литературных источниках жестокое обращение с животными описывается такими действиями, как регулярное нанесение животному физического вреда, сопряженного с физической болью; проведение научных опытов; умышленные наезды автотранспорта на животных; дрессировка с использованием методов физического насилия и избиения; использование запрещенных предметов и орудий для охоты и рыбалки.

Необходимо разграничить степень ответственности в зависимости от тяжести последствий жестокого обращения. Если в результате действия (или бездействия) человека, наступила смерть животного, то это говорит о более высоком уровне опасности совершенного поступка, следовательно, виновный заслуживает более строгого наказания. Это позволит привлекать виновных к ответственности и за создание угрозы увечью, и за наступление смерти животного [9].

Важным вопросом, требующим особого внимания, необходимо считать жестокое обращение с животными в присутствии малолетнего. Данные действия доставляют детям нравственные страдания, а также могут повлечь наступление психологических отклонений и травм, стать причиной развития тяги к насилию и жестокости в дальнейшем. Учитывая повышенную общественную опасность и более серьезные последствия, следует внести изменение с указанием на то, что виновный осознает возраст ребенка, который стал свидетелем жестокого обращения с животными, для того чтобы избежать объективного вменения [7].

Термин «садистские методы», который использует законодатель в п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ, не всегда находит единое отражение в понимании. Понятие «садистские методы» в различных литературных источниках очень широкое и применяется ко многим видам издевательств над живыми существами. Каждый автор, ученый-правовед трактует понятие «садизм» достаточно субъективно, что способствует затруднению в формировании у общества единого понятия, какие же действия могут с точностью быть названы садистскими. В этой связи необходимо заменить понятие «садистские методы» на более понятный в современном обществе термин «особая жестокость» [2].

Из-за того что сеть Интернет стала неотъемлемой частью жизни современного человека, доступ к которому есть также у несовершеннолетних лиц с различными психическими отклонениями и заболеваниями центральной нервной системы, целесообразно было введение п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ. Нередко на просторах Интернета в свободном доступе находятся видеоролики, на которых запечатлены кадры жестокого обращения с животными, причинения им боли и страданий. Такие кадры могут травмировать психику человека, принести ему нравственные страдания, побудить к совершению подобных деяний и привести к другим опасным последствиям. Именно поэтому фото- и видеосъемку жестокого обращения с животными законодатель счел необходимым квалифицировать как отягчающий фактор.

В последние годы прослеживается тенденция увеличения совершения подобных преступлений именно подростками, которые проявляют акты особой жестокости в отношении животных, снимают фото и видео для размещения в социальных сетях, и из-за недостижения ими возраста наступления уголовной ответственности избегают наказания. Считаем необходимым понизить этот возраст до 14 лет, так как подростки, проявляющие такую жестокость в отношении животных, в дальнейшем могут применить ее и к людям.

Заключение

Подводя итог, очевидно, что перед законодателем остается актуальным целый ряд приоритетных проблем, касающихся жестокого обращения с животными. Необходимо непрерывно вносить изменения в действующее законодательство для того, чтобы акты издеательства над представителями животного мира сокращались, а природа существовала в гармонии с человеком.

Таким образом, необходимо рассмотреть внесение изменений и корректировок в действующее законодательство:

- в связи с тем, что число несовершеннолетних, которые применяли жестокость и насилие по отношению к животным, не сокращается, необходимо снизить возраст наступления уголовной ответственности до 14 лет, путем включения ст. 245 УК РФ в перечень ч. 2 ст. 20 УК РФ;
- на законодательном уровне закрепить понятие «животные» и их исчерпывающий перечень;
- заменить литературный термин «садистские методы» на термин «особая жестокость» в п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ.

– совместно с назначением наказания за жестокое обращение с животными установить запрет на дальнейшее их приобретение и содержание;

– ввести в программу образовательных учреждений различного уровня предметы, направленные на профилактику жестокого обращения с животными и пропаганду сохранения и защиты окружающей среды.

Список литературы

1. **Горохов Д. Б.** Проблема качества и эффективности применения Закона об ответственном обращении с животными // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 153 – 171.
2. **Карпов А. А., Никулина О. А., Головкин Р. Б.** К вопросу об особенностях уголовно-правового регулирования ответственности за жестокое обращение с животными // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2021. № 4. С. 144 – 154.
3. **Кочои С. М.** Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс. М.: Волтерс Клувер, 2010. 397 с.
4. **Левитанус Б. А., Орлова О. Ю.** Проблемы правоприменительной практики в сфере жестокого обращения с животными // Управленческое консультирование. 2014. № 2(62). С. 55 – 60.
5. **Осокин Р. Б.** Отграничение жестокого обращения с животными от преступлений и правонарушений, смежных по составу // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 23 – 29.
6. **Свиридов Р. В.** Жестокое обращение с животными: уголовно-правовая квалификация и отграничение от иных правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2019. 26 с.
7. **Семенов К. П.** Жестокое обращение с животными с применением садистских методов, или в присутствии малолетних: критический взгляд на альтернативно-обязательные условия, характеризующие объективную сторону преступления // Уголовное право и криминология. 2016. № 5. С. 45 – 49.
8. **Уголовное право Российской Федерации.** Особенная часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М.: Проспект, 2020. 688 с.
9. **Шабалина М. А.** Проблемы квалификации жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ) // Уголовное право. 2020. № 6. С. 77 – 82.
10. **Шульгин А. А., Макаренко А. И.** Жестокое обращение с животными: уголовно-правовой аспект // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2021. № 7-1. С. 53 – 57.

References

1. **Gorokhov D.B.** [The problem of quality and efficiency of application of the Law on responsible treatment of animals], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2020, no. 4, pp. 153-171. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Karpov A.A., Nikulina O.A., Golovkin R.B.** [On the issue of the peculiarities of criminal-legal regulation of liability for cruelty to animals], *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia], 2021, no. 4, pp. 144-154. (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Kochoi S.M.** *Ugolovnoye pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti: kratkiy kurs*. [Criminal law. General and Special Parts: a short course], Moscow: Volters Kluver, 2010, 397 p. (In Russ.)
4. **Levitanus B.A., Orlova O.Yu.** [Problems of law enforcement practice in the field of cruelty to animals], *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye* [Management consulting], 2014, no. 2(62), pp. 55-60. (In Russ., abstract in Eng.)
5. **Osokin R.B.** [Distinction between cruel treatment of animals and crimes and offenses of related composition], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*

[Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 2, pp. 23-29. (In Russ., abstract in Eng.)

6. **Sviridov R.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, Moscow, 2019, 26 p. (In Russ.)

7. **Semenov K.P.** [Cruelty to animals using sadistic methods, or in the presence of minors: a critical look at the alternative mandatory conditions characterizing the objective side of the crime], *Ugolovnoye pravo i kriminologiya* [Criminal Law and Criminology], 2016, no. 5, pp. 45-49. (In Russ., abstract in Eng.)

8. **Zvecharovskiio I.E. (Ed.).** *Ugolovnoye pravo Rossiyskoy Federatsii. Osobennaya chast': uchebnyk* [Criminal Law of the Russian Federation. Special Part: textbook], Moscow: Prospekt, 2020, 688 p. (In Russ.)

9. **Shabalina M.A.** [Problems of qualification of cruel treatment of animals (Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation)], *Ugolovnoye pravo* [Criminal Law], 2020, no. 6, pp. 77-82. (In Russ., abstract in Eng.)

10. **Shul'gin A.A., Makarenko A.I.** [Cruelty to animals: criminal-legal aspect], *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii* [Public safety, legality and law and order in the III millennium], 2021, no. 7-1, pp. 53-57. (In Russ., abstract in Eng.)

Liability for Animal Cruelty in Criminal Law

E. N. Lykov, *Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor,
Department of Legal Disciplines, Branch of the Russian State University
for the Humanities in Domodedovo, Moscow Region, Domodedovo, Russia;
likedik@mail.ru*

A. I. Belsky, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Criminal Law Disciplines, Police Colonel,
Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation
named after I. D. Putilin, Belgorod, Russia;
sembel77@yandex.ru*

This article discusses the topic of cruelty to animals, which has not lost its relevance to this day. Man and animal have always been closely connected in all spheres of society and, unfortunately, there are cases of violence and cruelty. The problem of legal regulation of cruelty to animals has been complex and controversial for many years both for the criminal law of the Russian Federation and foreign countries. There is still no single point of view regarding the issues of qualification of such crimes, which gives rise to a problem in assigning punishment for the committed act.

Keywords: animals; cruelty; law; minors; society; crime; sadistic methods; physical pain.

© Э. Н. Лыков, А. И. Бельский, 2025

Статья поступила в редакцию 16.11.2024

При цитировании использовать:

Лыков Э. Н., Бельский А. И. Ответственность за жестокое обращение с животными в уголовном праве // *Право: история и современность*. 2025. Т. 9, № 1. С. 103 – 110. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.103-110

ТАКТИКА ОСМОТРА МЕСТ ПАДЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Владимир Анатольевич Попов, канд. юрид. наук, полковник полиции,
начальник кафедры криминалистики,
Рязанский филиал ФГКОУ ФО «Московский университет МВД
России имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия;
volpopov@mail.ru

Денис Валентинович Теткин, канд. юрид. наук, полковник полиции,
доцент кафедры уголовного процесса,
Рязанский филиал ФГКОУ ВО «Московский университет МВД
России имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия;
tyotkinden@mail.ru

Александр Алексеевич Рудавин, канд. юрид. наук, майор полиции,
доцент кафедры криминалистики,
Рязанский филиал ФГКОУ ВО «Московский университет МВД
России имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия;
aleksandr.rudavin@mail.ru

Эволюционное развитие цифровых технологий и роботизация большинства сфер человеческой деятельности оказало большое влияние на мировую авиацию, формируя новые виды воздушных судов и сценарии их применения. С началом специальной военной операции в значительной степени увеличилось количество процессуальных действий, связанных с осмотром мест падения беспилотных летательных аппаратов. Анализ протоколов следственных действий показывает, что действующие сотрудники правоохранительных органов не всегда имеют четкое представление о том, что представляют собой беспилотные летательные аппараты, какую конструкцию они могут иметь, какие их элементы являются объектами криминалистического интереса и что конкретно надо отразить в протоколе осмотра места происшествия. В связи с этим возникает необходимость обратиться к исследованию тактики осмотра мест падения беспилотных летательных аппаратов. Понимая широту и всеобъемлемость указанной проблемы, авторы остановились на исследовании алгоритма работы следователя на месте падения беспилотных летательных аппаратов.

Раскрыта следующая проблематика: особенности использования беспилотных летательных аппаратов в преступной деятельности и классификация следов на месте их обнаружения; типичные следственные ситуации, складывающиеся на начальном этапе расследования преступлений, связанных с использованием беспилотных летательных аппаратов; последовательность и особенности осмотра мест падения беспилотных летательных аппаратов.

Даны обобщенные рекомендации по осмотру, а также дальнейшему судебно-экспертному исследованию частей, фрагментов и грузов беспилотных летательных аппаратов, обнаруженных на месте происшествия.

Ключевые слова: осмотр места происшествия; беспилотный летательный аппарат; следы преступления; тактика следственных действий; судебная экспертиза.

Введение

За последние два века ученые познали больше тайн природы, чем за всю предыдущую историю человечества. В наши дни использование современных информационно-телекоммуникационных технологий, способных мгновенно передавать огромные объемы информации из одного конца мира в другой, уже не считается чем-то новым. Более того, благодаря своей доступности и техническим возможностям они нашли широкое применение не только в военной сфере, но и в повседневной жизни обычных граждан. Умные дома, пилотируемые искусственным интеллектом автомобили, роботы-курьеры и многое другое постепенно входит в нашу жизнь.

Бурное развитие цифровых технологий не обошло стороной и преступность. Существовая как социальное явление, преступность успешно освоила достижения технического прогресса, используя их в своих целях. По данным ряда исследователей, «из-за преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, человечество теряет около 1,25 % ВВП ежегодно, что отражается на торговых отношениях, развитии добросовестной конкуренции, прогрессе инноваций и росте экономики» [1, с. 54].

Основная часть

Одной из форм использования достижений технического прогресса в преступных целях, является применение беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА). В контексте напряженной геополитической обстановки, в которой сегодня находится наша страна, БПЛА чаще всего фигурируют применительно к военным действиям на территории бывшего постсоветского пространства, а также актам террористического характера. В то же время анализ научной литературы и правоприменительной практики позволяет утверждать, что БПЛА могут использоваться при совершении значительного числа иных преступных деяний, связанных с угрозой жизни и здоровью людей, незаконным оборотом оружия или наркотиков, хищением товарно-материальных ценностей, контрабандой, шпионажем, получением информации ограниченного доступа и т.д. Сюда же можно отнести действия, ставящие под угрозу жизнь и здоровье граждан, в связи с возможным нарушением правил движения воздушных судов, посягательством на безопасность объектов критической инфраструктуры и, как следствие, национальную безопасность в целом. Также возможно покушение на жизнь руководителей государств и высокопоставленных чиновников: «4 августа 2000 г. во время военного парада, проходящего в Каракасе, злоумышленники с помощью БПЛА, снаряженного самодельным взрывчатým устройством, совершили покушение на убийство венесуэльского президента Николаса Мадуро. 22 апреля 2015 г. на крышу резиденции премьер-министра Японии Синдзо Абэ приземлился беспилотный летательный аппарат, оснащенный радиоактивным веществом. Произошедшее квалифицировали как покушение на жизнь премьер-министра Японии» [2, с. 109].

Столь широкий спектр применения БПЛА в преступной деятельности объясняется, прежде всего, многими индивидуальными характеристиками, позволяющими использовать БПЛА в качестве инструментов и средств

совершения общеуголовных преступлений. К таким характеристикам относятся технические возможности БПЛА, которые наряду с малыми размерами, незаметностью, относительно невысокой ценой и доступностью позволяют выполнять следующие действия: осуществлять авиадоставку предметов, использование которых запрещено или ограничено законодательством; оснащать БПЛА каким-либо вооружением или высокоточным электронным оборудованием; вести удаленное управление БПЛА при отсутствии специальных навыков пилотирования; совершать действия широкого профиля, способные вызвать значительные разрушения инфраструктуры либо угрожать жизни и здоровью граждан.

Несмотря на, казалось бы, актуальность и популярность рассматриваемой проблематики, отметим отсутствие узкоспециализированной отечественной литературы, в которой бы БПЛА рассматривались с позиции средства или орудия совершения общеуголовных преступлений. Исключением, пожалуй, являются научные труды, связанные с военной доктриной нашей страны и «выполнением огневых задач с беспилотными летательными аппаратами» [3], а также «некоторыми особенностями работы со следами преступлений, совершенных с использованием беспилотных летательных аппаратов на территориях исправительных учреждений» [4, с. 93].

Таким образом, анализ проблемных вопросов, связанных с использованием БПЛА в качестве орудия совершения общеуголовного преступления или хотя бы средства доставки вне зон с особым правовым режимом, является относительно новым направлением научных исследований.

В нашем понимании БПЛА и место его посадки или падения в первую очередь является объектом криминалистического исследования с позиции обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления. В связи с этим в рамках данной научной статьи хотелось бы более детально раскрыть особенности использования БПЛА в качестве объекта криминалистического изучения на месте происшествия. В этом контексте особого внимания заслуживает исследование типичных следов, оставленных в результате использования БПЛА, а также их фиксация и изъятие в ходе проведения осмотра места происшествия.

В классическом понимании все следы, которые могут быть оставлены при совершении преступления, в том числе посредством использования БПЛА, можно разделить на три группы:

1) материальные следы, которые отражаются в виде повреждений или разрушений корпуса – фюзеляжа БПЛА, его отдельных частей, элементов, устройств, оборудования;

2) идеальные следы, которые отображаются в памяти очевидцев, потерпевших и свидетелей приземления, падения, атаки, а также иных действий с участием БПЛА;

3) виртуальные (электронно-цифровые) следы, которые отображаются в оперативной памяти БПЛА или на информационных носителях беспилотной системы управления.

Это деление дает возможность выделить не менее четырех следственных ситуаций, связанных с проведением осмотра места происшествия на начальном этапе расследования преступления, а именно: обнаружение БПЛА на месте происшествия без прикрепленного груза – запрещенных или ограниченных в обороте объектов, предметов хищения и т.п.; обнару-

жение БПЛА на месте происшествия с прикрепленным грузом; обнаружение на месте происшествия только груза, вероятно транспортируемого и сброшенного с помощью БПЛА; обнаружение на месте происшествия отдельных частей деталей и приборов, а также их фрагментов, вероятно являющихся составными частями БПЛА или транспортируемого им груза.

Не затрагивая тактику проведения следственного осмотра в каждой из перечисленных ситуаций отдельно, структурно можно выделить его общую последовательность.

1. Принятие мер по охране места происшествия и решение задач, связанных с установлением места происхождения обнаруженных на месте падения БПЛА объектов, их потенциальной угрозы для жизни и здоровья граждан и окружающей среды. В случае их визуальной схожести с взрывными устройствами, а также взрывчатыми, ядовитыми, химическими или радиоактивными веществами, дополнительно приглашаются специалисты, обладающие навыками работы с указанными объектами. Например, специалист-взрывотехник.

Большое значение должно быть уделено вопросам изоляции места падения БПЛА или сброса груза. Для этого следует использовать ленту, так называемой полицейской границы, красно-белого цвета, которая крепится к окружающим предметам или укладывается на поверхность грунта на удалении 10 – 15 м от обнаруженного объекта. В том случае, если БПЛА или груз повис на проводах, ограждении, столбах или иных объектах, зону оцепления следует увеличить до 25 – 30 м.

2. Фиксация на месте происшествия обнаруженных объектов: непосредственно самого БПЛА, его частей и фрагментов, транспортируемого или сброшенного груза. Фотофиксация производится с применением трех видов съемки – ориентирующей, узловой и детальной (масштабной). Только после фиксации обстановки места падения БПЛА, а также самого летательного аппарата или его частей, можно переходить к детальному осмотру, сопровождающемуся физическим контактом с объектами криминалистического интереса.

Ориентирующую фотосъемку желательно производить с расстояния 5 – 10 м на фоне больших неподвижных объектов, играющих роль ориентира на месте происшествия – крупные строения и сооружения (многоквартирные и частные дома, гаражи, торговые помещения), прочные конструкции оригинальной формы (железобетонные ограждения, билборды – отдельно стоящие металлические конструкции с экраном на опоре, водонапорные башни). В дневное время суток фотосъемка делается с учетом падающих теней и расположения источников света. В темное время суток фотосъемка производится при помощи искусственного освещения (фонарь, свет от фар автомобиля) или хорошей фотовспышки.

Узловую фотосъемку БПЛА или перевозимого им груза необходимо производить с расстояния 1 – 2 м. В данном случае расстояние узловой фотосъемки указано применительно к микро-, мини- и легким БПЛА малого радиуса действия массой 5 – 100 кг, согласно принятой классификации [5, с. 71]. Необходимо понимать, что преступниками могут использоваться БПЛА среднего, тяжелого типа, а также беспилотные самолеты массой 100 – 1500 кг, размер которых не позволяет проводить узловую фотосъемку с расстояния 1 – 2 м. Размер БПЛА самолетного типа требует производства узловой фотосъемки с большей дистанции, чем 1 – 2 м, ко-

торая определяется в каждом конкретном случае, в том числе с учетом возможного разброса осколков, частей и груза БПЛА при его падении. Также желательно выполнить несколько узловых фотоснимков БПЛА, чтобы объект криминалистического интереса был виден с разных сторон. Объект фотосъемки должен полностью находиться в кадре фотоснимка и занимать не менее 70 – 80 % его площади.

Детальную (масштабную) фотосъемку БПЛА необходимо производить с расстояния 0,1 – 0,5 м. Для получения информации о размерах объекта используется криминалистическая линейка или измерительная рулетка. Помимо фотографирования БПЛА в целом, фотофиксации также подлежат его отдельные элементы: система питания и двигатели, система связи, бортовая аппаратура управления, посадочное шасси, пропеллеры, фото- и видеокамеры, маркировка и номер БПЛА, бортовая индикация и т.д. Обязательной фотофиксации также подлежит перевозимый БПЛА груз, его упаковка, средство крепления. В качестве последнего может использоваться стандартная рамка БПЛА, предназначенная для установки камеры. В случае если упаковка перевозимого объекта получила повреждения, и груз оказался снаружи упаковки или на ней (порошок, гранулы, жидкость), содержимое также фотографируется. Нельзя забывать и об идентифицирующих БПЛА признаках, относящихся к его эксплуатации – вмятины, повреждения, следы деформации корпуса, наслоения и загрязнения, привнесенные извне и т.д.

3. Изъятие и упаковка обнаруженных на месте происшествия объектов с предварительным решением вопросов о виде упаковки, в которую необходимо поместить изъятые объекты, уровне ее герметичности, порядке транспортировки и месте хранения изъятых вещей. В качестве такой упаковки можно использовать картонные коробки, полимерные емкости, полотнища из синтетической или натуральной ткани, в том числе мешки из прочного материала – рогожи, мешковины, кожи, синтетических материалов и т.п.

Некоторыми учеными также указывается, что для упаковки груза может использоваться «емкость 5-10-литровой пластиковой бутылки с отрезанной верхней частью. Дно пластиковой емкости застилается бумагой. Листы чистой белой бумаги берутся из середины стандартной пачки в 200 или 500 листов размером А4. БПЛА, имеющий большие размеры, упаковывать следует в одноразовую стерильную операционную простынь» [6, с. 463].

Особое внимание следует уделить следам дактилоскопического или биологического (трасологического) происхождения, которые отражаются на обнаруженных объектах. К таким следам, например, можно отнести следы-наслоения или отслоения краски, клея, пальцев рук, а также самовольно нанесенные отметки с различными лозунгами, флагами, эмблемами, символами и другими опознавательными знаками. Все эти следы необходимо зафиксировать и изъять на месте происшествия для дальнейшего направления на экспертно-криминалистическое исследование с постановкой идентификационных, диагностических, ситуационных и других вопросов.

4. Фиксация результатов осмотра в протоколе места происшествия, где обязательного отражения требуют данные о типе БПЛА, его номере и маркировке, состоянии корпуса в целом и его отдельных частей, наличии

дополнительного оборудования и его состоянии, наличии и упаковке прикреплённого к БПЛА груза, его содержимом, весе, виде крепления и т.п.

5. Транспортировка изъятых на месте происшествия объектов для последующего экспертного исследования. После предварительного осмотра БПЛА на месте его падения или посадки изъятые объекты помещаются в заранее подготовленную упаковку или тару. Основным требованием в этом случае является сохранение вещественных доказательств, которые может нести на себе БПЛА или груз, в первую очередь биологических и дактилоскопических следов. Работать с БПЛА необходимо в перчатках, в том числе в процессе упаковки в специальную тару. По возможности БПЛА и его груз необходимо поднимать за элементы крепления или места соприкосновения с грунтом, а также объектами инфраструктуры. Такие места, как правило, не содержат вещественных доказательств, ввиду их уничтожения во время падения или посадки БПЛА либо непригодности для исследования в целом.

После расположения БПЛА в специальной таре он повторно фотографируется по правилам детальной фотосъёмки, после чего закрывается сверху так, чтобы исключить возможность попадания внутрь посторонних объектов. Если использовалась пластиковая ёмкость, последняя накрывается сверху полиэтиленом, после чего фиксируется скотчем. В свою очередь, картонная коробка может быть оклеена плотной бумагой либо обмотана скотчем. Независимо от вида упаковки возможность смещения БПЛА в упаковке (таре) во время транспортировки должна быть полностью исключена. С этой целью может быть использована ветошь, какой-либо пористый материал, например, пенопласт или транспортировочная (воздушно-пузырьковая) пленка.

Необходимо также отметить, что для достижения криминалистических задач обязательному дальнейшему экспертно-криминалистическому исследованию подлежат все обнаруженные части и фрагменты БПЛА и транспортируемого им груза. Можно выделить несколько видов таких исследований:

- экспертиза самого аппарата, отдельных его частей и фрагментов корпуса. С этой целью обязательному решению подлежит ряд криминалистических задач, заключающихся в определении способа изготовления обнаруженного на месте происшествия БПЛА (промышленного, полностью самодельного, переделанного), установлении его названия, модельного ряда, рыночной стоимости, доступности для покупки, функционального предназначения, изменений, внесенных в конструкцию и т.д.;

- исследование блока управления и систем навигации БПЛА. Необходимо отметить, что современные БПЛА оснащены полноценными компьютерами, состоящими не только из процессора, оперативной памяти и установленной операционной системы, но и дополнительными блоками управления, а также датчиками космической радионавигации типа GPS. Обычно указанное оборудование содержит криминалистически значимую информацию, которая может быть предметом исследования компьютерной экспертизы, предоставив ответы на ряд вопросов, которые касаются: типа блока управления и данных о компьютерной системе БПЛА – модель, параметры, тактико-технические характеристики, установленная операционная система, область применения и т.п.; данных системы автопилота, в том числе геолокационные отметки относительно места начала полета,

его маршрута, завершения полета и места возвращения при потере связи с БПЛА; перечня команд оператора, полученных системой управления БПЛА; высоты, скорости, времени, координат, точки зависания и других показателей БПЛА, его положения в пространстве во время полета;

– исследование дополнительной флеш-памяти. Важным объектом криминалистического исследования БПЛА также являются дополнительные карты памяти, которыми он был оснащен. На этих объектах обычно хранится архивная информация, которая может дать ответы на вопросы, связанные с траекторией и длительностью полета БПЛА, координатами спутниковой навигации, фото- и видеоизображениями местности, объектов, предметов и лиц, зафиксированных оператором БПЛА во время полета. Все эти данные могут помочь в установке личности владельца БПЛА, его оператора, а также основных мест и целей эксплуатации БПЛА;

– исследование узлов питания и системы силовой установки. Система силовой установки и узлов питания может содержать информацию о производителе двигателя, его модели, типе, топливном элементе, электробатарее, марке горючего, его составе, качестве, происхождении и т.д. С помощью экспертизы можно решить вопрос о мощности, грузоподъемности, скорости, дальности и других технических характеристиках БПЛА;

– исследование систем радиосвязи и каналов дистанционного управления. При исследовании указанных систем можно определить канал радиосвязи, на который поступали команды управления, его защищенность, протокол аутентификации пользователя, дистанцию управления и т.п.;

– исследование дополнительных приборов, аппаратуры, оружия и транспортируемых БПЛА объектов. Технические возможности БПЛА позволяют оборудовать его дополнительными электротехническими устройствами, различными видами вооружения, а также механизмами, предназначенными для их закрепления и транспортировки. В этой связи в первую очередь необходимо определиться с целевым назначением изъятых на месте происшествия объектов, их техническими данными и возможностями. Так, например, предоставляя на экспертное исследование взрывное устройство, необходимо определить его тип, модель, способ производства, состав и мощность в тротиловом эквиваленте.

Заключение

В завершение еще раз отметим, что алгоритм осмотра места падения БПЛА должен включать в себя осмотр общего состояния обломков, оценку разрушений, поиск криминалистически значимой информации из его цифровых систем и проведение дальнейших экспертных исследований для выявления вещественных доказательств. Необходимо также помнить о том, что помимо традиционных трасологических следов, которые можно обнаружить на фюзеляже БПЛА, его грузе, пульте дистанционного управления и устройствах, присоединяемых к нему, могут сохраняться биологические (например, запаховые) и цифровые следы, которые имеют важное доказательственное значение, а значит, требуют участия в осмотре узкопрофильных специалистов. При обнаружении потенциально важных для органов предварительного следствия объектов необходимо не только выявить такие следы, но и правильно изъять их, предупредив возможное уничтожение, в том числе со стороны преступника, способного дистанционно запустить режим самоликвидации БПЛА.

Список литературы

1. **Пейзак А. В.** Противодействие киберпреступности в США // *Право: ретроспектива и перспектива*. 2022. № 4(12). С. 54 – 59.
2. **Демьянович М. А.** Использование беспилотных летательных аппаратов в преступных целях: методы противодействия и борьбы // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2019. № 2(21). С. 108 – 112.
3. **Карпович А. В., Чернышев Ю. М.** Выполнение огневых задач с беспилотным летательным аппаратом типа квадрокоптер: учеб. пособие. СПб., 2022. 104 с. URL: https://st.fl.ru/users/ja/jakechemb19/portfolio/f_85963c0300e579ca.pdf (дата обращения: 25.01.2025)
4. **Александрова Е. Г.** Некоторые особенности работы со следами преступлений, совершенных с использованием беспилотных летательных аппаратов на территориях исправительных учреждений // *Сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2021. № 1(11). С. 93 – 96.
5. **Классификация** беспилотных летательных аппаратов (в контексте современных войн в арабском мире) / С. И. Безруков, В. Ю. Гумилёв, А. В. Пархоменко, Д. А. Филиппов // *Научно-практический электронный журнал «Оригинальные исследования» (ОРИС)*. 2020. № 4. С. 66 – 81.
6. **Румянцев Н. В., Колотушкин С. М.** Особенности обнаружения, фиксации и изъятия следов на беспилотных летательных аппаратах, сбитых над территориями учреждений уголовно-исполнительной системы // *Человек: преступление и наказание*. 2018. Т. 26 (1-4), № 4. С. 460 – 464.

References

1. **Peyzak A.V.** [Countering cybercrime in the United States], *Pravo: retrospektiva i perspektiva* [Law: retrospective and perspective], 2022, no. 4(12), pp. 54-59. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Demyanovich M.A.** [The use of unmanned aerial vehicles for criminal purposes: methods of counteraction and struggle], *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Law and order: history, theory, practice], 2019, no. 2(21). pp. 108-112. (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Karpovich A.V., Chernyshev Yu.M.** *Vypolneniye ognevykh zadach s bespilotnym letatel'nyim apparatom tipa kvadrokopter: ucheb. posobiye*. [Performing fire missions with an unmanned aerial vehicle of the quadrocopter type: Textbook], St. Petersburg, 2022, 104 p. available at: https://st.fl.ru/users/ja/jakechemb19/portfolio/f_85963c0300e579ca.pdf (accessed 25 January 2025)
4. **Alexandrova E.G.** [Some features of working with traces of crimes committed using unmanned aerial vehicles in the territories of correctional institutions], *Setevoy nauchno-prakticheskiy zhurnal chastnogo i publichnogo prava* [Online scientific and practical journal of private and public law]. 2021, no. 1(11), pp. 93-96. (In Russ., abstract in Eng.)
5. **Bezrukov S.I., Gumilev V.Yu., Parkhomenko A.V., Filippov D.A.** [Classification of unmanned aerial vehicles (in the context of modern wars in the Arab world)], *Nauchno-prakticheskiy elektronnyy zhurnal "Original'nyye issledovaniya" (ORIS)* [Scientific and practical electronic journal "Original research" (ORIS)], 2020, no. 4, pp. 66-81. (In Russ., abstract in Eng.)
6. **Rumyantsev N.V., Kolotushkin S.M.** [Features of detection, fixation and removal of traces on unmanned aerial vehicles shot down over the territories of institutions of the penal enforcement system], *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye* [Man: crime and punishment], 2018, vol. 26(1-4), no. 4, pp. 460-464. (In Russ., abstract in Eng.)

Tactics for Inspecting Unmanned Aerial Vehicle Collision Sites

V. A. Popov, Cand. Sci. (Law), Police Colonel,
Head of the Department of Criminalistics,
the Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University
of the Ministry of Interior of Russia, Ryazan, Russia;
volpopov@mail.ru

D. V. Tetkin, Cand. Sci. (Law), Police Colonel, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure,
the Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University
of the Ministry of Interior of Russia, Ryazan, Russia;
tyotkinden@mail.ru

A. A. Rudavin, Cand. Sci. (Law), Police Major, Associate Professor,
Department of Criminalistics,
the Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University
of the Ministry of Interior of Russia, Ryazan, Russia;
aleksandr.rudavin@mail.ru

The evolutionary development of digital technologies and robotization of most areas of human activity have had a great impact on global aviation, forming new types of aircraft and scenarios for their use. With the start of a special military operation, the number of procedural actions related to the inspection of unmanned aerial vehicle crash sites has increased significantly. The analysis of investigative action protocols shows that current law enforcement officers do not always have a clear idea of what unmanned aerial vehicles are, what design they may have, which of their elements are objects of forensic interest, and what specifically should be reflected in the crime scene inspection protocol. In this regard, it becomes necessary to turn to the study of the tactics of inspecting unmanned aerial vehicle crash sites. Understanding the breadth and comprehensiveness of this problem, the authors of this article focused on the study of the investigator's work algorithm at the crash site of unmanned aerial vehicles. In the main part of the work, the authors disclosed the following issues: features of the use of unmanned aerial vehicles in criminal activity and classification of traces at the place of their discovery; typical investigative situations that develop at the initial stage of the investigation of crimes related to the use of unmanned aerial vehicles; the sequence and features of the inspection of the crash sites of unmanned aerial vehicles.

The final part provides general recommendations for the inspection, as well as further forensic examination of parts, fragments and cargo of unmanned aerial vehicles found at the scene of the incident.

Keywords: inspection of the scene of the incident, unmanned aerial vehicle, traces of the crime, tactics of investigative actions, forensic examination.

© В. А. Попов, Д. В. Теткин, А. А. Рудавин, 2025

Статья поступила в редакцию 01.12.2024

При цитировании использовать:

Попов В. А., Теткин Д. В., Рудавин А. А. Тактика осмотра мест падения беспилотных летательных аппаратов // Право: история и современность. 2025. Т. 9, № 1. С. 111 – 119. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.111-119

ГЕНЕЗИС И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ДОБРОВОЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ

Владимир Александрович Гавриленко, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»,
Санкт-Петербург, Россия;
доцент, кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого», Великий Новгород, Россия; gv22@mail.ru

Виктор Михайлович Шеншин, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»,
Санкт-Петербург, Россия; vitya-shen@mail.ru

Дмитрий Валерьевич Попков, канд. экон. наук, профессор,
кафедра философских и социально-экономических дисциплин,
ФГКВ ОУ ВО «Военная ордена Жукова академия войск национальной
гвардии Российской Федерации», Санкт-Петербург, Россия;
narvskaya-ka@yandex.ru

Рассмотрены генезис и тенденции развития добровольного медицинского страхования. Институт добровольного медицинского страхования представляется сравнительно новым в современном праве, что обусловлено политическими, экономическими и социальными факторами. Одновременно с этим, исторические прототипы данного института можно определить, как достаточно давние.

Исторически сложилось, что первой формой медицинского страхования являлось обязательное медицинское страхование. Соответственно, возникновение добровольного медицинского страхования произошло благодаря развитию обязательного медицинского страхования. В свою очередь, из этого следует, что анализ развития исследуемого института необходимо осуществлять в совокупности с рассмотрением процесса развития института медицинского страхования в целом. Аргумент в пользу данной точки зрения состоит также в том, что как обязательное, так и добровольное медицинское страхование представляют собой взаимосвязанные и взаимодополняющие элементы единой системы обеспечения медицинской помощью.

Ключевые слова: добровольное медицинское страхование; обязательное медицинское страхование; страховые риски; страховое право; гарантии обеспечения медицинской помощью.

История института медицинского страхования

Изучая историю правовых явлений, необходимо понимать, что их становление действительно происходило под влиянием многих исторически обусловленных социальных, экономических, политических и иных факторов [11, с. 15]. Отметим, что в юридической науке возникновение медицинского страхования относят к XVII веку. Например, в статье [3] авторы говорят о том, что согласно историческим свидетельствам, первые упоминания о выделении государственных средств на медицинское обслуживание населения относятся к концу XVII века. Важной вехой в этом процессе стал 1701 год, когда Монастырский приказ – государственный орган, ведавший делами монастырей и церквей – начал направлять денежные ресурсы на развитие системы здравоохранения и социальную поддержку населения. Финансирование охватывало широкий спектр направлений. Средства выделялись на строительство и содержание больниц, обеспечивая тем самым доступность медицинской помощи для различных слоев населения. Особое внимание уделялось оплате труда докторов, работавших в государственных медицинских учреждениях, что способствовало привлечению квалифицированных специалистов и повышению качества оказываемых услуг [3].

В публикации [10] ученые обращают внимание на истоки формирования государственной системы медицинской помощи в России, отмечая, что первые свидетельства о ее существовании относятся к XVII и началу XVIII столетий. Исследователи подчеркивают, что именно в этот период начинается целенаправленное выделение государственных средств на развитие здравоохранения и поддержку наиболее уязвимых слоев населения. Начиная с 1701 года, государство взяло на себя обязательства по финансированию больниц, создавая тем самым материальную базу для оказания медицинской помощи жителям страны. Особое внимание уделялось обеспечению деятельности медицинского персонала, работающего в государственных учреждениях здравоохранения [10, с. 313].

Наряду с развитием медицинской инфраструктуры, государство начинает проявлять заботу о социально незащищенных категориях граждан [8]. В рассматриваемый период оказывается помощь бездомным и малоимущим, что отражает зарождение принципов социальной солидарности и ответственности государства за благополучие своих граждан [7].

Отметим развитие института медицинского страхования в конце XVIII века. Эпоха правления Екатерины II ознаменовалась значительными преобразованиями в сфере социальной защиты населения Российской империи. Важной мерой стало создание в 1775 году специального государственного органа – Приказа общественного призрения, который взял на себя функции правового регулирования и организации помощи нуждающимся.

Можно констатировать, что прототип института добровольного медицинского страхования (*далее* – ДМС) возник еще в дореволюционной России. Его появление было обусловлено развитием системы государственной социальной защиты населения и здравоохранения, закладывавшей основы для последующего становления медицинского страхования. Обозначенные временные рамки, очерченные концом XVII – началом XVIII ве-

ков, можно обозначить как первый этап становления ДМС в России, который заложил основы такового.

Второй этап развития ДМС в России приходится на конец XIX – начало XX веков. В этот период происходит активное формирование гражданского общества, развитие промышленности и рост городского населения, что создает предпосылки для появления новых форм социальной защиты и медицинской помощи.

Один из ученых-юристов М. Е. Кокорева отмечает, что на рубеже XIX – XX веков в России происходит дальнейшее развитие и институционализация системы ДМС. Наряду с существовавшими ранее «кассами взаимопомощи» на предприятиях начинают создаваться более крупные и организованные структуры – страховые товарищества и больничные кассы. Такие организации объединяли работников не только отдельных предприятий, но и целых отраслей, профессиональных групп, а также представителей различных сословий – ремесленников, служащих, интеллигенции. Страховые товарищества и больничные кассы функционировали на принципах солидарности и взаимопомощи, аккумулируя регулярные взносы своих членов и обеспечивая им доступ к медицинской помощи в случае болезни или травмы [4, с. 203].

Другой исследователь Е. А. Манучарян подчеркивает, что в 1859 году на территории Российской империи появилась первая больничная касса, учрежденная при фабрике «П. Х. Розенкранц и Ко». Данный факт свидетельствует о зарождении практики создания специальных фондов для обеспечения медицинской помощи работникам предприятий [6, с. 240].

Таким образом, вторая половина XIX века ознаменовалась появлением в России первых прототипов ДМС в виде больничных касс и вспомогательных товариществ, а также принятием правовых актов, регламентирующих создание больничных учреждений при крупных промышленных предприятиях. Однако эти меры носили ограниченный характер и не обеспечивали полноценной реализации права работников на охрану здоровья и получение качественной медицинской помощи.

Новый этап развития прототипа ДМС можно связать с 1912 годом. В истории развития страховой медицины в России особое место занимает дата 23 июня 1912 года, которая считается датой ее основания в России. Именно в этот день III Государственная Дума приняла комплекс законодательных актов, ознаменовавших завершение формирования системы страхования рабочих. Данные законы стали результатом масштабной социальной реформы, инициированной выдающимся государственным деятелем П. А. Столыпиным [3, с. 36].

Закон от 1912 года представлял собой объемный документ, состоявший из 286 статей, которые охватывали различные аспекты социального обеспечения рабочих. С одной стороны, он детально регламентировал вопросы предоставления помощи и поддержки работникам при возникновении несчастных случаев на производстве и болезней. С другой стороны, закон заложил организационные основы для развития страховой отрасли в России, определив ключевые принципы ее функционирования и структуру [3, с. 37].

Значение указанного документа для развития ДМС состоит в том, что он впервые на законодательном уровне закрепил обязательное страхование рабочих на случай болезни и несчастных случаев на производстве. Закон предусматривал создание больничных касс, которые формировались за счет взносов работодателей и работников. Кроме того, закон от 1912 года установил требования к организации медицинского обслуживания рабочих. Работодатели были обязаны обеспечить наличие медицинских пунктов на предприятиях, а также заключать договоры с врачами и больницами для оказания медицинской помощи застрахованным работникам.

Таким образом, создавалась инфраструктура для предоставления медицинских услуг, что является актуальным также и для института ДМС.

В целом отмечалось, что в период существования СССР в государстве функционировала система всеобщего бесплатного медицинского обслуживания, которая обеспечивала каждому гражданину доступ к необходимой медицинской помощи независимо от его социального статуса и уровня доходов. В условиях плановой экономики и доминирующей роли государства в социальной сфере необходимость в развитии системы медицинского страхования отсутствовала [3, с. 37].

Непосредственное учреждение института ДМС произошло лишь в 1991 году, что можно связать с изменяющимися социально-экономическими и политическими условиями.

Развитие института медицинского страхования в современный период

Рассматривая взаимосвязь между обязательным (ОМС) и добровольным медицинским страхованием, следует обратить внимание на точку зрения авторов работы [5, с. 54], где подчеркивается ограниченность возможностей системы ОМС в удовлетворении всего спектра потребностей граждан в медицинской помощи. По мнению исследователей, несмотря на всеобъемлющий характер ОМС, оно не всегда способно в полной мере обеспечить доступ к некоторым видам медицинских услуг и лечения.

В этом контексте особую актуальность приобретает программа ДМС, которая выступает в качестве дополнительного инструмента расширения возможностей получения гражданами необходимой медицинской помощи. Определяя тенденции развития института ДМС, можно указать на то, что в современных условиях работодатели уделяют повышенное внимание вопросам развития профессиональных компетенций и реализации потенциальных возможностей человеческих ресурсов, задействованных в трудовой деятельности организации. Однако в настоящее время данный подход получил более широкое толкование и предполагает необходимость тщательного учета потребностей работников в сфере обеспечения физического и психоэмоционального благополучия. Ввиду данного обстоятельства значительное число российских юридических лиц пришло к осознанию значимости индивидуального трудового вклада каждого работника в достижение целей организации, а также важности обеспечения надлежащего уровня здоровья персонала для поддержания высоких показателей производительности труда. В связи с этим они активно имплементируют про-

граммы ДМС в качестве механизма стимулирования профессионального развития и карьерного роста сотрудников [5, с. 59].

Также обратим внимание, что на ранних этапах становления системы социального страхования в России медицинское страхование распространялось исключительно на работников промышленных предприятий, а обязанность по его реализации возлагалась на работодателей. Страхование осуществлялось за счет взносов предприятий и самих рабочих, формировавших специальные страховые фонды. По мере развития общества и государства происходила трансформация системы финансирования здравоохранения. Постепенно государство стало брать на себя все большую ответственность за обеспечение граждан медицинской помощью. Была сформирована система государственного здравоохранения, в рамках которой медицинские услуги предоставлялись населению на бесплатной основе за счет средств государственного бюджета. Одновременно с тем, начиная с 1990-х годов, государство сформировало правовые основы, позволяющие получить гарантированную медицинскую помощь сверх ОМС, то есть речь в данном случае идет о ДМС.

Результаты исследования

На основании проведенного исследования можно предложить следующую периодизацию развития института ДМС в России.

1. Зарождение прототипов ДМС (конец XVII – начало XVIII вв.). В рамках указанного этапа происходило выделение государственных средств на медицинское обслуживание населения, а также стали финансироваться строительство больниц и работа докторов. Кроме того, на данном этапе стала оказываться помощь бездомным и малоимущим.

2. Развитие прототипов ДМС (конец XIX – начало XX вв.). Для данного этапа было характерным создание больничных касс и вспомогательных товариществ на предприятиях. Также наблюдалось принятие правовых актов, регламентирующих создание больничных учреждений при крупных промышленных предприятиях. Одновременно с этим, нельзя не отметить ограниченный характер мер, не позволяющих обеспечить полноценную реализацию прав работников на охрану здоровья и получение качественной медицинской помощи.

3. Период всеобщего бесплатного медицинского обслуживания (1917 – 1990 гг.). После Октябрьской революции 1917 года в России была установлена Советская власть, которая провозгласила принцип всеобщего бесплатного медицинского обслуживания. На протяжении всего советского периода государство обеспечивало каждому гражданину доступ к необходимой медицинской помощи независимо от социального статуса и уровня доходов.

4. Формирование современной системы медицинского страхования (с 1991 г. по настоящее время).

Кроме того, можно выделить следующие тенденции развития института ДМС:

- расширение спектра медицинских услуг, предоставляемых по программам ДМС;
- развитие корпоративных программ ДМС;
- повышение доступности ДМС для различных категорий граждан.

Обосновано мнение, что институт ДМС в его современном виде не имеет давних исторических корней в России [1]. Формирование полноценной системы добровольного медицинского страхования началось лишь в 1990-е годы после принятия соответствующего законодательства и перехода к рыночной экономике. Вместе с тем определенные прототипы и предпосылки возникновения ДМС в России можно проследить уже в XVII – XIX веках.

Заключение

В заключение отметим актуальность исследования института страхования, которому уделено внимание в отечественной юридической науке [9]. Страховые правоотношения понимаются как вид гражданских правоотношений [2, с. 9]. Медицинское страхование как обязательное, так и добровольное является важной составной частью всего института страховых правоотношений и социальной политики государства.

Приведем основные выводы нашего исследования.

Во-первых, ДМС является важным элементом системы страховой защиты граждан в сфере охраны здоровья. Страхование представляет собой отношения по защите интересов различных субъектов при наступлении страховых случаев за счет специальных денежных фондов, формируемых из страховых взносов. Медицинское страхование, в свою очередь, является разновидностью личного страхования, направленного на защиту нематериальных благ – жизни и здоровья граждан.

Во-вторых, в своем развитии институт ДМС прошел несколько этапов. При этом лишь на последнем этапе произошло непосредственное возникновение института ДМС, то есть до 1990-х гг. речь шла лишь о прототипах такового. Однако именно такие прототипы, исходящие от института медицинского страхования в целом, заложили основы ДМС.

Список литературы

1. **Виниченко Л. А.** Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Белгород, 2009. 231 с.
2. **Гавриленко В. А.** Сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона в области возмещения ущерба от чрезвычайных ситуаций // Право, безопасность, чрезвычайные ситуации. 2021. № 3(52). С. 5 – 9.
3. **Головань С. А., Десятниченко К. В., Шмакова А. Н.** Реформирование системы обязательного медицинского страхования в России // The Scientific Heritage. 2021. № 72-3. С. 35 – 41.
4. **Кокорева М. Е.** Влияние медицинского страхования на благополучие российского общества: история и перспективы // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Т. 9, №2. С. 200 – 209.
5. **Котовская О. В., Давидян К. С.** Становление добровольного медицинского страхования в России // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сб. материалов XIX Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 апреля 2023 г.). СПб., 2023. С. 52 – 61.
6. **Манучарян Е. А.** История развития законодательства обязательного медицинского страхования в дореволюционный период // Молодой ученый: сб. ст.

VI Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 23 апреля 2024 г.). Пенза, 2024. С. 239 – 241.

7. **Назарова И. С., Шеншина Л. А.** Система социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей по законодательству России // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 1(229). С. 111 – 114. doi: 10.47643/1815-1329_2024_1_111

8. **Назарова И. С., Шеншина Л. А.** Теоретико-правовые основы социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 2 (230). С. 60 – 63. doi: 10.47643/1815-1329_2024_2_60

9. **Немченко С. Б., Муталиева Л. С.** *Страховое право: учеб. пособие*. СПб., 2010. 204 с.

10. **Пивикова С. В., Чечина Д. А.** Медицинское страхование в РФ // *Закон и общество: история, проблемы, перспективы: материалы XXVII межвуз. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов* (Красноярск, 20 апреля 2023 г.). Красноярск, 2023. С. 312 – 316.

11. **Часовникова О. Г., Болотин Д. Д.** Историко-правовой анализ источников уголовно-процессуального права Древней Руси в X – XI вв. // *Право, безопасность, чрезвычайные ситуации*. 2023. № 4(61). С. 14 – 22.

References

1. **Vinichenko L.A.** *PhD of Doctor's thesis (Pedagogical)*, Belgorod, 2009, 231 p. (In Russ.)

2. **Gavrilenko V.A.** [Comparative analysis of the legislation of the Arctic states in the field of compensation for damage from emergency situations], *Pravo, bezopasnost', chrezvychaynyye situatsii* [Law, security, emergency situations], 2021, no. 3(52), pp. 5-9. (In Russ., abstract in Eng.)

3. **Golovan' S.A., Desyatnichenko K.V., Shmakova A.N.** [Reforming the compulsory health insurance system in Russia], *The Scientific Heritage*, 2021, no. 72-3, pp. 35-41. (In Russ., abstract in Eng.)

4. **Kokoreva M.Ye.** [The impact of health insurance on the well-being of Russian society: history and prospects], *Sotsial'nyye i gumanitarnyye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 200-209. (In Russ., abstract in Eng.)

5. **Kotovskaya O.V., Davidyan K.S.** *Aktual'nyye problemy obshchestva, ekonomiki i prava v kontekste global'nykh vyzovov: sb. materialov XIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Actual problems of society, economy and law in the context of global challenges: collection of materials of the XIX Int. scientific-practical. conf.] (Moscow, 14 April 2023), St. Petersburg, 2023, pp. 52-61. (In Russ.)

6. **Manucharyan E.A.** *Molodoy uchenyy: sb. st. VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Young scientist: collection of articles of the VI Int. scientific-practical. conf.] (Penza, 23 April 2024), Penza, 2024, pp. 239-241. (In Russ.)

7. **Nazarova I.S., Shenshina L.A.** [The system of social protection of orphans and children left without parental care under the legislation of Russia], *Agrarnoye i zemel'noye pravo* [Agrarian and land law], 2024, no. 1(229), pp. 111-114. doi: 10.47643/1815-1329_2024_1_111 (In Russ., abstract in Eng.)

8. **Nazarova I.S., Shenshina L.A.** [Theoretical and legal foundations of social protection of orphans and children left without parental care], *Agrarnoye i zemel'noye pravo* [Agrarian and land law], 2024, no. 2(230), pp. 60-63. doi: 10.47643/1815-1329_2024_2_60 (In Russ., abstract in Eng.)

9. **Nemchenko S.B., Mutaliyeva L.S.** *Strakhovoye pravo: ucheb. posobiye* [Insurance law: textbook], St. Petersburg, 2010, 204 p. (In Russ.)

10. **Pivikova S.V., Chechina D.A.** *Zakon i obshchestvo: istoriya, problemy, perspektivy: materialy XKHVII mezhvuz. nauch.-prakt. konf. studentov i aspirantov* [Law and society: history, problems, prospects: materials of the XXVII interuniversity.

scientific and practical. conf. students and postgraduates] (Krasnoyarsk, 20 April 2023), Krasnoyarsk, 2023, pp. 312-316. (In Russ.)

11. **Chasovnikova O.G., Bolotin D.D.** [Historical and legal analysis of the sources of criminal procedural law of Ancient Rus' in the 10th – 11th centuries], *Pravo, bezopasnost', chrezvychaynyye situatsii* [Law, security, emergency situations], 2023, no. 4(61), pp. 14-22. (In Russ., abstract in Eng.)

Genesis and Trends of Voluntary Health Insurance

V. A. Gavrilenko, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
St. Petersburg, Russia;
Associate Professor, Department of Civil Law and Process,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia;
gv22@mail.ru

V. M. Shenshin, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
St. Petersburg, Russia;
vitya-shen@mail.ru

D. V. Popkov, *Cand. Sci. (Economics)*, Professor,
Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines Faculty,
Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia;
narvskaya-ka@yandex.ru

This publication examines the genesis and development trends of voluntary health insurance. The institute of voluntary medical insurance seems to be relatively new in modern law, which is due to political, economic and social factors.

At the same time, the historical prototypes of this institute can be defined as quite old. Historically, the first form of medical insurance was compulsory medical insurance. Accordingly, the emergence of voluntary medical insurance occurred due to the development of compulsory medical insurance. In turn, it follows from this that the analysis of the development of the institution under study must be carried out in conjunction with the consideration of the process of development of the institute of medical insurance in general. The argument in favor of this point of view is also that both compulsory and voluntary medical insurance are interrelated and complementary elements of a single system of providing medical care.

Keywords: voluntary medical insurance; compulsory medical insurance; personal insurance; insurance risks; insurance law; guarantees of providing medical care.

© В. А. Гавриленко, В. М. Шеншин, Д. В. Попков, 2025

Статья поступила в редакцию 15.11.2024

При цитировании использовать:

Гавриленко В. А., Шеншин В. М., Попков Д. В. Генезис и тенденции развития института добровольного медицинского страхования // *Право: история и современность*. 2025. Т. 9, № 1. С. 120 – 127. doi: 10.17277/pravo.2025.01. pp.120-127

«ВОЛЯ» ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ И ЕЕ УРОВНИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА (часть 1)

Ирина Анатольевна Калинина, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
ia-kalinina@mail.ru

Воля как концепт гражданского права раскрывается через анализ правовых норм Гражданского кодекса Российской Федерации с учетом понимания воли в философии, религии, психологии, психиатрии, лингвистике. Через призму концепта воли в гражданском праве раскрываются правоспособность, дееспособность, сделкоспособность, дееспособность несовершеннолетних лиц, правосубъектность лиц, ограниченных в дееспособности, и лиц, признанных недееспособными, представительство.

Особое внимание уделено анализу влияния биологических факторов на включенность физического лица в гражданские правоотношения. Здесь имеет место обращение к психиатрии как области медицины, изучающей деформирование воли человека под влиянием психических расстройств и соматических заболеваний.

Сформулирован вывод о том, что воля является фундаментальным и системообразующим концептом цивилистики. На основе междисциплинарного анализа воли определены уровни воли физического лица как участника гражданских правоотношений: высший уровень воли определен представлением о воле как свойстве автономии личности; центральный уровень воли связан с психосоматическими особенностями человека, его социальными и экономическими компетенциями; содержательный уровень, где воля физического лица формируется в юридически значимый период; внешний уровень воли – волеизъявление.

Ключевые слова: воля; автономия; личность; физическое лицо; правоспособность; дееспособность; сделкоспособность; права; представительство; психические расстройства.

Введение

Понятие «воля» является одним из древнейших психологических понятий; «начиная с Античности и до Новейшего времени, воля, наряду с разумом и чувствами, занимает центральное место в учении о душе человека» [11, с. 72]. В настоящее время отсутствует единое междисциплинарное понимание воли. Это вполне объяснимо, поскольку разные сферы человеческого познания имеют и разные цели изучения жизнедеятельности человека.

В гражданском праве воля выступает определяющей смысловой категорией гражданского права и его концептом. Изучение «воли» в граждан-

ском праве позволяет проникнуться духом цивилистики, содержанием гражданского законодательства и его толкованием, подходами судов в разрешении гражданско-правовых споров. Дефиниция воли прямо в Гражданском кодексе Российской Федерации (*далее* – ГК РФ) не установлена, но логически выводится из его положений как общего характера, так и относящихся к конкретным вопросам регулирования гражданско-правовых отношений. При этом воля имеет значение не только для гражданского права, но и для всего частного права в целом.

Воля в гражданском праве – это базовое понятие, определяющее и правовое регулирование, и правоприменительную практику. Какой бы вопрос или конфликт не возник между участниками гражданских правоотношений, его разрешение будет определяться установлением их воли. Воля как концепт как бы кодируется в положениях ГК РФ, обеспечивая тем самым цементирование духа цивилистики, принципов гражданского права и единство подходов в регулировании гражданско-правовых отношений и разрешении споров в них. Воля является объектом гражданско-правовой охраны и защиты.

Методы

В философии понятие «воля» относится не к правовому положению человека в гражданском праве, а к его характеристике как личности. В философии и этике права воля – это компонент (свойство) личности в контексте «автономии воли». «Автономия воли» – понятие концептуального значения, поскольку через него раскрываются этика права, представления о свободе человека и его ценности. Человек, обладающий автономией воли, значит обладающий «возможностью и способностью самому решать, что есть добро, а что – зло, где кончается право, а где начинается обязанность», а также обладающий «способностью правового суждения» [11, с. 161 – 168]. Автономия воли – это способность воли быть законодательницей своих поступков, это свойство личности и основание ее достоинства; это способность уважать себя и других, признавать ценность человека, уважать право [5, с. 1199, 1240; 6, с. 283, 350; 7, с. 196, 206]; «...а чем же другим может быть свобода воли, как не автономией, т.е. свойством воли быть самой для себя законом?» [7, с. 226]. А потому автономия воли распространяется на все сферы бытия человека.

В православии воля определяется как «главный дар, переданный человеку от Бога»; «именно в воле состоит Образ Господа»; «осознание людьми данного факта позволит не просто обуздать те поступки, которые обусловлены стремлением к материальным благам и мимолетным чувствам, но и разобраться в себе, жить в гармонии с душой и телом, не поддаваясь искушениям страстей» [2, с. 144, 145].

В лингвистике концепт воли является безэквивалентным (этноспецифическим) и парным (воля – свобода); его мотивирующими признаками являются «желание» и «свобода»; воля представляет собой «некий духовный акт, направленный на достижение некой цели» или «активное или пассивное желание, предполагающее ожидание его исполнения» [9]. Воля включает разные категории и аспекты: свобода, «свой-чужой», «Бог в ду-

ше», совесть, имущество, количество, пространство, характер, власть и сила, победа, стремление, желание, разум, выбор, дух, характер [4, 9].

В психиатрии воля – это «психический процесс сознательного регулирования человеком своего поведения и деятельности при преодолении внутренних и внешних препятствий» [10, с. 41]. В психологии воля раскрывается через «психическое образование, позволяющее индивиду, целенаправленно преодолевая различные внутренние и внешние препятствия, осуществлять свою деятельность для достижения поставленной цели»; здесь воля, иными словами, раскрывается через процессы «волевой саморегуляции» [3, с. 85]. В психологии «воля относится к основополагающим проблемам становления личности, вычисляющим самостоятельность и ответственность человека», выявляясь «в независимости, упрямстве, усидчивости, решимости, самоконтроле, стойкости» [8, с. 29, 30]. Человек не рождается с «волей», а формирует ее и развивает в течение своей жизни, то есть воля – это «приобретенное новообразование»; воля взаимосвязана с интеллектом и является важнейшей составляющей «духовно-нравственного становления человека на большинстве этапов его онтогенеза» [1, с. 7]. В социально-психологическом аспекте воля представляется как «важный когнитивный процесс и как необходимый компонент общения», при этом «волевые и интеллектуальные действия не существуют изолированно» [1, с. 7].

Философия и религия определяют этические основания автономии воли, свободы и равенства людей. Психология и психиатрия раскрывают способность к формированию воли и ее реализации в контексте биологических и социальных факторов, определяют влияние психических расстройств и особых психических состояний человека на формирование воли в отношении совершения юридически значимых действий. Педагогика изучает возрастные, когнитивные и интеллектуальные способности ребенка в процессе его обучения и социализации. Само гражданское право устанавливает правовые механизмы и правовые последствия волевых действий человека как участника гражданских правоотношений.

В силу сложности, глубины и многогранности данного понятия в разных науках, в силу значимости определения специфики воли человека в гражданских (имущественных) отношениях, с учетом определения идейного ядра в понимании воли и установлением специфики понимания воли в конкретных науках и воззрениях – необходимо осмысление концепта воли с тем, чтобы осознавать и применять его правильно в юридической квалификации отношений и разрешении юридических коллизий и споров в гражданско-правовой сфере.

Результаты

Воля в гражданском праве конструируется в категориях свободы, равенства и самостоятельности участников гражданских правоотношений. При этом здесь она выступает отдельным и самостоятельным аспектом воли как философского и как психического понятий. Воля в гражданском праве в философском дискурсе основывается на признании человека личностью, утверждении идеи его достоинства и самостоятельности, его ценности для общества и государства, видения в нем полноправного участни-

ка правоотношений. Воля в гражданском праве в психическом дискурсе связана с установлением ее деформации или отсутствия ввиду наличия особых психических расстройств и психических состояний в статике (правосубъектность) и в юридически значимый период при совершении физическим лицом сделок.

Воля как умозрительное понятие, будучи расщепленным и определяемым в своих целях разными науками, в своей сущности имеет понятийное и ценностное ядро, определяемое представлением о человеке как свободном субъекте, сообразующим свою волю с совестью и правами других лиц. В гражданском праве воля – это свойство личности, носителем которого является физическое лицо как участник гражданских правоотношений, а автономия воли выступает принципом гражданского законодательства. В категориях гражданского права данная сущность воли раскрывается в свободе и равенстве участников гражданских правоотношений, в обеспечении их прав и интересов.

С учетом положений гражданского права и междисциплинарного подхода считаем, что концепт воли имеет в гражданском праве четыре уровня.

Первый уровень – высший уровень воли определяется представлением о воле как свойстве автономии личности в ее этическом понимании в контексте правовых ценностей.

Второй уровень – центральный уровень воли связан с психосоматическими особенностями человека, его социальными и экономическими компетенциями как участника гражданских правоотношений. Данные особенности определяют способность человека обладать волей, осознавать ее, руководствоваться ею в своих поступках, понимать социальное и юридическое значение своих действий и их последствий. Здесь речь идет о дееспособности и ее объеме с учетом возраста человека и иных обстоятельств (ограничение дееспособности, признание гражданина недееспособным, эмансипация и т.д.). Данная воля (в статике) присуща человеку имманентно, она объективна, то есть зависит от личности человека, а не от внешних факторов.

Третий уровень – содержательный, где воля физического лица (в динамике) формируется в юридически значимый период применительно к конкретным интересам и желаниям лица в отношении достижения экономических и правовых целей и последствий его поведения как участника гражданских правоотношений. Данная воля формируется под воздействием внешних факторов и обстоятельств с учетом потребностей и планов человека в юридически значимый период.

Четвертый уровень – внешний уровень воли – волеизъявление.

Исследование

Общие положения о воле в Гражданском кодексе Российской Федерации

Понятие и концепт воли в ГК РФ усматриваются в его основополагающих правовых нормах.

В статье 1 ГК РФ закрепляются принципы гражданского права и гражданского законодательства, которые применительно к «воле» возможно представить следующим образом:

– воля определяется как неотъемлемый компонент юридически состоятельного участника гражданских правоотношений;

– устанавливается самостоятельность, равенство и свобода участников гражданско-правовых отношений как носителей и трансляторов своей воли;

– участники гражданских правоотношений руководствуются своей волей и интересами; определяется свобода воли участников гражданских правоотношений как в статике (вещные права), так и в динамике (обязательственные отношения);

– недопустимо принуждение воли и вмешательство в волевую сферу участников гражданских правоотношений, а в случае наличия таковых фактов необходимо восстановление нарушенных прав и их судебная защита сообразно воле физического лица.

Воля участников гражданских правоотношений должна быть созвучна правовым ценностям (ч. 1 ст. 2 Конституции РФ) и не нарушать основы конституционного строя России, а также волю, права и интересы других участников гражданских правоотношений. Реализация воли участников гражданских правоотношений может ограничиваться в публичных интересах (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и п. 2 ст. 1 ГК РФ). При этом правомерна не любая реализация воли, а лишь та, что осуществляется сообразно принципу добросовестности и не преследует цели извлечения преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ). Товары, работы и услуги как результаты человеческой деятельности и как средства реализации воли участников гражданских правоотношений свободно перемещаются на всей территории Российской Федерации (п. 5 ст. 1 ГК РФ). В отношении воли действует презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений (п. 3 ст. 1 ГК РФ).

Прямо «воля» в ГК РФ закреплена в следующих правовых нормах: приобретение и осуществление участниками гражданских правоотношений гражданских прав в соответствии со своей волей (п. 2 ст. 1 ГК РФ); автономия воли как основа гражданско-правового регулирования (п. 1 ст. 2 ГК РФ); воля как условие совершения сделки, то есть действий, направленных на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст.ст. 153 и 154 ГК РФ); определение воли через форму сделки (ст.ст. 158 и 160 ГК РФ); порок воли и волеизъявления как основание недействительности сделки (п. 2 гл. 9 ГК РФ); реализация воли через представительство (ст. 158 ГК РФ); возможность истребования имущества от добросовестного приобретателя при выбытии имущества от собственника помимо его воли (п. 1 ст. 302 ГК РФ); транслирование воли лица в публичной оферте (п. 2 ст. 437 ГК РФ) и др.

В целях реализации своих желаний, потребностей и интересов воля также формируется в юридически значимый период времени. Здесь она представляет собой психическое состояние (направленность на определенный результат), которое определяет юридически значимое поведение лица, реализуемое вовне. В правовом поле данный результат оценивается через представления о правовых и экономических целях сделки, а в бытовом и социальном плане речь идет об удовлетворении «житейских», экономических и иных потребностей: удовлетворение чувства голода – про-

дукты питания; удовлетворение физических, этических и эстетических потребностей – одежда, обувь, косметические средства; приобретение товаров, работ и услуг – быт, организация празднований и т.п.. Очевидно, что в бытовой сфере человек руководствуется не соображениями правового и экономического результата, а исходит именно из удовлетворения «житейских» (бытовых) потребностей. В отношении приобретения и приращения капитала (недвижимость, инвестиции и т.п.) выражено усматривается оформленность воли именно на соответствующий экономический и правовой результат. Таким образом, направленность юридически значимого поведения не исчерпывается только правовой целесообразностью, а определяется максимально возможным спектром потребностей и интересов человека. Из этого вытекает следующее. В своем внутреннем фокусе воля участника гражданских правоотношений представляет собой конгломерат потребностей, мотивации, интереса и представлений о результате их достижения и удовлетворения в отношении материальных и нематериальных объектов внешнего мира и выстраивания отношений с другими лицами (*содержательный уровень*). В своем внешнем фокусе воля человека получает название в таком правовом понятии как «волеизъявление», а достижение и реализация правового результата ставится в зависимость от соответствия внутренней воли волеизъявлению (*внешний уровень воли*).

Здесь же мы видим и реализацию *формального подхода* в гражданском праве к пониманию воли человека – воля как свобода выбора, удовлетворения потребности и желаний, воля как обслуживание интереса (*содержательный уровень и внешний уровень воли – волеизъявление*). Это отличие от понимания воли как свойства личности и как биологического и социального существа: 1) как этического понятия (воля как проявление автономии личности, способность действовать сообразно представлениям о свободе, равенстве, достоинстве, человечности и т.п.) (*высший уровень воли*); 2) как силы духа, поведения сообразного воле Бога (православие); 3) черты характера в контексте когнитивного, интеллектуального и эмоционального осмысления действительности и, главное, преодоления препятствий как пути становления личности (психология, психиатрия, педагогика). Концепт воли (психология, психиатрия, педагогика) определяется «способностью к преодолению препятствий» и потому воля здесь не подвержена внешним влияниям, напротив, она им противостоит и реализует самость (*центральный уровень воли*).

Заключение

В сфере гражданского оборота сложно усмотреть именно «личность» и «волю» в концептуальном их понимании, в частности, например, в приобретении одежды и аксессуаров – следуя веянию моды, предметов роскоши – желая подчеркнуть свой социальный статус, туристических продуктов – руководствуясь соображениями отдыха и новых впечатлений, получение косметических услуг – желая удовлетворить свои этические потребности в самовосприятии. Здесь мы уже сталкиваемся не с идейным пониманием личности через реализацию воли, обслуживающей свой интерес, а с личностью потребителя, чьи потребности в товарах, работах и ус-

лугах во многом определяются психологией потребления и маркетинговыми подходами, нежели собственными потребностями человека (*содержательный уровень и внешний уровень воли – волеизъявление*). Вряд ли такое поведение имеет ценностное (этическое) значение, но оно необходимо и важно для организации гражданского оборота, экономики страны, формирования налоговой базы и т.п.

Представляется, что в положениях ГК РФ воля по своему содержанию могла бы быть воспринята и истолкована как формальное понятие, где форма состоит в том, что воля – это свобода удовлетворения желаний и интересов в границах закона и неиспользование своих прав не в правовых целях. И именно п. 1 ст. 2 ГК РФ, где закрепляется принцип автономии воли в качестве одного из фундаментальных положений гражданского законодательства, наполняет поведение физического лица как участника гражданских правоотношений этическим смыслом и содержанием (*центральный уровень воли*).

В совокупности статей ГК РФ мы видим отражение воли не как философского понятия, а как ее отдельной, при этом узкой, грани – способности желать и реализовывать желание (потребность, интерес и т.п.) в частноправовом пространстве. Примечательно, что ГК РФ прямо устанавливает, что все гражданско-правовое регулирование основано на принципе «автономии воли», то есть ГК РФ однозначно устанавливает философские этические основания свободы участников гражданских правоотношений (п. 1 ст. 2 ГК РФ) (*высший уровень воли*).

В последующей публикации по представленной теме исследования будут раскрыты следующие вопросы: соотношение воли, правоспособности, дееспособности и сделкоспособности; воля и представительство; юридическое понимание воли в контексте влияния на нее соматических заболеваний и психических расстройств; значение воли в разрешении гражданско-правовых споров с участием физических лиц на примерах.

Список литературы

1. **Аксенова Г. И., Аксенова П. Ю.** Воля в ее возрастном и психолого-педагогическом значении // Прикладная юридическая психология. 2024. № 3(68). С. 5 – 10.
2. **Багирян Е. П.** Воля человеческая. Православное понимание вопроса // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2023. № 1(14). С. 142 – 145.
3. **Ворожейкин С. А.** Воля как предиктор саморегуляции и основа социальной активности // Страховские чтения. 2021. № 29. С. 84 – 90.
4. **Казаченко О. В., Шмалько С. П., Дорошенко О. В.** Использование методов интеллектуального анализа данных для свободного ассоциативного эксперимента (на примере ценности *воля*) // Вопросы психолингвистики. 2023. № 4(58). С. 75 – 93.
5. **Кант И.** К вечному миру 1795 г. // Метафизические начала естествознания. М.: Мысль, 1999. С. 1189 – 1242.
6. **Кант И.** Критика практического разума 1788 г. // Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 247 – 460.
7. **Кант И.** Основы метафизики нравственности 1785 г. // Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 155 – 246.

8. **Миронова Е. С.** Воля и волевые процессы качества личности // Устойчивое развитие науки и образования. 2023. № 9(84). С. 28 – 31.
9. **Пименова М. В.** Безэквивалентные концепты (на примере концепта воля) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. Т. 8, № 2. С. 51 – 57.
10. **Психиатрия:** учеб. пособие / под общ. ред. В. А. Шаповала. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2020. 160 с.
11. **Чукин С. Г., Сальников В. П., Балахонский В. В.** Философия права: учебник / под общ. ред. В. П. Сальникова, Г. Н. Хона. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 240 с.
12. **Шляпников В. Н.** Воля: потерянное звено современной зарубежной психологии // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 1. С. 72 – 87.

References

1. **Aksenova G.I., Aksenova P.Yu.** [Will in its age and psychological-pedagogical significance], *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology], 2024, no. 3(68), pp. 5-10. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Bagiryan Ye.P.** [Human will. Orthodox understanding of the issue], *Vestnik Omskoy Pravoslavnoy Dukhovnoy Seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary], 2023, no. 1(14), pp. 142-145. (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Vorozheykin S.A.** [Will as a predictor of self-regulation and the basis of social activity], *Strakhovskiye Chteniya* [Strakhovskie Readings], 2021, no. 29, pp. 84-90. (In Russ., abstract in Eng.)
4. **Kazachenko O.V., Shmal'ko S.P., Doroshenko O.V.** [Using methods of data mining for a free associative experiment (using the value of will as an example)], *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], 2023, no. 4(58), pp. 75-93. (In Russ., abstract in Eng.)
5. **Kant I.** *Metafizicheskiye nachala yestestvoznaniya* [Metaphysical Principles of Natural Science], Moscow: Mysl', 1999, pp. 1189-1242. (In Russ.)
6. **Kant I.** *Osnovy metafiziki нравственности* [Fundamentals of the Metaphysics of Morality], Moscow: Mysl', 1999, pp. 247-460. (In Russ.)
7. **Kant I.** *Osnovy metafiziki нравственности* [Fundamentals of the Metaphysics of Morality], Moscow: Mysl', 1999, pp. 155-246. (In Russ.)
8. **Mironova Ye.S.** [Will and Volitional Processes of Personality Qualities], *Ustoychivoye razvitiye nauki i obrazovaniya* [Sustainable Development of Science and Education], 2023, no. 9(84), pp. 28-31. (In Russ., abstract in Eng.)
9. **Pimenova M.V.** [Nonequivalent Concepts (using the Concept of Will as an Example)], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2010, vol. 8, no. 2, pp. 51-57. (In Russ., abstract in Eng.)
10. **Shapoval V.A. (Ed.)** *Psikhiatriya: ucheb. posobiye* [Psychiatry: Textbook], St. Petersburg: Izdatel'stvo SPb universiteta MVD Rossii, 2020, 160 p. (In Russ.)
11. **Chukin S.G., Sal'nikov V.P., Balakhonskiy V.V.; Sal'nikov V.P., Khon G.N. (Eds.)** *Filosofiya prava: uchebnik* [Philosophy of Law: textbook], Moscow: IMTS GUK MVD Rossii, 2002, 240 p. (In Russ.)
12. **Shlyapnikov V.N.** [Will: the missing link in modern foreign psychology], *Ekspperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology], 2022, vol. 15, no. 1, pp. 72-87. (In Russ., abstract in Eng.)

The "Will" of an Individual in Civil Law and its Levels in the Context of an Interdisciplinary Approach (Part 1)

I. A. Kalinina, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Civil Law and Process,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
ia-kalinina@mail.ru*

In the article, will as a concept of civil law is revealed through the analysis of the legal norms of the Civil Code of the Russian Federation, with regard to the understanding of will in philosophy, religion, psychology, psychiatry, and linguistics. Through the prism of the concept of will in civil law, the legal capacity, legal capacity, legal capacity of minors, legal personality of persons with limited legal capacity and persons recognized as legally incompetent, representation are revealed.

Special attention is paid to the analysis of the influence of biological factors on the involvement of an individual in civil law relations. Here there is an appeal to psychiatry as a field of medicine that studies the deformation of a person's will under the influence of mental disorders and somatic diseases.

The conclusion is formulated that the will is a fundamental and system-forming concept of civics. Based on the interdisciplinary analysis of will, the levels of will of an individual as a participant in civil law relations are determined: the highest level of will is determined by the idea of will as a property of personal autonomy; the central level of will is associated with the psychosomatic characteristics of a person, his social and economic competencies; the substantive level, where the will of an individual is formed during a legally significant period; the external level of will is the expression of will.

Keywords: will; autonomy; personality; individual; legal capacity; legal capacity; bargaining capacity; rights; representation; mental disorders.

© И. А. Калинина, 2025

Статья поступила в редакцию 06.02.2025

При цитировании использовать:

Калинина И. А. «Воля» физического лица в гражданском праве и ее уровни в контексте междисциплинарного подхода (часть 1) // *Право: история и современность*. 2025. Т. 9, № 1. С. 128 – 136. doi: 10.17277/pravo.2025.01.pp.128-136